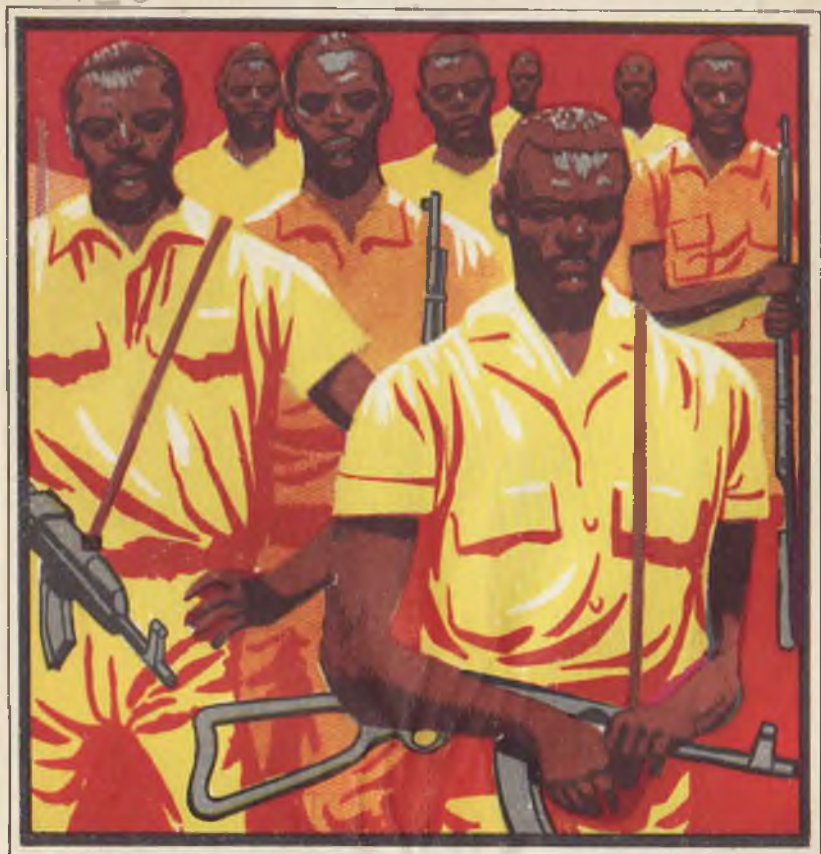

P2
И20

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ-ЛЕОНОВ

КОПЬЯ НАРОДА

ВАЛЕНТИН
ИВАНОВ-ЛЕОНОВ

P2

И 20

320506

**КОПЬЯ
НАРОДА**

Рассказы и повести

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 1971

Р 2
И 20

К ЧИТАТЕЛЮ

Совсем недавно, всего каких-нибудь 15—20 лет назад, в нашей стране да и во всем мире очень мало знали о жизни народов Африки. В то время огромная территория этого континента была поделена между английскими, французскими, бельгийскими, португальскими и испанскими колонизаторами. Естественно, что колониальные власти были заинтересованы в том, чтобы умалчивать о событиях, происходящих в колониях, о жизни и чаяниях их жителей.

С тех пор положение в корне изменилось. На наших глазах рухнули колониальные империи европейских империалистических держав. Десятки независимых государств возникли в Африке на месте вчерашних колоний. Народы этих стран навсегда покончили с политической ослепкой империализма и закладывают сейчас основы новой национальной экономики.

Однако с колониализмом в Африке покончено еще не везде. На громадных территориях континента все еще господствуют колонизаторы и расисты. Под их властью томится более 30 миллионов коренных жителей, испытывающих все ужасы колониального рабства.

Позиции колонизаторов и расистов наиболее сильны в южной части Африки. Здесь находятся колония Англии Южная Родезия, где европейское меньшинство с целью сохранения своего господства в одностороннем порядке провозгласило так называемую «независимость», колонии фашистской Португалии Мозамбик и Ангола, народы которых ведут героическую борьбу за свое освобождение, незаконно захваченная Южно-Африканской Республикой и фактически превращенная ею в колонию Намибия. Особое место в системе колониально-расистских режимов принадлежит здесь самой Южно-Африканской Республике — стране, которую с полным правом можно назвать

оплотом расизма и колониализма на всем Африканском континенте. В глазах прогрессивной мировой общественности ЮАР давно уже приобрела дурную славу крайне реакционного государства фашистского типа, все стороны жизни которого пронизаны расовой дискриминацией. Около 18 миллионов неевропейцев в ЮАР подвергаются жесточайшей экономической эксплуатации, они лишены всех возможных в условиях буржуазной демократии политических и гражданских прав, они подвергаются незаконным арестам, пыткам и издевательствам. Расистские власти жестоко подавляют любое, даже самое робкое проявление протеста коренных жителей против бесправия и террора.

Однако свободолюбивые народы Южной Африки никогда не мирились с угнетением и дискриминацией. Их борьба в разное время принимала различные формы. В последние годы прогрессивные силы в Южной Африке были вынуждены отдать предпочтение вооруженным методам борьбы, как наиболее эффективному средству воздействия на реакционный расистский режим. Борьба эта ведется в чрезвычайно тяжелых условиях. Но, несмотря на жестокие репрессии, сопротивление народных масс ширится с каждым годом. На их стороне симпатии и поддержка всей независимой Африки, а также прогрессивных людей всего мира.

В этой книге рассказывается о жизни и борьбе народов колониально-расистского юга Африки — ЮАР и Анголы. Она проникнута глубоким сочувствием к страданиям африканцев, ненавистью к расистам и колонизаторам, верой в конечную победу сил освобождения.

А. Покровский,
старший научный сотрудник
Института Африки АН СССР

Р А С С К А З Ы

«СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ БРАТЬЕВ»

1

Охваченный тревогой, Вильям Кумало почти бежал к остановке автобуса. Дома, в локации*, лежал его отец, один, раненый, беззащитный. Подо-

* Локации — специальные поселки для африканцев около городов в ЮАР. Жить в городах африканцам запрещено.

слабые убийцы только случайно не убили его. Но они придут снова. Кумало не сомневался в этом.

Три дня назад к отцу — Элиасу Кумало — подошли двое. Один из них сунул ему в руку черный бумажный кружок с изображением белого креста. Это был смертный приговор Союза братьев. Убийца выстрелил из пистолета в то время, когда Элиас рассматривал знак. Маленький худенький Вильям едва дотащил отца домой.

У отца было много друзей среди европейцев-демократов. За неделю до этого один из них получил сведения, что «братья» вынесли приговор Элиасу Кумало и двум другим руководителям Африканского общества свободы*. Европейец предупредил отца, но это не помогло. Если враги явятся вновь, что может противопоставить он им? А «братья» не знают пощады.

По широкой Элофф-стрит между рядами небоскребов катился шумный поток автомобилей, торопливо шагали по тротуарам буры** и англичане, греки и индийцы, африканцы и цветные***. Красные лучи вечернего солнца пожаром поыхали в окнах домов, в стеклах мчащихся машин. Но Кумало ничего не замечал. Все мысли его были там, дома. Какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что случилось непоправимое.

Кумало вошел во двор, быстро взглянул на свое окно. Оно было закрыто, хотя утром он оставил его распахнутым.

Кумало промчался мимо хозяек, варивших на железных печках обед, ощупью прошел по темному, задымленному коридору и открыл дверь. Лоб его покрылся холодным потом.

Отец лежал на полу среди опрокинутых стульев. Странно неподвижное тело. Рот распылен в молчаливом крике. На груди пятно крови. Черная, уже посеревшая рука отброшена назад. В кулаке зажат гаечный ключ, которым он защищался от убийц.

Горе, злоба, отчаяние переплелись в груди Кумало в один ядовитый клубок. Отец был святым человеком. Он вступился за свой парод, который топтали колонизаторы. Он не молчал, как многие другие. И вот его

* В повести названия демократических подпольных организаций ЮАР изменены автором.

** Бур — потомок голландских поселенцев.

*** Цветные — так в ЮАР называют мулатов.

убили. Полиция и пальцем не шевельнет, чтобы разыскать и наказать убийц, руку которых направлял все- сильный фашистский Союз братьев.

Но он, Кумало, не станет, как зимнее солнце, идти стороной. Он обойдется и без полиции. Придет время, и он найдет убийц. Он наступит на их подлые шкуры. Он знает, где их искать.

2

Через день после похорон Кумало, полный решимости отомстить, направился в Вестден — фешенебельный район Йоганнесбурга. Здесь в двухэтажном особняке жил, как говорили, один из главарей этих «братьев» — убийц его отца. У Кумало не было никакого определенного плана действий. Ему лишь хотелось взглянуть на врагов отца. Он понимал, что найти подлинных убийц ему, бесправному африканцу, которому запрещено даже появляться без пропуска в городе, едва ли удастся. Но кто знает, что может случиться? У отца много друзей среди европейцев. Кумало не отступит от намеченной цели, пока не сделает все, что в его силах. И тогда убийце конец.

Смеркалось. Из ворот особняка вышли двое буров. Один, судя по неотглаженной одежде, по широкой рыжей седеющей бороде, выгоревшим густым бровям и шляпе с большими полями, был деревенским жителем — какой-нибудь плантатор. Другой был горожанином — выложенный, в элегантном светлом костюме, в золотых очках, с темными напояженными волосами. Он производил впечатление богатого образованного человека.

Кумало остановился. Вот они какие, «братья». Глубоко посаженные колкие глаза плантатора внимательно скользнули по фигуре Кумало, который смотрел на европейцев во все глаза. Бородатый почему-то усмехнулся. «Братья» сели в машину и уехали. Почему он усмехнулся?

Знали эти о приговоре отцу? Едва ли. Не могут все «братья» знать, с кем расправляется их союз.

На следующий вечер, выходя из редакции газеты «Ассагай», где он работал курьером, Кумало заметил, что двое подозрительного вида африканцев увязались за ним. Он отчетливо слышал, как один из них сказал: «Вот он, тот самый». Что им нужно? Видно, «братья»,

9

подославшие их, хотели знать, как он, сын убитого ими, ведет себя, что делает, с кем общается. А может быть, у них на уме что-нибудь и похуже, если они заметили, как он приходил к особняку?

Утром Кумало проснулся, когда соседи еще спали. Он ополоснул лицо водой и, не позавтракав, отправился на работу. В черном леденеющем небе светились звезды. Поеживаясь от ночного холода, Кумало зашагал по неосвещенному переулку. Из шалашей — пондокков, из домов с заклеенными бумагой окнами доносились приглушенный разговор, перебранка невыспавшихся людей.

Он почти миновал локацию, когда перед ним выросли двое здоровенных полицейских. Один из них, со вздернутым носом, сказал насмешливо:

— Эй, Джон, куда спешишь? — Для полицейских все африканцы — Джоны.

Кумало остановился. «Кто они — настоящие полицейские или?..»

— Ночной пропуск.

— Но комендантский час только до пяти. Уже шестой час, — ответил Кумало, пятясь и оглядываясь назад. — В локации не нужно ночного пропуска.

— Ты нас не учи. Нет пропуска?

— А что я сделал? Я иду на работу.

Он не успел отпрыгнуть. Полицейский со вздернутым носом схватил его за руку. Кумало рванулся изо всех сил, но «бобби» поднес к его носу дубинку.

— Хочешь попробовать?

Щелкнули наручники на запястьях.

Кумало с горечью вспомнил о хозяйке, которой он не заплатил за квартиру. Теперь она решит, что он сбежал. И еще он подумал о Ребекке Нгойи, девушке из редакции. Станет ли она навещать его в тюрьме или забудет о нем? Ведь их дружба только началась...

Его ввели в полицейский участок — мрачное помещение с зарешеченным окном. Под потолком — электрическая лампочка без абажура. Слева, у грубой деревянной скамьи, стояли два пария гангстерского вида, скованные друг с другом наручниками. У двери дежурил полицейский-африканец с коротким копьем. За непокрытым столом сидел сержант-европеец в форме, застегнутой на все пуговицы. Он строго взглянул на аре-

стованного — ни тени улыбки или дружественного участия на жестком, сухом лице.

— Нет ночного пропуска! — отрапортовал курносый полицейский. — При аресте оказал сопротивление.

— Имя?

Кумало встретил враждебный взгляд сержанта и понял: этот властный служака сидит здесь не для того, чтобы разбирать, виновен арестованный или нет. Его задача доказать африканцу, что если он арестован, то арестован правильно.

Кумало выдали потертое одеяло и втолкнули в камеру. Ни кроватей, ни стульев, ни скамеек. Африканцы разных возрастов лежали на цементном полу, завернувшись в одеяла или подложив их под себя.

Слева от Кумало сидел пожилой мужчина. Он был арестован за незаконную продажу самогона — скокиана. Справа — угловатый африканец лет тридцати, по имени Мозес — рабочий с текстильной фабрики. Его арестовали за неуплату налогов. У него было семеро детей. Мозес, однако, не распространялся о своем горе и держался спокойно.

— Ты за что? — спросил он Кумало. Кумало объяснил.

Мозес буднично кивнул:

— Урожай собирать поедem. Время такое — уборка. Всех подряд арестовывают.

— Не поеду, — отрезал Кумало.

Мозес удивленно посмотрел на него:

— Ты что, в первый раз?

3

В полдень арестованных сковали попарно и повели по Притчард-стрит в суд. У здания суда вытянулась длинная вереница грузовиков и фургонов, запряженных волами. На подножках сидели фермеры в широких шляпах, с обветренными лицами. Они ожидали окончания суда, чтобы отвезти осужденных африканцев на фермы.

Почти все дела были о нарушении законов о пропусках. Африканец задержан на улице, один из его многочисленных пропусков в личной «книжке банту» не в порядке: десять дней тюрьмы или штраф два фунта. Подсудимые не протестовали, во всем соглашались с судьей. Кумало раздражала трусость этих людей.

Клерк докладывал:

— Бродяжничество. Задержан без пропуска, мой лорд.

Судья, покосившись на подсудимого, выносил приговор:

— Десять дней или два фунта штрафа...

За барьер встал молодой африканец. Он держался смело и независимо.

— Задержан без ночного пропуска, мой лорд, — доложил клерк. — При аресте оказал сопротивление.

Судья открыл было рот, чтобы изречь приговор, но африканец вклинился:

— Констебль ударил меня.

Судья недовольно пожевал губами и посмотрел на парня, как смотрят на человека, который не умеет себя вести.

— Я вижу, ты хочешь отнять у меня время. Находясь в чужом, европейском городе, ты должен беспрекословно повиноваться властям.

— Иоганнесбург мой город. Я здесь родился.

— Баас! * — рявкнул судья.

— Я здесь родился, баас. Констебль ударил меня...

— Год тюрьмы без замены штрафом. Следующий.

Теперь Кумало понял, что те, кого он считал трусами и глупцами, вели себя разумно. Судье ничего не докажешь. А ведь он, Кумало, сопротивлялся при аресте.

К нему подошел бур с рыжей, седеющей бородой. Он остановился перед арестованным, вскинув выгоревшие густые брови, и, деловито разглядывая его колкими, глубоко посаженными глазами, словно перед ним была лошадь, спросил с кротостью, которая не вязалась с его угрюмым обликом:

— Слушай, бой, хочешь поехать ко мне на ферму? Подпишем контракт на год — и никакого суда.

Кумало подозрительно заглянул в светло-голубые колючие глаза бура. «Что за человек? Кажется, я где-то его видел. Но где?»

Бур вытер платком загорелый лоб, на котором белела полоса от шляпы.

— Христианин?

— Да.

* Баас — господин (язык буров-африканс).

- Я соблюдаю все воскресенья. Церковь неподалеку.
 - Сколько будете платить?
 - Три ранда в месяц. Церковь рядом. Как зовут?
- Кумало ответил.

По лицу плантатора пробежала какая-то тень. Густые выгоревшие брови поднялись. Бур пристально, с интересом взглянул на парня.

На соглашении, которое подписал Кумало, плантатор поставил свою подпись: «Фан Снимен».

4

К вечеру приехали на ферму. Кумало огляделся: двор, окруженный высоким забором с колючей проволокой, длинный глинобитный барак с узкими прорезями вместо окон, крепкие, окованные железом ворота, сторож с ружьем. Настоящая тюрьма. И здесь ему предстоит провести целый год!

Старший надсмотрщик Урбаньяк — бур лет сорока, с большими оттопыренными ушами — приказал прибывшим построиться и произнес краткую речь, суть которой сводилась к тому, что батраки должны работать честно, им будет заплачено сполна, за нарушения будут наказывать.

Потом всех повели в барак. Здесь стояли ряды цементных прямоугольных блоков. Каждый блок заменял собой постель. Кумало получил одеяло. Матраса не полагалось.

Утром всех подняли надсмотрщики. Рабочие съели по миске махью — жидкой забродившей каши — и отправились в поле. Надсмотрщики — буры и африканцы — ехали верхом. У каждого длинный свернутый сьембок — ременный кнут. На лицах — ни вражды, ни злости: словно гнали рабочий скот.

Солице еще не появилось. Малиновое пламя заливало восток, счастливо улыбалось новое утро. Кумало шагал в колонне оборванных людей. Здесь были и те, кто попал сюда по контракту, и заключенные, которых Фан Снимен «арендовал» за небольшую плату у департамента тюрем.

Отряд остановился на картофельном поле. Кривые красные грядки уходили к горизонту.

— На месяц работы, — сказал Мозес, тот самый африканец из Йоганнесбурга, у которого было семеро детей.

— Неужели можно все это убрать? — Поле казалось Кумало необъятным.

Надсмотрщик подтолкнул его рукояткой съямбока:

— Не разговаривать. Построиться.

Все выстроились поперек грядок, и лопухий Урбаньяк, имевший склонность к речам, снова произнес наставление: рабочие должны соблюдать прямую линию, не отставать и выбирать все картофелины из земли до единой.

— Помолитесь и начинайте!

Передвигаясь, Кумало и Мозес перетаскивали за собою мешок. Надсмотрщик ду Принз то и дело соскакивал с лошади и шарил руками в земле, проверяя работу африканцев. Это был желчный, озлобленный человек, какой-то потертый и выцветший. Кумало работал тщательно, и надсмотрщик ни разу не поймал его. Мозесу дважды досталось кнутом по спине. Он вынес это стойко, не издав ни звука.

Кумало спотыкался о грядки, тело ломило от напряжения. Отдыхать не разрешалось. Этот первый день на ферме Кумало запомнил надолго. Возвращаясь вечером, он едва двигался.

В компаунде в ожидании обеда Кумало сел у костра. Вокруг сидели люди со всей Южной Африки: и басуто из Лесото, запернутые в яркие одеяла, и местные зулусы, и даже африканцы из Родезии.

Маймане — застенчивый и симпатичный паренек из Йоганнесбурга — понравился Кумало. Маймане сказал, что попал на ферму, забыв дома документы. Полиция остановила его на улице, и он оказался здесь. Маймане говорил ровным голосом, не возмущаясь. Все было в порядке вещей.

— Кумало видит там двоих из племени матабеле*, — Маймане указал на крепких мужчин у соседнего костра. — Это внуки короля матабеле. Баас не отпускает их с фермы.

Один из матабеле беззаботно разговаривал с сосе-

* Матабеле — народ, живущий в Южно-Африканской Республике и в Южной Родезии.

дом, другой, обхватив руками колени, молча смотрел на огонь.

— Был еще третий матабеле, — зашептал Маймане, — но Маймане похоронил его.

Кумало удивленно взглянул на собеседника.

— Аи, отец! Похоронил. Пусть тысяча муравьев вопьется в Маймане, если он врет. Третий матабеле отказался работать, и его повели к большому дому. — Маймане настороженно оглянулся. — Матабеле завязали в мешок и били шлангом для поливки, пока не умер. Надсмотрщикам не хотелось самим копать могилу. Они разбудили ночью Маймане. И Маймане выкопал могилу в вельде.

Кумало слушал с возмущением. Куда он попал? Ярость мешалась с чувством страха перед зловещим «большим домом».

Где же он все-таки видел этого плантатора?

5

Палило солнце. Казалось, конца не будет картофельным грядкам. Руки Кумало обдирались о сухую землю, растрескались. Надсмотрщик ду Принз, всегда желчный и озлобленный, сегодня придирался ко всему. Хозяин пашел в грядках его бригады невыбранный картофель. Жертвой надсмотрщика стал Маймане. Парень отстал, изломал строй. В два прыжка лошадь ду Принза оказалась рядом. Надсмотрщик вытянул рабочего кнутом, соскочил на землю и, сбив с ног, принялся пинать. Маймане закрывался руками. Из носа и рта текла кровь.

Кумало шагнул к надсмотрщику и оттолкнул его.

— Вы убьете парня, — с холодным бешенством проговорил он.

Надсмотрщики накинулись на маленького Кумало. Тот, сверкая голубоватыми белками, защищался как мог. Мозес кинулся ему на помощь. Но его схватили.

Троих африканцев отвели в компаунд и закрыли в сарае.

— Ну, теперь нас запорют до смерти, — сказал Маймане. — И зачем Кумало вступился?

— Он мог убить тебя своими ножищами.

— Недавно рабочий Нкоме только замахнулся на

надсмотрщика, и ему всыпали двадцать пять ударов шлангом. А Кумало дрался с надсмотрщиком!

Ночью Кумало услышал снаружи осторожные шаги. Он посмотрел в щель и увидел молчаливого потомка короля матабеле с ломом в руках. Сторож у ворот спал, завернувшись в брезентовый плащ. Матабеле приблизился к сараю, тихо постучал в дверь. Кумало ответил. Человек заработал ломом. Скрипнул вытаскиваемый пробой. Дверь отворилась, и пленники вышли во двор. Сторож по-прежнему спал.

Забор был высок, с колючей проволокой наверху. Не перелезешь. Стали копать под стеной лаз. И вскоре все вылезли в темную безлюдную степь.

— На станцию нельзя, — сказал Мозес. — Там полиция.

Перевернутый Южный Крест сиял над горизонтом. Беглецы пошли прямо на него, чтобы не кружить в необъятном вельде*.

Вокруг ни лесов, ни кустарников. В полдень, когда беглецы проходили мимо фермы, их заметили. Трое буров с винтовками подъехали к ним на «джипе». Беглецов заперли во дворе.

Вскоре явились четверо верховых надсмотрщиков. Ду Прииз связал спереди руки Кумало длинной сизалевой веревкой, конец которой приторочил к седлу. Другие надсмотрщики проделали ту же операцию с остальными пленниками.

Надсмотрщики поехали рысью. Кумало бежал между Мозесом и матабеле, ударяясь об их плечи. Всадники курили, разговаривали. Они ни разу не обернулись. Кумало выбивался из сил. Ноги стали чужими.

Первым свалился потомок короля матабеле. Он не просил о пощаде. Он молча попытался подняться, но веревка вновь и вновь кидала его на землю. Потом упал Маймане. Волочась по земле, он плакал и умолял остановиться. Но надсмотрщики, казалось, не слышали его криков. Мозес держался, пока не упал замертво.

Кумало бежал и бежал. Ровная степь летела, катилась ему навстречу. Пылало поднявшееся над головой солнце, пылал мозг, пылала земля под ногами. Перед глазами пятнами плавали вспотевшие спины всадников.

* Вельд — южноафриканская степь.

Но вот наконец показалась усадьба. Напрягай силы, Кумало! Работай ногами! Рано тебе умирать. Надо еще расплатиться за все с врагами.

У ворот компаунда всадники разделились. Ду Прииз повел Кумало к большому дому. Кумало дышал, как паровоз на подъеме. Земля колыхалась под ним. Надсмотрщик толкнул его в спину, и Кумало, словно автомат, вошел в ворота.

Хозяин встретил его у конторы. Он глядел из-под густых выгоревших бровей.

— Ты что же, раб божий, говорят, надсмотрщика хотел убить? — сказал он тихо, с деланной кротостью. — Я спас тебя от суда, кормил, поил, а ты, неблагодарный, взбунтовался и сбежал? А ты ведь христианин. Разве ты не знаешь, что противиться господину своему — противиться воле божьей?

— Двадцать шлангов ему, хозяин, — сказал ду Прииз и сглотнул слюну от избытка усердия.

— Бог с тобой, ду Прииз. Попробуй дай ты ему больше десяти, он же притворится потом больным и не станет работать. А в поле картофель не убран. И так троих рабочих потеряли. Один убыток от вас, неразумных.

— Туземец подбил остальных.

— А ты слушай, ду Прииз, когда с тобой говорит старший. Десять достаточно. Ну, Кумало, молись богу. Искупил со смирением грех свой и больше не бегай, — сказал Фан Снимен с отеческой мягкостью в голосе, жестом отпуская надсмотрщика и африканца.

Кумало привязали к столбу. Ду Прииз завернул ему рубаху и, отступив на шаг, с выдохом нанес удар тяжелым резиновым шлангом. На восьмом ударе Кумало повис на веревках.

— Иди к хозяину, — приказал надсмотрщик, когда Кумало пришел в себя. — Благодарни за учение. Таков порядок.

Кумало молча повернулся и пошел в сторону компаунда.

— Я доложу баасу! — крикнул ду Прииз. — Получишь еще!

«Я поблагодарю вас за это учение, — шептал Кумало, — настанет наше время».

Через месяц после этого Кумало послал письмо Ребекке Нгойи. Он рассказал девушке, что с ним случилось, и выразил надежду на скорую встречу.

А на другой вечер в барак явился лопухий Урбаньяк и сказал, что баас требует Кумало к себе.

Хозяин принял его так, словно ничего не случилось. Он приветливо глядел на Кумало, двигая выгоревшими густыми бровями.

— Ты, выходит, грамотный?

— Учился в девятом классе, — буркнул Кумало сумрачно.

— Говори громче! — приказал Урбаньяк. Кумало нахмурился.

— Что же ты сразу не сказал? — Хозяин словно не слышал резких слов надсмотрщика. — Я дал бы тебе хорошую работу. Тут мой клерк заболел. Сможешь вести переписку?

Кумало пришел в контору. У посевшего чернокожего клерка где-то были жена, дети, выросшие без отца. Он был рад, что пришла замена, и хозяин обещал отпустить его наконец, через двадцать лет работы.

Прощаясь на другой день, клерк сказал:

— Будь осторожен, ничего не замечай в этом доме. Если хозяин заподозрит, что ты слишком любопытный...

— А что здесь такое?

Но клерк не хотел продолжать. Кумало ничего не узнал. Однако разговор этот он запомнил крепко. «Ступай осторожно, Кумало», — сказал он себе.

Он стал вести несложную бухгалтерию, составлять по образцам договоры с фермерами на аренду земли у хозяина. Фан Сиимен был богатейшим человеком. Он был членом правления африканерского* банка «Фольксбанк». У него было тридцать тысяч моргенов** земли, был парк грузовых машин. Все соседи пользова-

* Африканер — другое название буров — потомков голландских поселенцев в ЮАР.

** Морген — 0,85 гектара.

лись транспортом плантатора. Они приходили в контору униженные и какие-то испуганные. Сам начальник полиции района дю Плесси держался с хозяином заносчиво и подобострастно. Все му этому была какая-то причина.

Пришла повестка из суда. За убийство троих рабочих Фан Снимена приговорили к штрафу в пятьдесят рандов. Плантатор ходил сердитый, и Кумало старался не попадаться ему на глаза.

Каждое утро Фан Снимен собирал слуг и надсмотрщиков-африканцев, тех, что не были в поле, и читал им проповеди. Кумало тоже был обязан присутствовать. Пересказывая житие какого-нибудь святого, Фан Снимен старался привить слушателям мысль о справедливости деления людей на высшие и низшие расы, на господ и слуг. «Противящийся господину своему — противится воле божьей, ибо бог сделал одного белым, а другого черным, одного господином, а другого слугою его. Ничто не делается без воли всевышнего».

Надсмотрщики с благоговейным видом смотрели в рот хозяину. Кумало всегда молчал. По лицу его нельзя было понять, о чем он думает. Он быстро научился в этом доме скрывать свои мысли.

Фан Снимен видал во все дела, знал, что происходит на плантациях.

— Очень у нас много муки едят рабочие, — говорил он, просматривая бухгалтерские книги. — Уменьши выдачу повару. Сколько ни дай, все съедят.

— Почему, Кумало, батраки так мало покупают в моей лавке?

— Цены почти вдвое выше, чем везде, баас. Рабочие не хотят переплачивать. Шьют одежду из мешков, делают себе деревянные ложки, обувь изготавливают из шин.

Хозяин сокрушенно качал головой:

— Сговорились разорить меня, ироды. Товары-то лежат, а за них заплачено.

8

Кумало приходилось бывать на соседних фермах, и хозяин давал ему верховую лошадь.

В этот день Кумало поехал к Эбензеру — давнишнему должнику Фан Снимена.

Дом Эбензера был невелик. Все здесь приходило в запустение. Ветряной насос, поднимавший воду из глубины земли, не работал. На всем лежала печать бедности.

— Доброе утро, Эбензер, — сказал Кумало, подъезжая к окну на белом, перебирающем ногами коне. — Вас хочет видеть баас.

— Это для тебя он «баас», а для меня — тьфу!

Кумало засмеялся. Он сказал фермеру, что Фан Снимен собирается взыскать с него долги.

— У меня нет денег.

— Тогда он отберет у вас землю.

— Я не уступлю ему ее.

— Судья заодно с ним.

— Ну это у него не пройдет, у проклятого фашиста! — вспыхнул Эбензер. — Моя семья кровью заплатила за участок. И теперь отдать землю этому куклуксклановцу? Твой хозяин думает, что, если он из этого дьявольского Союза братьев, так ему все можно?!

Кумало открыл рот от удивления. Вот оно что! Фан Снимен — член вездесущего Союза братьев — Брудер-бонда, тайного общества буров-расистов. Они убили отца, гиены! Вильям Кумало представил себе отца, всегда уравновешенного, справедливого. Однажды, когда у них дома собрались руководители Африканского общества свободы, один из них сказал отцу: «Ты, Элиас, слишком смело выступаешь против «братьев». Ведь на митингах бывают не только друзья. Осторожность, знаешь, не мешает. «Братья» не любят, когда о них говорят вслух». — «Мы все рискуем, — ответил отец, — кто-то должен указывать людям дорогу. Союз братьев направляет политику расистов. Они засели в правительстве. Они враги нашего народа. Конечно, риск есть. Но я ведь не один».

Отец был простым ткачом. Но он много знал. Он знал историю и в особенности историю зулусов, он читал книги великих революционеров. И если разгорался спор, отец почти всегда выходил победителем. Он говорил сыну: «Приходится воевать, Вильям. Ничего не поделаешь. Я хочу, чтобы ты жил не так, как жил я, хочу, чтобы не было резерваций и пропусков, чтобы вы, молодые, могли поступить в университеты и работать там, где вам нравится. Мы должны быть свободными и рав-

ными с белыми. Разве это не справедливо?» И вот «братья» убили его.

Кумало ехал обратно, обдумывая слова Эбензера. Знойное марево дрожало над раскаленной землей. Задыхалась под солнцем саванна, пахла разогретыми травами, увядающими цветами.

Значит, Фан Снимен — один из «братьев»! Теперь понятно, почему соседи боятся его. Может быть, он даже какой-нибудь руководитель у них? Очень уж заискивают перед ним. И вдруг Кумало вспомнил, где он видел раньше рыжебородого Фан Снимена: это он, плантатор, был одним из двух буров, которых Кумало встретил тогда вечером в Йоганнесбурге, когда ходил посмотреть на особняк, принадлежащий «братьям», хотел увидеть врагов отца.

9

Вечером в дом приехало около десяти гостей. Первым явился начальник полиции дю Плесси — человек лет пятидесяти. Он приблизился к двери Фан Снимена на цыпочках. На лице его заранее появилось заискивающее, угодливое выражение. Потом пришли двое: толстый плантатор Лашигер с желтым от лихорадки лицом и геолог Криел — маленький брюнет с рассеченной, как у кролика, верхней губой. Кумало не раз встречал его в вельде у буровых установок. Говорили, что геологи искали подземную воду для овцеводческих ферм. Судья Радеман — крепкий человек с рачьими глазами и жесткой седой щеткой волос на голове — прошел в кабинет хозяина, даже не посмотрев на клерка. Гости ничего не спрашивали, видимо, бывали здесь раньше.

Из двери высунулась рыжая борода Фан Снимена.

— Ты больше не нужен, Кумало, иди в компаунд.

«Собрались, — подумал Кумало. — Неужели и эти тоже «братья»?»

10

Чадили огненные косички свечей. Тени колыхались на потолке. На белой стене — скрещенные топор и кинжал. За столом на председательском месте мрачная фигура в черном балахоне. В узких прорезях капюшонов

голубые холодные, как льдинки, глаза. На груди старшего «брата» массивный золотой крест. Десять человек фаланги, зловещие в своих черных одеяниях, сидели несколько поодаль от него, явно соблюдая дистанцию.

— Проверяли этого Криела, дю Плесси? — спросил Фан Снимен, глава сборища.

— Мы не выпускаем геолога из виду уже год, святой отец, — ответил начальник полиции. Голос его звучал глухо из-под капюшона.

— Он чистый африканер?

— Да, святой отец. Мы проверили его предков. Он принадлежит к расе африканеров.

— Верующий?

— Каждое воскресенье посещает церковь.

— Как относится к красным кафрам*?

— Криел — наш человек. Ненавидит черных.

— А ты, брат Лашингер, узнал о том, что я поручал тебе?

Толстый Лашингер колебался немного, прежде чем ответить.

— Да, апостол. Они нашли.

— Кто сказал тебе?

— Сам Криел. Он остановился в моем доме. Вчера он проговорился.

— Где нашли золото?

— Он не сказал. Это секрет его фирмы.

— Какой фирмы?

— Он работает в Трансваало-Американской корпорации, апостол.

Воцарилось молчание. Трансваало-Американская корпорация — могущественный золотопромышленный концерн, и вступать с ним в конфликт мог лишь тот, кто чувствовал за собой силу.

— Эта жила будет принадлежать нам, — сказал наконец «апостол». — Бог не допустит, чтобы она попала в руки британцев. Они и так завладели у нас всем. Но время их кончилось. Мы правим страной, а не они.

Однако слова его не вызвали особого воодушевления. За трансваало-американским концерном стоят англичане и американцы. Ссориться с могущественной корпорацией нельзя. Нужно действовать осторожно.

* Ка фр — презрительная кличка африканцев в ЮАР.

— Позовите Криела.

Когда Криел вошел в полутемную комнату, он увидел людей в черных капюшонах, с зажженными факелами в руках. На столе — гроб со снятой крышкой. В нем, прикрытое черной марлей, лежало нечто, имеющее очертания человеческого тела. Из груди торчала рукоять ножа. «Брат» с тяжелым золотым крестом стоял за гробом. Брудербонд, принимая в организацию новых людей, твердо придерживался средневекового ритуала.

Криел остановился. Рассеченная верхняя губа его дрогнула. Для чего гроб, для чего маски?

— Подойди ближе, будущий брат во Христе.

Криел узнал голос Фан Снимена.

— Веришь ли, что африканеры посланы на эту землю богом и что они должны править всей Африкой?

— Да.

— Готов ли ты бороться до конца за дело священной расы африканеров?

— Умру, но не допущу, чтобы власть в Южной Африке захватили кафры.

— Выслушай наш устав. «...Великая цель братства — навечно утвердить власть в Южной Африке тех, кого вразумил на это бог... Все низшие расы будут жить под руководством африканеров. Небелые расы должны быть отделены и развиваться в пужном нам направлении... Не будет пощады непокорным рабам... Пусть вступающий в братство помнит, что Союз братьев не прощает предательства. Изменник умрет!»

Двое в черных балахонах держали факелы по сторонам от Криела.

— Возьмите с него клятву.

— Повторяй за мной, — сказал Лашингер и стал читать: — «Я, Криел, чистый африканер, вступая в священный Союз братьев избранной расы африканеров, клянусь выполнять все приказания моего старшего брата и Комитета двенадцати апостолов. — Лашингер приставил пистолет к груди Криела. — Если в мыслях моих есть измена, пусть эта пуля поразит меня, и пусть лягу я в этот гроб. Пусть кровь, которой я подписываюсь, станет ядом в жилах моих, если я изменю. Отныне я — раб и воин священного Союза братьев. Аминь!»

— Подойди ко мне, — Фан Снимен вынул из шка-
тулки нож и гусиное перо, чиркнул ножом по руке Кри-
ела, обмакнул перо в кровь. В тишине Криел вывел под-
пись.

— Ты не должен стремиться узнать тайны брат-
ства, — проговорил Фан Снимен, — но у тебя не будет
секретов от нас. Что ищешь ты в вельде, брат?

— Отвечай, это старший брат наш, — сказал Ла-
шингер.

Новообращенный колебался.

— Это производственный секрет. Я дал подписку
Трансваало-Американской корпорации.

— Но ты клялся исполнить любой приказ братства.
Что ищешь?

— Золото.

— Нашли?

— Да.

— На чьих землях?

В соседней комнате раздался тихий стук, словно кто-
то ходил там. Фан Снимен замолчал и предупреждающе
поднял руку. Прислушались. Все было тихо. Только ве-
тер изредка ударял ставнями.

— Посмотреть? — спросил дю Плесси.

— Снаружи моя охрана. Никто не пройдет. Видно,
ветер.

— Так на чьей земле золотая жила, брат Криел?

— За мной следит особый отдел полиции. Если я
скажу, мне грозит большая неприятность.

— Ты находишься под нашей защитой. руководи-
тели полиции сами подчиняются братству.

Криел все не решался.

— Чего ты боишься? Наши люди всюду. Никто не
станет министром, если этого не захочет Комитет двена-
дцати апостолов нашего Союза братьев. Мы не дадим
тебя в обиду.

— Меня уволят, и ни один горный концерн не при-
мет меня на работу. А почти все рудники и шахты в ру-
ках англичан. Британцы стоят друг за друга.

— Мы найдем тебе хорошее место. Это говорит тебе
член Комитета двенадцати апостолов.

Криел со страхом взглянул на черную фигуру с кре-
стом. Приказ всемогущих «апостолов» должен быть вы-
полнен беспрекословно! Криел знал, что у братства есть

свое гестапо — исполнительный комитет, который сразу уберет его, прояви он непокорность.

— На землях Эбензера, — прошептал Криел.

В прорезях капюшона блеснули и тотчас потухли глаза.

— Богатая жила?

— Очень.

— Не беспокойся ни о чем, брат. А Эбензер уже пронюхал о золоте?

— Нет.

— Не сообщай о своем открытии и Трансваало-Американской корпорации. Это приказ.

— Но я должен писать отчет каждую неделю.

— Сообщи, что золота не обнаружено. Забудь о британцах, брат Криел. Власть их под Южным Крестом кончилась.

— Я все сделаю, как сказал ты, апостол.

— Эбензер хоть и чистый африканер, но он наш враг, — сказал Фан Снимен, обращаясь ко всем. — Он воевал против Гитлера, когда немцы поддерживали нас в борьбе за власть. Он водил дружбу с кафрами. Эбензер — мой должник, и земля его станет нашей. Завтра же ты, судья Радеман, вызовешь его в суд. Незначай дело к слушанию — и конец.

— А если он достанет деньги и расплатится, апостол? — спросил судья.

— Этого нельзя допускать.

— Если он уплатит долг, я бессилен, — сказал Радеман.

— Тогда он может поехать в вельд и не вернуться оттуда, — мрачно сказал Фан Снимен. — Один человек ничего не значит в большом деле. Нам нужны средства для великой борьбы с низшими расами. Борьба будет жестокой. Победит тот, кто тверже духом. Эбензер будет устранен. Кстати, поблизости появился небольшой отряд кафров. Они называют его «Копья народа». Эбензер может стать их жертвою. Ведь уже были случаи, когда плантаторы погибали, брат дю Плесси?

Начальник полиции вздрогнул.

— Были. На все воля божья, апостол.

— Кафры стали дерзкими, дю Плесси. Пришли сюда, на ферму, охрану — двадцать полицейских.

Грохот поваленной мебели за стеной прервал его речь. Фан Снимей подчеркнуто неторопливо повернулся и указал на дверь. «Братья» кинулись в соседнюю комнату.

11

Кумало вышел из компаунда. В черном холодном небе — россыпь огней. Ночь вымела людей из вельда. В высоте прочертила след падающая звезда. Надрывно крикнула ночная птица. Кумало направился к большому дому. Страх холодил душу. Он скользнул во двор, приблизился к дому, настороженно оглядываясь. Под навесом притаилась темная человеческая фигура. «Охрана!» Делая вид, что пришел по делу, Кумало подошел к двери. Когда брался за ручку, пальцы его дрожали. Он повернулся, еще раз взглянул под навес. Никого. Неужели показалось? Человек не мог выскользнуть из двора так быстро. Кумало направился к навесу. Сердце билось у самого горла. Пусто. Только столб. Он вытер вспотевший лоб. «Кажется, ошибся».

Окна конторы занавешены. Кумало снова приблизился к двери, постоял некоторое время, раздумывая. Нет, он ясно видел сейчас человека. Куда он спрятался? В дверь входить нельзя. Кумало слегка потолкал ее и пошел из двора к воротам. «Может быть, все же лучше вернуться в компаунд?» Он шел в темноте некоторое время, потом решительно свернул влево, сделал большой крюк по стене и, не заходя во двор, приблизился к бунгало с другой стороны. Вечером он нарочно не задвинул шпингалеты окна, выходящего в степь. Открыв раму, он снял туфли и бесшумно влез в контору.

Кумало наткнулся на табурет, замер, долго стоял, выжидая. Тихо ступая, он подобрался к кабинету хозяйна, заглянул в узкую щель в двери. Люди в черных капюшонах. «Братья»! Кумало прильнул ухом к замочной скважине...

Он услышал шаги и грохот упавшего стула, когда было уже поздно. Свет фонаря ослепил его. Двое схватили Кумало, навалились. Он узнал ду Приниза и лопухого Урбаньяка. Из двери выскочили люди в черных капюшонах, с факелами в руках.

27

Кумало держался спокойно. Сквозь прорези в капюшонах на него смотрели ненавидящие глаза.

— В дом пролез, — сказал Урбаньяк, тяжело дыша.

— Чего же ты смотрел там? — зло спросил Фан Снимен.

— Он обманул нас. Я думал, он вернулся в компаунд.

— Я забыл в столе хлеб, баас, — сказал Кумало. Худенькая фигурка его казалась совсем маленькой рядом с высокими полными людьми в черных балахонах.

— За хлебом, а в окно влез, проклятый кафр. — Урбаньяк выхватил пистолет.

— Стой, стой, Урбаньяк. Зальешь мне тут кровью пол. Не люблю, когда в доме стреляют. Отвезите его куда-нибудь.

Фан Снимен мрачно поглядел на Кумало. Взгляд этот не предвещал ничего хорошего.

— Подыми руки!

Тяжелое, налитое свинцом сердце бухало в груди. Кумало покосился на входную дверь. Путь загораживали двое. Теперь живым не выйдут.

Надсмотрщики привели трех оседланных лошадей. Кумало вытолкали во двор, связали ему руки, посадили на серого рослого Горизонта.

Урбаньяк и ду Прииз вскочили в седла. Ду Прииз намотал на руку повод Горизонта.

— Не упустите, — напутствовал Фан Снимен. — Действуйте твердо. «Не стыдитесь окровавить ребро худому рабу своему», сказано еще в священном писании. — Хозяин подошел к лошади, что-то рассматривая. — Ты что же, ду Прииз, не видишь — потник подвернулся? Холку коню хочешь сбить? Конечно, не твой, не наживал. Переседлай, ирод!

Трое выехали в вельд. Слева от Кумало — Урбаньяк. В его опущенной руке пистолет. Кумало стал молиться, чтобы им повстречался отряд «Копья народа».

Лошади всхрапывали, пугливо косились по сторонам. Глубокой черной чашей накрыла ночь саванну. Взгляд унывал в холодной густой мгле. Глухо стучали о сухую землю копыта, протяжно ухали козодои. Конь под Кумало перебирал погами. Ду Прииз грозно прикрикнул на него.

Проехав полчаса, надсмотрщики стали совещаться,

где «положить» пленника. Ду Прииз вынул сигареты, стал закуривать. Кумало, сжимая челюсти, смотрел на него горящими глазами. Вот он, момент! Другого уже не будет. И вдруг, яростно вскрикнув, ударил пятками копы. Пугливый Горизонт шарахнулся в сторону, едва не сбросил всадника и, вырвав повод из рук ду Прииза, понес. Вдогонку ударил выстрел. «Мимо!» — радостью обожгла мысль. Ужас гнал Горизонта по саванне. Конь летел, не разбирая дороги. «Раз, раз, раз, раз!» — с жадностью отсчитывал про себя Кумало саженные прыжки, уносившие его от смерти.

Гремели за спиной выстрелы. Кумало мчался, наклонившись к шее лошади, чувствуя запах горячего конского пота. Сквозь слезы он вглядывался в стремительно несущуюся навстречу, под копыта копы черную, плохо различимую землю. Где-то высоко сбоку взвизгнула пуля. Изогнув шею, Горизонт стлался над степью, выбивая копытами бешеную дробь.

Неожиданно впереди на пути выплыло что-то темное, бесформенное. Конь дико метнулся влево, и Кумало, еще не понимая, что случилось, упал в упругие колючие кусты.

Надсмотрщики пронеслись мимо, преследуя в темпоте коня. Кумало выбрался из колючек и бросился в сторону. У большого камня остановился, перетер острую грань веревку, связывающую руки.

Он бежал, пока не показался огонек. Это была ферма Эбензера — должника Фан Снимена. Кумало пошел к дому.

Свет керосиновой лампы ослепил его. Сквозь стекло он увидел Эбензера, сидевшего за столом.

«Надо предупредить фермера». — Кумало постучал.

Эбензер, взъерошенный, с расстегнутым воротом, открыл дверь.

— Ну, что еще надо твоему Фан Снимену? — начал он сердито, но Кумало перебил его:

— Я спешу. За мною гонятся. — Кумало рассказал о заседании фаланги Союза братьев и о золоте.

Эбензер слушал, бросая возмущенные, негодующие замечания.

— Убийцы! Этот Фан Снимен во время войны разгуливал здесь со свастикой на рукаве и стрелял в сол-

дат, которые должны были ехать воевать против немецких фашистов. Это теперь он у братьев святой.

— Мне надо уходить, — сказал Кумало глухо. — Они могут явиться сюда.

— Спасибо, парень, что предупредил. Ты что же — из «красных»?

— Я с теми, кто против апартеида.

— А ты думаешь, я за апартеид? Он нужен только таким вот, как Фан Снимен. Ну иди. Еще раз спасибо. Постой! Куда же тебе теперь? Обожди. Я дам тебе немного денег, документы моего рабочего и его одежду.

Эбензер принес документы, пиджак, туфли и сверток с продуктами.

— Иди все время на север. Быстрее выйдешь из нашего района. Днем прячься.

Кумало вышел в холмистый вельд. Над пиками вставших вдали гор поднималась луна. Кумало шел быстро, не оглядываясь. Через два часа он взобрался на холм и осмотрел вельд, залитый призрачным голубым светом. Преследователей не было. Вдали стояли молчаливые фермы — крепкие белые дома с высокими черепичными голландскими крышами. Кумало спустился на другую сторону холма и отправился к станции железной дороги. Он возвратится в город.

Отныне судьба его — жить под чужим именем. Он вступил на тропу войны и уже не сойдет с нее.

ЧЕЛОВЕК С ДВУМЯ ЛИЦАМИ

1

Генри Мкизе вышел из редакции, осмотрелся. Высокий, крепкий, с темно-коричневой кожей, он был в отличном настроении от избытка сил и здоровья. Солнце спряталось за небоскреб, и в лучах его, проникавших сквозь верхние окна, столбом клубилась пыль. Кричали продавцы фруктов. Про-

маршировала скованная попарно группа африканцев под охраной двух полицейских.

Мкизе миновал квартал и увидел девушку с синими глазами и светлой копной волос на голове. Она шла прямо к нему, улыбаясь. Анна Принслоо! Девушка, видимо, ждала его.

— Добрый вечер, инкосикази *, — проговорил он торжественно-насмешливым тоном, стараясь за шутливостью скрыть смущение. Он уже давно был тайно влюблен в Анну. Приходя как журналист домой к ее отцу, руководителю Общества европейцев-демократов, и встречаясь там с Анной, Мкизе ни разу не обнаружил своих чувств ни жестом, ни словом. Он боялся пренебрежительной улыбки.

— Я хочу поговорить с вами, Мкизе, — Анна покосилась на прохожих. Европейской девушке лучше не любезничать с африканцем на улицах Йоганнесбурга. Это опасно. Может возникнуть скандал. — Здесь нельзя, Генри. А дома — у отца гость. Может быть, встретимся в парке? Знаете, там, в сторону локации Александра? Очень важно. Я прошу. Жду у входа, хорошо?

Ошарашенный и счастливый Генри отправился в очередь на автобус для африканцев. Очередь была огромная, и он боялся, что девушка уйдет, не дождав-шись его.

Уже стемнело, когда он приехал. Анна пошла по освещенной аллее. Генри, зная законы апартеида, соблюдал дистанцию. На темной боковой дорожке он дождал Анну. Сел на скамейку.

— У нас несчастье, Мкизе. И мне кажется, вы можете нам помочь.

— Я? Вам?

— Нам, моему отцу. — И Анна, часто переходя на шепот, рассказала, что вчера часов в десять вечера, когда она пришла домой, у отца сидел неприятный краснолицый человек с раскосыми глазами. Оба были возбуждены и раздражены.

— Мы хотим побыть одни, — буркнул Йоганнес Принслоо, отец Анны.

Она ушла к себе. Мужчины говорили тихо. Анна взялась было за книгу, но вскоре они забылись, повы-

* Инкосикази — госпожа (язык зулу).

сили голос. Незнакомец угрожал. Анна разобрала слова: «Изменник... бурская раса не позволит... Ты знаешь всех красных... Союз братьев не простит...»

Анну охватил страх. Союз братьев, Брудербонд! Но при чем здесь отец?

— Убирайтесь! — выкрикнул Иоганнес Принслоо.

— Пожалеешь, предатель, только будет поздно! — медленно, с угрозой проговорил незнакомец. И он ушел, хлопнув дверью.

Анна вошла к отцу. Он сидел, обхватив голову руками.

— Кто это, папа?

— Так, один сукин сын, старый знакомый. Ван Дейк.

— Из Союза братьев, из Брудербонда?

— Все слышала?

— И ты член этого страшного братства?

Отец долго молчал.

— Был когда-то.

— Зачем же ты вступал?

— Давно дело было. Боролись за республику буров. Но потом я увидел, что цель наших вождей — грабить африканцев вместе с английскими бизнесменами. И я отошел.

— Чего они хотят от тебя?

— Чтобы я стал осведомителем, грозят убить. Но ты лучше не вмешивайся. Это опасно.

— А твое Общество демократов не поможет тебе?

— Как? Ведь Союз братьев, если убивает кого-то, действует тайно...

Анна взволнованно передала Мкизе этот разговор.

— Вы тоже их противник, Генри. Я так боюсь за отца.

— Положение, конечно, скверное. В руках братьев полиция и армия, да вся страна.

— Ничего нельзя?..

— Можно.

— Что же?

— Уйти в подполье или уехать из страны.

— Я ему уже говорила. Не хочет он ни бежать, ни прятаться. «Я председатель общества. Я обязан быть здесь». А не могли бы вы, Мкизе, написать статью о них в своей газете? «Братья» не посмеют тогда тронуть его.

— Статья лишь вызовет еще большую злобу. И какие у нас доказательства их угроз? Ван Дейк от всего откажется. Кроме того, ни одна газета не осмелится напасть на всеильный Брудербонд. Мой редактор ни за что не опубликует такую статью. Хотите, мы поможем Принслоо уехать? Наши люди то и дело переходят границу, не спрашивая разрешения.

— Поговорите с ним, Генри.

— Хорошо, Анна. Ему лучше уехать немедленно.

Он услышал позади себя шорох и замолчал. В кустах кто-то прятался.

Анна со страхом глядела на темный кустарник. Если полиция поймает их, белую и африканца, здесь, в темной аллее, ей и ему грозят годы тюрьмы по «закону о безнравственности».

На скулах Мкизе вспухли, застыли желваки. Что бы ни случилось, он Анны не выдаст. Не выдаст, если даже пришлось бы умереть. Полиция это или цоци? *

— Инкосикази, госпожа, — начал он тоном преданного слуги, — вы напрасно ждете. Этот человек не придет.

Анна поднялась. Она держалась стойко.

— Пойдемте домой, инкосикази. — И шепотом: — У вас есть оружие?

Анна молча коснулась сумочки. Почти все европейцы в городе были вооружены. В Йоганнесбурге гангстеров не меньше, чем в Чикаго.

Они двинулись сквозь кусты. Генри, вынув пистолет, с нарочитым спокойствием шагал за Анной. Позади — легкий шум, осторожные шаги.

Шорохи раздавались то слева, то справа и стали опережать их. Генри и Анна почти бежали. Анна спотыкалась. Генри держал ее за руку.

На небольшой полянке их настигли преследователи. Полицейских было трое: офицер-европеец и два констебля-африканца. Луна тускло светила из-за туч.

Генри глядел на полицейских, слегка наклонив голову. Нижняя челюсть его угрожающе выдвинулась вперед.

— Бегите! — Он дотронулся до плеча Анны и шагнул за толстый ствол джакаранды.

* Цоци — гангстеры (язык зулу).

— А вы? Я одна не могу...

— Милая Анна, я прошу. Вы хотите, чтобы нас задержали вместе? Бегите!

И Анна побежала.

— Девку держи, Тембе! — гаркнул офицер.

Головастый констебль Тембе, подняв дубинку, ринулся за Анной.

— Стой! Назад! — крикнул Мкизе полицейскому. Он выбросил руку с пистолетом. Гулко ударил предупредительный выстрел. Головастый Тембе ткнулся с разбегу в траву и замер, словно хамелеон, внезапно обнаруживший опасность. Светлая кофта Анны исчезла за кустами. Двое, пригibasь, бежали к Генри. Офицер выстрелил. Пуля цокнула в дерево. Мкизе дважды нажал спусковой крючок. Грохот выстрелов бросил второго полицейского на траву, придавил к земле. Офицер-европеец сделал еще несколько шагов и остановился, будто налетел на стену. Пистолет Мкизе в упор смотрел на него. Высокомерие и страх боролись в душе офицера. Он не хотел показывать этому «банту» — нарушителю, что испугался. Он пятился, медленно поднимая руки.

— Ложись!

— Слушай ты, проклятый кафр, — начал офицер, дрожа от ярости, и Мкизе чуть не вскрикнул от удивления: Ло! Сам Вилли Бур! Так вот он, исчезнувший на многие годы. Укрылся, хитрый цоци, в полиции.

— Слушай ты, Джон, нам нужна девка... — орал Вилли.

— Ложись! — Мкизе стал давить на спусковой крючок.

Вилли Бур выругался и лег ничком. Прикрыв лицо ладонью, чтобы Вилли не узнал его, Мкизе подошел и выбил ногой оружие. Затем не торопясь — теперь он целиком владел положением: полицейские-африканцы не были вооружены — положил пистолет в карман и побежал. Он летел сквозь кусты в сторону забора, слыша за собой шаги преследователей и думая о том, что Вилли Буру не поздоровится, если он догонит его. Ему, Генри Мкизе, не нужно будет даже стрелять. Он убьет его словом, одним лишь словом.

Вилли Бур, или, как его звали сейчас, Вильям Гендерсон, долго гнался со своими полицейскими за «нарушителем морали» по ночному парку, но тот исчез.

— Если кто из вас проболтается, — сказал Вилли полицейским, — про пистолет и вообще, тот пожалеет, что родился на свет. Слышите вы, рожи?

Трое вышли из парка и направились к центру города. Случай бесил Гендерсона. Банту заставил их, тронх полицейских, повиноваться! Ему казалось теперь, что он где-то слышал раньше голос парня. Ну ничего, они еще повстречаются!

Гендерсон вышел из полицейского участка, осмотрелся, ничего подозрительного не заметил и зашагал по направлению к Джерти-стрит. Было уже утро.

На углу стояла пожилая африканка в красной козынке. Никто никогда не заподозрил бы, что эта чернокожая женщина — мать офицера-европейца.

Гендерсон, встречаясь с матерью Марией Мтетвой, всегда испытывал страх.

Цветной Вильям Гендерсон-Мтетва, которого в детстве звали Вилли Бур, уже давно стал «белым». Исполнилась мечта его матери. У него была европейская внешность. Все: цвет, черты лица, волосы — все было как у европейца. Почему бы ему, Вилли, и не воспользоваться этим, когда цветных вокруг притесняют, не дают хорошей работы, а если и дают, то платят в три-четыре раза меньше, чем европейцам? Разве это справедливо? После окончания школы для цветных он купил себе документы на имя Вильяма Гендерсона. Он сменил много мест, чтобы замести следы: работал продавцом в музыкальном магазине, почтальоном, шофером. Наконец, устроился в полицию. Он жил теперь в европейском квартале Йоганнесбурга, в прекрасном особняке, обзавелся влиятельными родственниками. Жизнь Вилли была лучше, чем у его друзей по африканской локации, где жили его чернокожая мать, чернокожие братья и сестра. Вилли родился года через два после смерти отца своих братьев. Мария Мтетва была тогда краси-

цей и повстречалась с каким-то белым. В те годы это было не так строго.

Перед Вилли открывалась прекрасная карьера. Но проклятье всегда висело над ним. Он боялся встреч с прежними знакомыми. Это отравляло существование. Если когда-нибудь откроется, что он цветной, это будет катастрофой. Однажды он столкнулся на улице со своим чернокожим братом Себесе. Вилли едва успел отвернуться. Себесе не узнал его, европейца в полицейской форме.

Когда его перевели в специальную ночную полицию, Вилли был рад: ночью меньше возможности встретиться со старыми знакомыми. Задачей ночного отдела было вылавливать «нарушителей морали», то есть ловить парочки разного цвета: белого и черную, белого и цветную. Пары одного цвета его не интересовали. Они могли делать все, что им угодно...

Мария Мтетва, худая, постаревшая, стояла с узлом на голове. Глаза ее ласкали сына. Поравнявшись с ней, Вилли приказал снять узел.

— Что у тебя тут? — спросил он строго, посматривая по сторонам. Мать послушно развязывала узел. Этот способ встреч придумал Гендерсон.

Поблизости никого не было, и Вилли сказал мягко:

— Здравствуй, мама. Как ты живешь?

Мария оживилась, поправила красную косынку, сказала, что брат Себесе опять попал в тюрьму, связался с шайкой цоци.

— Ты не можешь его выпустить, Вилли?

Вилли засмеялся. Мать думает, что он министр юстиции.

Вилли покопался в узле и оставил на дне его десятирандовую бумажку.

— А у нас сегодня как раз ни цента, Вилли, — запричитала Мария, готовая расплакаться. — Да благодарит бог твою добрую душу.

— Ну пойдем, — сказал Вилли строго, заметив неподалеку прохожего, который внимательно смотрел на них.

— Не говори брату и сестре, от кого деньги, — наставлял он мать, — еще нагрянут ко мне в гости. Им-то что...

Мария то и дело поворачивалась, счастливо смотрела на сына.

— Не смотри же так на меня! Ты арестована. Ты что, хочешь моего несчастья?

Они шли медленно, мать немного впереди.

— Знаешь, мама, тяжелое у меня положение. Да не поворачивайся ты! Смотри прямо! Очень тяжелое.

— Так возьми свои десять рандов. Мы обойдемся.

— Да не в деньгах дело. Я ведь недавно женился. И опасаюсь.

Мать вопросительно посмотрела на него.

— Опять ты смотришь. Понимаешь: Эллина — белая, из состоятельной семьи, в общем прекрасная партия.

— Очень хорошо, Вилли.

— Хорошо? А вдруг родятся цветные дети? Что тогда? А ее отец, Краммер, майор отдела безопасности, ну, особой полиции!

— А может быть, и не будут цветными? Вот ты ведь родился белым, таким же как... как твой отец.

— А если будут?

— Может, и не будут.

— О боже! Что за жизнь.

3

Они не могли договориться. Генри Мкизе и трое членов Общества европейцев-демократов второй час уговаривали Иоганнеса Принслоо покинуть страну. Иоганнес, сутуловатый бур с выпирающими из-под светлой блузы костями и усталыми синими глазами, ехать не соглашался. Все доверяли друг другу, говорили откровенно. И Принслоо и его друзья из общества были противниками апартеида — политики насильственного расселения людей по цвету кожи. Они выступали против бесправия африканцев и цветных не только потому, что не хотели гражданской войны, но и потому, что не желали жить за счет грабежа другого народа. Принслоо открыто водил компанию с «кафрами», чего закон не разрешал. Отстаивая свои принципы, он любил ссылаться на евангелие и взывать к совести власть имущих.

Для Генри Иоганнес Принслоо был не только единомышленником, но и отцом Анны. Мкизе хотел спасти его во что бы то ни стало.

— Я председатель общества. Как я могу все бросить и уехать? Не посмеют они тронуть меня. Бог и справедливость на моей стороне.

— Но, папа, — вмешалась Анна, — ты же сам говорил тогда вечером, что они грозят убить тебя.

Адвокат Джуберт, худой, с бледным, вдохновенным лицом поэта, усмехнулся, постукивая по столу длинными тонкими пальцами.

— Вы ошибаетесь, Иоганнес, если думаете, что бог вступится за вас. Я это серьезно. Уезжайте с людьми Мкизе. Наше общество просуществует пока и без председателя. Хотя, судя по разговорам, оно скоро будет запрещено.

Принслоо нахмурился. Переубедить его было невозможно.

— Напрасно упираетесь, — сказал Гарри Лемон. Этот молодой британец был заместителем Иоганнеса в обществе и слыл у них теоретиком. — Надо действовать, раз вы уж получили предупреждение. Я был знаком с одним таким непокорным членом Брудербонда.

— И что произошло?

— Выбросился из окна.

Принслоо поморщился:

— Не могу я уехать. Повторяю: я председатель. Что скажут рядовые члены? Я попрошу у общества охрану.

— Охрану мы дадим, но это не поможет, Иоганнес.

— На днях наши люди переходят границу, — сказал Генри. — Они могут взять вас с собой. Не упустите такую возможность. Будет поздно.

— Не думаю, чтобы они решились убить меня. Это было бы уж слишком. Бог не допустит такой несправедливости.

— Я не хочу затрагивать ваших чувств, Иоганнес, но посмотрите, сколько несправедливости вокруг, — проворчал Джуберт. — И бог не вмешивается.

Уходя, Мкизе сказал:

— Когда вы все же решитесь и почему-либо не найдете меня, зайдите к адвокату Эндрю Могано. Он наш человек и ведет дела африканцев в суде. Я предупрежу его. Не тяните. Дело опасное. Вещей не берите. Придется совершить трудный переход с нашими людьми через границу. За самолетами власти пристально следят. Пешком через границу — вернее.

Прощаясь с Анной в коридоре, Генри был награжден благодарным взглядом и крепким рукопожатием.

— Если что-нибудь случится, Анна, и я потребуюсь, обращайтесь. Я всегда готов помочь вам и вашему отцу.

Генри вышел из дома Иоганнеса, недовольный его упрямством. Словно он не знает, что Брудербонд убивает не только африканцев. «Они не посмеют, это уж слишком!» Кому нужна такая смелость. Стоять на месте, когда в тебя целятся, просто глупо.

За спиной послышались торопливые шаги, прерывистое дыхание человека. Кто-то догонял его. Мкизе зашагал быстрее. Рука сжала в кармане пистолет.

— Эй ты, проклятый кафр, остановись! Ты арестован! Мкизе повернулся.

— Йека! — Перед ним опять был Вилли Бур. — Ты узнал меня, Вилли? — Губы Генри растянула злая улыбка.

По лицу Мтетвы прошла судорога. Еще бы ему не узнать лучшего друга своего детства. Ругательства застряли в его горле. Генри понимал, что чувствовал сейчас Мтетва. Не один он ходил в «европейцах».

— Это ты, Генри? — проговорил наконец Мтетва. — Черт! Зачем ты ходил к Принслоо?

— А тебе какое дело?

— Ну, ...в общем, быстрее уходи. — Вилли покосился по сторонам. — Давай я взгляну на твои документы. За нами тоже следят. Скажу: приходил столяр получить долг с Иоганнеса.

Он подержал в руках «личную книжку банту», вернул ее.

— Не выдавай меня, Генри. И не приходи в этот дом. Нарвешься на агентов секретной службы. За Принслоо слежка.

— Спасибо за предупреждение, Вилли. Хороша же у нас с тобой получилась встреча! — Генри внимательно рассматривал своего бывшего друга. Светлая борода, темные очки. Трудно узнать того мальчишку Вилли Бур, с которым он когда-то бегал по улицам локации Александра. — Теперь послушай, что скажу я. Так сказать, услуга за услугу. Вилли слушает внимательно? Майор Краммер — отец твоей жены Элины — проиоха, что некий Вилли Гендерсон оказался не белым, а цветным.

Мертвенная бледность залила румяные щеки Вилли:

— Неправда! Ты это придумал здесь, сейчас.

— Ло! Вилли не ведает, что творится в его собственном доме. Слушай. Твоему чернокожему брату Себесе грозит веревка за убийство. И он послал тебе из тюрьмы записку с цоци, которого как раз освобождали. В записке Себесе просил спасти его. Когда цоци проник в ваш сад, Элина поймала его и хотела застрелить. Чтобы спастись, цоци отдал ей письмо.

— Боже, я погиб.

— Это еще не все. Вилли помнит цоци Фотане?

— Конечно, со шрамом на виске, снимал у моей матери угол.

— У Вилли Бура хорошая память. Письмо оказалось у самого Краммера, и он поручил Фотане убрать тебя. За это ему прощаются все его гангстерские дела. Его уже выпустили из тюрьмы. Фотане проболтался, пьяный, одному нашему человеку, а тот все рассказал мне.

— Проклятая страна, проклятая жизнь! Будьте прокляты все!

— Вилли жалуется? А что он делает с теми нашими, кто попадает к нему в руки? Вилли теперь работает в отделе безопасности?

Вилли опустил глаза.

— Вот смотришь вниз, как муравьед! Конечно, что ты можешь сказать!

— Жена не выдаст им меня. Элина любит меня. Она не позволит отцу...

— Ло! Элина! — Генри вздохнул. — Вилли съел зверя, который табу для него. Я думаю, что она-то и вынесла тебе смертный приговор. Именно она, Элина, бонется позора.

— Неправда! И откуда ты все это знаешь?

— Значит, неправда? Скажи: в субботу ты пойдешь с ней в гости к Фан Кигану? Так ведь? Ну вот, и, когда ты выйдешь оттуда с ней, Фотане сунет тебе нож в спину. Он, правда, этого делать не хочет. Но мы не всегда делаем, что нам хочется. Да и Фотане не единственный цоци на свете.

Вилли смотрел на Генри округленными от ужаса глазами. Он вспомнил сейчас, как не хотел идти в гости. Он не любил мрачного Фан Кигана. Но Элина так настаивала.

пиди, она требовала. Значит, она, такая юная, нежная, любящая, сама поведет его к месту казни? И все потому, что он цветной. Вилли припомнил теперь ее пристальные взгляды, ее внезапное охлаждение, которое она тщательно старалась скрыть от него. Ни одним неосторожным словом не выдала себя. Понятно, боится, что он сбежит. Он нужен ей мертвый. Лучше быть вдовой героя-европейца, погибшего от руки террористов, чем женой живого цветного.

Вилли вдруг озлобился:

— Мне конец. Но прежде чем я умру, я застрелю ее и Краммера.

— О! Что слышат мои уши! Леопард бросается на хозяина! А зачем Вилли Мтетве умирать? Помогите нам, и мы укроем тебя. С тобой не следовало бы и разговаривать за твои дела. Но холод собирает нас к одному костру.

Вилли помолчал, потом сказал устало:

— А что я сейчас могу?

— Помогите достать оружие для наших боевых групп «Умконто ве Сизве», для «Копий народа».

— Когда уже тут доставать? До субботы осталось пять дней.

— Не раскисай. Теперь ты не один.

— Хорошо. Достану адреса оружейных складов.

— А что с Иоганнесом Принслоо? Ты его в обиду не давай. Это наш человек.

— Иоганнес пропал. Союз братьев передал его дело в свой исполнительный комитет. Это их гестапо. Но все же я попытаюсь. Пока я все-таки зять майора отдела безопасности.

— Спасибо, Вилли.

— Обожди уходить, Генри. Теперь мне надо держаться вас. Я не хочу, чтобы тебя схватили. Отдел безопасности засек Джима Твалу — прибыл к вам из-за границы. Видишь, мы все знаем. На ноги поставлена вся полиция. А ты с ним связан. Скрывайся немедленно. Они прикончат тебя. Суда не будет. Ты человек известный. Кто не слышал о журналисте Мкизе, который выступает в «Ассагае» в защиту народа? Кто не знает бывшего секретаря Африканского общества? Зачем им судить тебя? И так шуму и в стране и за границей хватает. Арестуют, а потом произойдет «несчастный случай» или там

«нападут цоци». Ты меня понял, Генри? Уходи. Где мне найти тебя, когда я достану адреса складов оружия?

— Дай подумать... Ладно... Каждый день в пять часов мой человек с красной розой в руке будет ждать тебя на Диагональ-стрит. Прощай, Генри. Нет, до свидания.

4

Пламя печи желтило белую стену. Генри зарядил пистолет, сунул в карман пиджака, стал жечь бумаги. Он переходил сегодня на нелегальное положение. Документы на имя Фрэнка Сотетси уже лежали в его бумажнике.

Генри бросил в огонь выписку из Устава Объединенных Наций и, услышав скрип двери, поднял глаза. В полумраке стояла плотная невысокая фигура. Генри узнал коротконогого свирепого Мбату, предводителя отряда «Чиза-чиза *». Они встречались давно, в юности, на вечеринке у приятеля Генри. Мбату привела тогда одна из девушек. Чиза-чиза говорили всем, что они борцы за свободу и за возврат к древним обычаям. Но они всегда были провокаторами и убийцами отдела безопасности. Свет от печи падал на дверь, и Генри видел лицо Мбаты с широкими ноздрями, заросшими черными волосами. Озираясь, вошли еще трое. «Убийцы!» В ответах пламени Генри видел покрытое потом жестокое лицо их главаря Мбаты, лицо бандита. Глаза его с розоватыми белками пронзительно глядели на Мкизе, широкие ноздри вздрагивали.

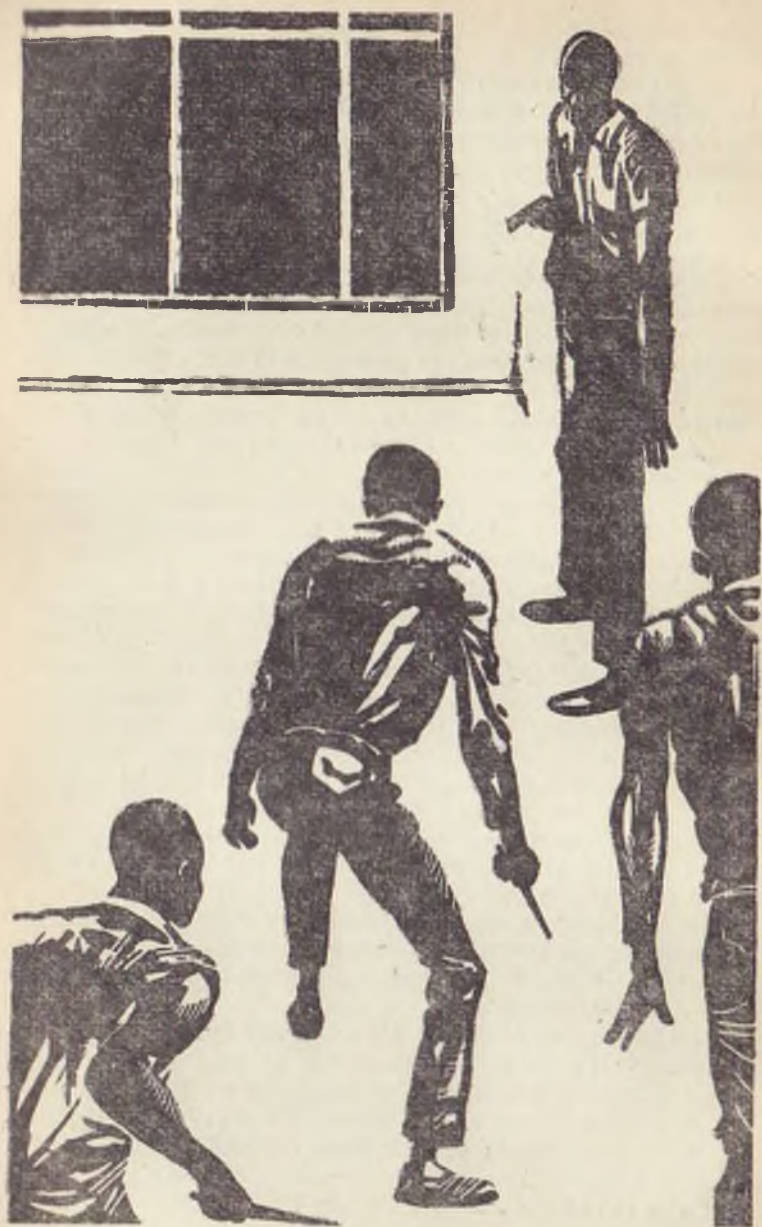
Генри поднялся и, не сводя глаз с противников, шагнул в темный угол, вынул пистолет. Тяжелая рукоятка наливалась твердостью его души.

— Мы пришли за тобой, — начал Мбата наигранно-торжественным тоном. — Сегодня ты скажешь: «Солнце, прощай!» Сейчас ты, Мкизе, доставишь в страну духов предков нашу молитву.

Четверо загораживали выход. Доказывать что-либо бесполезно. Генри знал этих чиза-чиза.

— Тотва! — крикнул главарь шайки. Слева отделился высокий африканец с деревянным амулетом на шее. Тотва стал приближаться, обходя железную печь. Узкий

* «Чиза-чиза» — «Жги-жги» (язык зулу).

длинный нож его поблескивал в отсветах пламени. Чиза-чиза закатывал глаза, припоывая босыми ногами, разогревая себя для убийства. В руках остальных тоже появились ножи. Смерть дышала в лицо Генри. От нее жарко пахло потом и самогоном — скокнааном.

Палец лег на спусковой крючок. Сумрачный взгляд ощупывал притащивающиеся, покачивающиеся фигуры, узкие, синюющие в полумраке лезвия ножей. Его внимание сосредоточилось на Тотве.

Мбата вдруг замер. Широкие ноздри, заросшие черными волосами, хватанули воздух.

— Пошел! — выкрикнул он, и Тотва, взмахнув ножом, прыгнул к Генри. Полыхнуло пламя. Выстрел опрокинул его. Пьяные чиза-чиза кинулись на Мкизе. Стоя спиной к стене, Генри выстрелил дважды. Мбата ткнулся ему в ноги. Нож его слегка задел рукав Генри. Последний убийца бросился к двери. Генри, не целясь, пустил пулю ему вдогонку.

Оттолкнув ногой тело предводителя, Генри вложил в пистолет новую обойму. Раненый Тотва пополз в сторону. Мкизе поднял пистолет. Враги не церемонились с ним. Слегка выкаченные глаза африканца застыли в ужасе. Генри поморщился, спрятал оружие.

Он в последний раз осмотрел комнату, сунул оставшиеся бумаги в печь и вышел на улицу. Он шел не оглядываясь, готовый дать отпор любому, кто попытается задержать его. Он не жалел о тех, что остались там, в доме. Они пытались убить не только его. Они хотели убить свободу своего народа.

5

Черным крылом укрыла ночь трущобный поселок. Генри Мкизе настороженно шагал по неосвещенному переулку рядом с невысоким плотным человеком. Покосившиеся домики угрюмо глядели на путников слепыми проемами окон с выбитыми стеклами. Нищею толпой стояли хижины — лондоки из досок и спрессованных банок, уродливые, с мешками вместо дверей. Спутники вглядывались в ухабистую дорогу, обходя лужи. Вдали барабан выбивал ритм танца.

У одноэтажного дома остановились. Генри прислу-

шался, постучался условным стуком, толкнул дверь и прошел мимо часовых со своим спутником.

В комнате, освещенной керосиновой лампой, вокруг стола сидело человек десять — члены исполкома запрещенного Африканского общества свободы. Все лица повернулись к спутнику Генри. Нижняя толстая губа его немного выдавалась вперед, но не портила его энергичного лица. Небольшая вьющаяся борода оставляла верхнюю часть подбородка почти голой. В широких усах просвечивала проседь. Он добродушно улыбался, но маленькие умные глаза его зорко и жадно вглядывались в лица соратников.

— Наш товарищ — Джим Твала, — представил его Мкизе. — Привез важные вести из-за границы.

Твала говорил просто, ясно: им помогают, предоставляют оружие. Часть оружия уже приобретена. Скоро оно будет переброшено через границу.

— Кроме того, мы, ну эмигрантское бюро общества, договорились с некоторыми африканскими правительствами, что пошлем в их военные школы наших людей. Списки парней уже готовы, Мкизе?

— Есть списки.

За стеной послышался шум борьбы. Мкизе выскочил в коридор. Двое часовых боролись с офицером полиции, все тяжело сопели.

Генри узнал Гендерсона — Мтетву.

— Отпустите его, — приказал Мкизе.

Они отошли в сторону.

— Локация окружена, — тихо сказал Мтетва. — Секретная служба засекла вас. Уходите сейчас же. Возьмите вот два адреса складов оружия. Но если попадешься...

— Понятно... Можешь не беспокоиться... Как с Иоганнесом Принслоо? Он жив?

— Сегодня на него совершено покушение: когда он переходил улицу, на него чуть было не наехал автомобиль. Но Иоганнес был настороже: я предупредил его о готовящемся нападении. Он успел добежать до тротуара. Едва-едва вывернулся. Теперь-то он хочет уехать из страны. Иоганнес знает, к кому обратиться?

— Да.

— А как насчет меня, Генри?

— Получишь новые документы. Будешь жить пока в

цветном секторе. Как-нибудь перемены внешность. Эту бороду, ну сам понимаешь. Ты нам нужен. Может быть, сначала достанешь списки их агентов, подосланных к нам?..

— Постараюсь, Генри. Ну скорее! Держите на северные ворота, там пока не оцеплено. Постой! Скажи Джиму Твале, чтобы не ходил сегодня ночевать в дом 1138 на Шестнадцатой улице. Его схватят там.

Вскоре африканцы исчезли в темноте.

Мтетва остался один. Глядя им вслед, он испытывал жгучее чувство одиночества.

Во мраке Мтетва увидел белые пятна лиц. К дому подошел отряд отдела безопасности во главе с самим майором Краммером, тестем Гендерсона.

— Где террористы? — голос Краммера звучал отчужденно.

— Кто-то спугнул их. — Вилли старался казаться спокойным.

— Обыскать локацию!

Гендерсон и Краммер остались одни в темноте под безлунным небом. Жители подокков не подавали признаков жизни.

Мтетву удивляло, почему Краммер не спрашивает его, как он здесь оказался. Он повернулся спиной, показывая, куда убежали африканцы. Вилли не видел, как тесть его, который еще месяц назад души в нем не чаял, метнул быстрый взгляд по сторонам и вынул пистолет. Под левую лопатку Вилли ударили горячим молотом. «О боже!» — Вилли упал. Краммер наклонился над ним. «Проклятый кафр!» — произнес он сквозь зубы и трижды выстрелил в лежащего ничком зятя. Потом кинулся в сторону и через несколько мгновений растворился в темноте между лачугами.

Как сквозь сон услышал Вилли над собой голоса. Африканцы вернулись, натолкнувшись на полицейскую заставу.

— Жив! — сказал Генри, наклонившись над ним.

— Я умираю, Мкизе. Прощай. Я рад, что вновь встретил тебя...

— Помоги нам, Вилли. Мы окружены.

— Я уже не могу вам помочь...

— Ты можешь. Ты ведь еще зять Краммера. Скажи полицейским, что мы твои люди.

— Хорошо. Делай, что нужно, Генри, и поскорее. Я ухожу к тем, кто там, внизу...

— Поднимайте его, — сказал Мкизе. — Мы еще вырвемся. Держись, Вилли. Ты не должен умирать, друг. Без тебя мы пропали. Держись! Постарайся, Вилли. Поднимайте его, Твала.

Шестеро понесли стонущего Мтетву. Четверо шли рядом. Вскоре они увидели в темноте полицейских.

— Вот они, Вилли. Ты слышишь меня?

— Слышу, Генри. Действуй смелее. Я сделаю все, что тебе нужно...

— Только не теряй сознания, Вилли, крепись!

— Террористы изрешетили Гендерсона, — сказал Мкизе, подходя к офицеру.

— Брукс, — проговорил Вилли слабым голосом, — это мои люди, из нашего отдела. Пропустите.

— Сильно они вас, Гендерсон? — спросил Брукс с сочувствием.

— Кажется, я готов, Брукс...

— Может быть, вам помочь?

— Не надо. Лучше выловите террористов, Брукс.

Они вышли за проволочную изгородь, окружавшую локацию, и двинулись по вельду.

— Остановись, Генри, — попросил Мтетва. — Я отдохну немного.

Мтетва слабел.

— Подойдите, Джим Твала, поближе. Я хочу посмотреть на вас. Они знают о вашем приезде и ловят вас... Не попадайтесь, Джим. — Он медленно перевел взгляд на Мкизе. — Конец, Генри... — Вилли говорил тяжело, с одышкой. — Отдайте меня, когда я... ну... моей матери. Пусть она похоронит меня, а не эти... Не хочу лежать рядом с ними. Обещаешь?..

Они донесли его до старой, выработанной шахты.

Мкизе послал за врачом. Он хотел спасти Вилли во что бы то ни стало. Мтетва был нужен им. Он знал много.

Врач, пожилой крупный человек с седой головой, явился под утро. Это был Матшикиза — один из руководителей Африканского общества. Матшикиза был прекрасным хирургом, попасть на операцию к которому мечтали многие африканцы. Но было уже поздно. Когда Вилли положили на привезенную доктором просты-

ию, он умер, взяв Генри за руку и сказав: «Так исполни мою просьбу. Передай матери...»

Генри был расстроен этой смертью. Ушел из жизни друг его детства.

— Прощай, Вилли, — сказал Генри печально. — Если бы не ты, нам пришлось бы сейчас плохо. Сегодня ты был молодцом. И искупил свою вину. — А про себя подумал: «Ты спас и Иоганнеса. Границу-то оп с моими ребятами перейдет. Проводники опытные. Теперь Анна вздохнет свободно». — Ну, расходимся! Твала, ты пойдешь со мной. В дом номер 1138 тебе сегодня нельзя.

КОМАНДИР ОСОБОГО ОТРЯДА

Жозе шагал в зеленом сумраке леса, пристально всматриваясь в заросли. Иногда он останавливался, прислушивался, сжимая в руках автомат, и темно-коричневое, почти черное лицо его становилось настороженным. Оплетенный лианами лес был глух и неприветлив. В густой путанице подлеска пахло прелью и перегноем. Ноги Жозе погружались в мягкую, напоенную дождями почву, и теплая вода просачивалась меж пальцев.

К Перейре — командующему отрядами партизанского района — Жозе вызвали неожиданно. Партизан ломал голову: зачем он понадобился командующему? Конечно, Перейре знает Жозе: он преподает военную тактику у них, на курсах партизан с тех пор, как окончил офицерскую школу за границей. Жозе был у него хорошим курсантом. И они воевали вместе с того самого дня, как рабочие кофейных плантаций на севере Анголы начали восстание. Но все же, зачем он, Жозе, простой разведчик, нужен Перейре? Может, он в чем-нибудь провинился?

Жозе перебрался через пролом в бамбуковых зарослях — видно, здесь пробежал посорог, — вскарабкался по крутому размытому склону и наконец вышел к фуэсе — центральному военному поселению повстанцев, вокруг которого были разбросаны их деревушки. Фуэсе находилось в глубине Освобожденного района. Ряды хижин стояли между деревьями, под высокими зелеными сводами. Даже свет солнца не проникал сквозь плотную массу листвы, и самолеты португальцев не могли обноружить поселения.

Пройдя сквозь толпу бойцов, Жозе очутился у высокой хижины штаба и отворил легкую дверь.

Перейре перестал писать, внимательно взглянул на бойца.

— Так. Есть у меня тут для тебя, Жозе, особое задание, — сказал он, поправляя очки. — Пойдешь к границе принимать транспорт оружия из одной страны.

Жозе оживился:

— Хоу! Оружие?! Из страны? А я другим часто рассказывал раньше о помощи, а сам никогда не видел, как оружие доставляют.

— Вот и увидишь. Так. Берн людей Америго. Он ранен. Будешь командиром этого отряда. Я выбрал именно тебя потому, что ты крепкий парень. Я помню, как ты нес меня тогда, подбитого, километров десять, когда португальцы сидели у нас на плечах. Думаю, ты и теперь не подведешь, а? Доставишь автоматы прямо сюда, в фуэсе.

— Я все понял, Перейре.

Перейре объяснил, что Жозе должен встретиться с группой, которая доставит оружие в Анголу, на контрольном пункте Освобожденного района.

— Без оружия не возвращайтесь. Умри, а доставь.

— Все понял. Даже мертвый Жозе выполнит приказ.

Отряд раненого Америго жил в трех круглых хижинах, крытых травой. Когда появился Жозе, партизаны отдыхали. Они недавно вернулись из похода. Жозе сообщил им о своем назначении.

— А зачем нам чужой командир? Мы и своего можем найти, — враждебно проворчал Секулу — партизан лет тридцати, с приплюснутым носом и татуировкой на лбу. Он начищал зубы концом размочаленной палочки лофиры*.

Жозе ощущал его невысокую фигуру твердым взглядом.

— Секулу будет делать то, что ему прикажет командир. Не знаешь, что такое дисциплина?

— Не обращай внимания, Жозе, — сказал Зоао, веселый паренек лет пятнадцати, с тонкой круглой ребячьей шеей. — Секулу со всеми ругается. А что нового слышно здесь, на базе? Мы ведь только вернулись. Две недели в походе.

— А новое то, Зоао, что теперь мы не одни. Нам полмира помогает. Сам скоро увидишь.

— Ну, Жозе скажет уж: «полмира»!

По поручению комиссара отряда Жозе не раз вел беседы с бойцами и хорошо знал положение на фронтах. Он и сейчас не упустил случая приободрить бойцов и подробно рассказал об успехах освободительной армии Народного движения за освобождение Анголы.

— Ну, в общем, — закончил он, — мы сейчас идем к границе. Отряду поручено особо важное дело. Возьмем на складе консервы и выступаем.

Партизаны мигом поднялись с постелей. Особое задание!

Секулу сразу переменился. Его широкоскулое лицо с приплюснутым носом растянулось в улыбке.

— Мы знаем: Жозе — смелый разведчик. Ему маленькое дело не поручат. На какой форт будем нападать, командир Жозе?

* Лофира — небольшое дерево, растущее в тропиках. Древесина лофиры пахнет ментолом, зубы от нее белеют, становятся блестящими.

— Я поведу вас, — ответил тот уклончиво.

— Тогда я, командир Жозе, сейчас... За патронами...

Секулу вышел прихрамывая. Одна нога у него была короче другой, и его называли «Кна-фуакулу», что означало «Мертвая нога». Хромой, однако, мог ходить быстро и даже бегать.

— Поскорее, и про наш особый отряд — никому, — бросил вдогонку Жозе.

Через минуту Секулу выскочил из соседней хижины.

Его друг длинноголовый Динанга тоже вышел из хижины и долго смотрел вслед уходящему отряду.

Жозе уверенно вел людей сквозь лес. То и дело обходили топи, оставленные «мазикой» — муссонными дождями. В полумраке леса было жарко и душно.

Жозе шагал стремительно — на контрольном партизанском пункте отряд ждут к утру. Секулу двигался следом за Жозе, видя перед собой широкую спину командира, его могучую шею, оголенные до плеч руки, узловатые и крепкие, как сизалевый канат. Жозе шел удивительно легкой походкой, хотя был массивен и тяжел.

В полдень наткнулись на стадо кабанов-бородавочников.

— Стой, Жозе! Сейчас я одного... — пробормотал Секулу, сдергивая винтовку и целясь в самца с изогнутыми клыками. Широкие ноздри Секулу возбужденно втягивали воздух.

— Хоу! Ты разве, Секулу, не знаешь, что идешь по важному делу? — спросил Жозе сердито. — Если Секулу, старый партизан, будет стрелять и шуметь, кто же будет соблюдать тишину?

Секулу подчинился, сказал: «Верно командир Жозе говорит: Секулу — старый партизан».

К вечеру вышли на холмистую равнину, поросшую слоновой травой, жесткой и острой, как лезвие мачете. Трава эта вдвое выше человека, в ней легко прятаться, но можно и напороться на затаившегося противника.

Жозе выслал дозоры и двигался медленно, прислушиваясь к звукам саванны.

Стадо серых тяжелых облаков медленно ползло по небу. Совсем стемнело, хлынул дождь. Теплый северный муссон без устали гнал влагу из лесов Конго.

Жозе не чувствовал ни раздражения от проливного

дождя, ни усталости от длительного похода. Годы войны закалили его. Он привык к тяготам военного времени, не придавал им особого значения, считал их неизбежными. Мирная жизнь, которую они в конце концов завоюют, казалась ему не такой уж далекой. Она представлялась ему прекрасной и светлой. Он часто видел себя инженером, строящим дома и мосты. Жозе не был беспочвенным мечтателем. Он уже почувствовал силу знаний и твердо решил: как только они победят, он поступит в школу, а затем в университет. Может быть, удастся поехать учиться за границу...

Сквозь шум ливня командир услышал дыхание бегущего человека. Жозе обернулся и увидел пятнадцатилетнего Зоао. Он послал его в охранение.

— Португальцы! — с хрипом выпалил паренек. — Человек десять. Туги по следу идут.

— Далеко? — Жозе помрачнел.

— Шагов триста. За холмом...

Жозе зашагал быстрее, раздвигая жесткую траву. Вихрились в голове мысли. Дождь густой, как лес, темно, и все-таки португальцы увидели отряд. Ждали, видно, на пути к границе. Откуда узнали? И что теперь делать ему, Жозе?

Надо взглянуть самому на тугов. Жозе пропустил отряд и остался в темноте под дождем — один на один с опасностью. Некоторое время он стоял, прислушиваясь, потом решительно двинулся навстречу противнику.

На вершине холма Жозе спрятался в траве, стал ждать. Во мраке слышались осторожные шаги. Трава зануршала, и в свете молнии Жозе увидел португальцев: их мокрые черные плащи, стальные каски, широкий вздернутый нос первого солдата, его модную короткую бороду. Во всей наклоненной вперед фигуре португальца — ожидание опасности. Затем все исчезло в черноте ночи.

Надо заставить их идти медленнее: в этом спасение отряда. Жозе, подняв автомат, ждал. При ослепительной вспышке он вновь увидел солдата. Их взгляды встретились, в глазах португальца полыхнул ужас. Португалец рванулся в сторону. Жозе выстрелил. Наступила темнота, и он не видел, что стало с врагом. Сухой треск автоматов прижал Жозе к мокрой груди холма. Партизан выстрелил, не целясь, и побежал, пригибаясь, по

троне. Его пули научат португальцев осторожности, он заставит их идти медленнее!

Всю ночь Жозе вел отряд, не останавливаясь. Командир бежал сквозь мрак и непогоду, не слушая ропота уставших. Перейре знал, кому вручить судьбу оружия.

Изредка Жозе останавливался, чтобы пересчитать людей, пропуская их мимо себя. Два раза находил он Секулу в хвосте цепи. Идти последним по проторенной тропе было легче, и Жозе подозрительно косился на него. Завидев Жозе, Секулу сразу уходил вперед. Богатырская фигура командира с автоматом в руках внушала уважение всем.

Утром они, измученные, мокрые, но оживленные, пришли в поселение партизан у границы. С чистого, умытого неба весело глядело не горячее еще солнце. Тяжелые прозрачные капли дождя сверкали на зеленом шелке травы. Накрытые ветвями ящики с оружием уже стояли в большой хижине.

Начальник контрольного поста Освобожденного района, худой баконго* по имени Хорхе, был старым приятелем Жозе. Два года назад они вместе участвовали в налете на тюрьму, пытались освободить руководителей партизан, а раньше оба работали на алмазных копях Луашимы. Но Хорхе словно не узнал Жозе. Поджав губы, он строго спросил:

— Ты командир отряда? Как твое имя? Есть документы на оружие?

Жозе засмеялся, показав приятелю две белых подковки зубов, вынул из кожаного мешочка бумагу, с подписью и печатью коменданта фуэсе Перейре и подал ее Хорхе. Тот, запуская пальцы в войлок своих волос, долго читал, медленно шевеля губами. Он глянул даже на обратную сторону бумаги и только после этого поздоровался с Жозе. Тот рассказал ему о преследователях и попросил задержать их, если они появятся на контрольном пункте.

Отряд выступил. Жозе повел партизан новой дорогой. Сначала путь лежал через саванну. Длинные ящики с автоматами, тщательно закрытые ветвями, покачивались на головах носильщиков.

Жозе прислушивался к каждому шуму. Внимание

* Баконго — народ, живущий в Конго и Анголе.

его привлекла беловатая акация. Странное дерево сбросило листья и стояло голое во время мазики, когда все зеленело и одевалось листвой. Но не акация интересовала Жозе: на ветвях дерева большой павиан хрипло тявкал, предупреждая стаю об опасности.

— Леопард, — сказал Секулу.

Жозе не ответил. Возможно, в траве прятался леопард — враг павианов, — но могли быть и люди. Павиан исчез. Жозе прислушался. Португальские солдаты и «специальные охотники» — добровольческие отряды белых колонистов — рыскали по саванне. Встречи с ними надо избежать.

Впереди в траве показался просвет. Жозе остановился, повернулся к партизанам и приложил палец к губам, затем стал медленно пробираться вперед.

— Тропа, — сказал он чуть слышно, обращаясь к Секулу. — Прошли сейчас только.

Вмятина от широкого каблука была полна воды. Тропа огибала красный конус термитника и скрывалась в травяных зарослях. Там, где-то за термитником, прятались солдаты. Жозе поднял автомат, ожидая нападения, готовый биться за свой драгоценный груз. Но выстрелов не было.

— Бегом! — Жозе пересек тропу.

Послышался гул патрульного вертолета. Африканцы поспешно спрятали в траву ящики с оружием, укрылись в ней сами. Вертолет, сделав несколько кругов, улетел.

И снова партизаны наткнулись на свежую тропу. Жозе тревожился. Опасность шагала рядом.

Носильщики бежали вниз по отлогому склону. Уже видны красные огни цветов лианы мусенды над деревьями леса.

Позади слышались приглушенные возгласы: «Португальцы!» Солдаты шли по пятам. Наверное, с вертолета увидели отряд. Не удалось уйти!

Жозе направил в тыл отряда усиленное охранение. Главное — не подпустить врагов близко, чтобы они не обнаружили груз.

В этой суматохе Жозе все же заметил, как Секулу, хромя, нырнул в высокую траву и исчез. Командир кинулся за ним, догнал.

— Хоу, Секулу! Куда?

— Секулу — умелый солдат. Он пойдет в охране-

ние. — Секулу двинулся дальше, не обращая внимания на Жозе.

— Секулу, вернись! — Жозе поднял автомат, ожер партизана взглядом. — Охраняй ящики!

Секулу повернулся, увидел грозное лицо командира с выставленной вперед тяжелой челюстью и понял: сейчас раздастся выстрел. Он улыбнулся, словно ничего не произошло.

— Командир Жозе всегда знает, что нужно! — Секулу, хромая, пошел обратно к цепи.

Наконец вошли в лес, и Жозе, обернувшись к партизанам, одобряюще сказал: «Они поставили капкан, когда леопард уже прошел».

В непролазном подлеске двигаться можно было только по тропам. Здесь легче сдержать противника. Но Жозе не знал, что парашютисты сообщили по радио на свою базу о партизанах и враги подстерегают отряд.

Несколько часов португальцев не было слышно. Жозе подумал даже, что они отстали. И вдруг тишину разорвали винтовочные выстрелы, со всех сторон застрекотали автоматы. Охранение начало бой с противником.

Окружены! Люди заметались, бросали ящики, бежали в заросли. Жозе кинулся к ним, стараясь остановить беглецов.

Он схватил за шиворот одного из носильщиков.

— Беря ящик. Застрелю!

Часть носильщиков исчезла в кустах, но остальные вместе с партизанами понесли ящики к крохотному озерку, продираясь сквозь заросли. Торопясь, заходили по горло в теплую воду, усеянную белыми кувшинками, опускали груз. Раздраженно кричали мартышки, взлетали вверх по черным, словно просмоленным канатам лиан.

Бой шел неподалеку. Жозе с несколькими партизанами пересек озерко, чтобы встретить врагов. Пробежав густой подлесок, он остановился перед полянкой, откуда должны были появиться солдаты, и бросился за огромный, выпирающий наружу корень упавшего дерева. Справа от него — Секулу и Зоао.

Португальцы наседали. В треске автоматов винтовочные выстрелы партизанского охранения слышались все реже и вскоре совсем стихли. Значит, фланговое

охранение уничтожено. А носильщики все еще возились с грузом...

Стальные шлемы солдат вынырнули из леса по ту сторону полянки. Среди листьев показалась небольшая модная борода, такая же, как у вчерашнего парашютиста. Жозе выстрелил — португалец качнулся вперед, падая, ухватился руками за ветвь аннзофилы. Желтые, похожие на сливы плоды посыпались на землю. С той стороны поляны загрели выстрелы.

Закричал раненый Зоао. Грохот пальбы усилился. К солдатам подошло подкрепление. Жозе не слышал больше выстрелов товарищей. Партизаны или перебиты, или у них кончились патроны.

Приступ злобной решимости охватил Жозе. Не пройдут португальцы к озерку, пока ящики не исчезнут на дне! Он стрелял и стрелял в невидимых противников.

Неожиданно выстрелы прекратились, и несколько секунд стояла тишина. На озерке уже не было видно ни одного человека с ящиками. Оружие спрятано! Теперь уходить, и быстрее. Жозе вскочил на ноги, прячась за стволом. Сзади раздался шорох.

Жозе повернул голову и увидел направленную на него в упор винтовку и Секулу с раздувающимися от волнения ноздрями.

— Подними руки, командир Жозе! — прорычал Секулу.

Жозе замер. Ярость душила его. Предатели! Хочет взять командира живым. Но если он, Жозе, умрет, умрет и Секулу! А оружие? Как зверь в капкане, металась мысль, отыскивая путь к спасению. Повернуться и выстрелить не успеешь. Не размышляя больше, Жозе прыгнул за ствол сейбы, и в тот же миг рядом грохнуло. Что-то тяжелое ударило по затылку, толкнуло вперед голову.

...Темная волна подхватила Жозе, и он ринулся с крутой водяной гряды вниз. Секулу стоял один среди зеленых камней и водорослей, маленький, как муравей, и целился в него из винтовки. Жозе падал долго. Потом Секулу исчез. На его месте появился комендант Перейре и сердито кричал, чтобы Жозе нырнул за ящиками...

Жозе открыл глаза и вспомнил все. Он повернул голову, отыскивая взглядом Секулу, и едва не вскрикнул

от резкой боли в затылке. Сквозь темную пелену, застилавшую глаза, он увидел предателя. Секулу шел через полянку, увязая по колено в заболоченной почве и размахивая листом бумаги. «Сейчас расскажет об оружии». Пересиливая боль, Жозе оперся на локоть и в прицельном кольце автомата увидел грязную мокрую рубашку, прилипшую к спине. Жозе яростно дернул спусковой крючок. Он стрелял даже тогда, когда Секулу уже неподвижно лежал на траве...

Жозе поднялся и бросился прочь. Мысли расплывались, путались. Ранним носорогом бежал он, не разбирая дороги. Деревья мешали ему, кружились, патыкались на него. Корявое бревно вдруг вцепилось ему в голову и стало разрывать затылок. Потом ноги его подогнулись, он упал, перевесившись через толстую лиану, поплыл по широкой реке. Река превратилась в улицу Луанды, полную народа. Жозе было стыдно, что он лежит, остановив движение. Люди возле него спорили о чем-то, и постепенно их слова стали доходить до него.

— С автоматом — значит командир, — говорил один. — Надо допросить.

— Есть приказ кончать их на месте, — возразил другой.

Жозе понял, где он. Он слышал, как подошел офицер и приказал: если террорист сможет идти, доставить его живым.

Солдат ткнул партизана ботинком, и Жозе, преодолевая тошноту, поднялся. Его обыскали, отняли пропуск для контрольных постов Освобожденного района. Старый темнолицый португалец деловито обходил раненых партизан, осматривал и неторопливо стрелял в голову. Когда очередь дошла до Зоао, мальчик закричал и попытался подняться. Португалец придавил его башмаком на толстой подошве, выстрелил в висок.

Жозе рванулся из рук врагов и едва не упал от слабости. Солдат, от которого пахло вином, связал ему назад руки и ткнул для острастки кулаком под ребра.

Двинулись к озеру. На берегу остановились, рассматривая черную гладь. Жозе замер: белые чашечки кувшинок были забрызганы грязью. Это могло вызвать подозрение португальцев. Но они спокойно переговаривались — перейти ли им озерко или обойти его. Жозе прислушивался, ждал. Наконец пошли в обход. Не зна-

ют, ничего не знают! Ноги его налились силой, зашагали увереннее. Не знают!

Вооруженные автоматами португалцы выходили на тропу, узким тоннелем пробивавшую заросли, несли трофейные винтовки и ружья. Жозе пересчитал добычу врагов: семнадцать винтовок и ружей. Восемнадцатый — его автомат. Значит, весь отряд уничтожен. Он, командир, остался один. Носильщики, даже если кто-нибудь из них и спасся, не знают этого леса и никогда не найдут озерка. Теперь он, Жозе, не мог умереть. Он должен вернуться за оружием!

Жозе шел среди врагов по зеленому коридору. Пламенели цветы лиан ротангов. Все, что росло, тянулось к солнцу и свету. Хрипло кричали в ветвях серые попугаи. Но Жозе ничего не замечал, раздавленный поражением. Он видел перед собой лица убитых товарищей. Это он, плохой командир, виноват в их смерти.

Тут командир подумал о Секулу — видно, это из-за него погибли несколько отрядов в саванне. Но как сумел он предать свой отряд? Жозе вдруг вспомнил о длинноголовом Динанге, к которому Секулу бежал перед выходом отряда из фуэсе. Жозе часто видел их вместе. Оба любили выпить. Говорят, раньше тот и другой попадались на воровстве. А теперь вот занялись делами похуже.

Ясно — Динанга знал, что отряд ушел к границе, и навел на партизан парашютистов. Хорошо еще, что длинноголовый не проникнул об оружии. Секулу сам слышал о ящиках только на контрольном пограничном пункте.

Вечерело, когда они вышли к затянутой дымкой тумана деревушке народа баконго. Три десятка хижин с травяными крышами стояли, сбившись в круг.

Загорелый колонист с нашивкой «доброволец» на рукаве ввел Жозе в хижину старейшины деревни. Коптилка тускло освещала темные стены. Старейшина — баконго лет шестидесяти, с худыми голенастыми ногами и добрым испуганным лицом — молча, покорно смотрел на вторгшегося португальца.

Колонист приказал Жозе сесть к стене: Он пристально вглядывался в пленного.

— А я тебя, кажется, знаю, — сказал он тихо, едва сдерживаясь. — Ты был на моей плантации, когда тер-

рористы сожгли ее! — Взгляд португальца гвоздем вонзился в Жозе. Но тот только пожал плечами.

— Где это было? — спросил он безразличным тоном.

— Еще спрашиваешь, бандит? Не помнишь плантацию Фазенда-Примавера? — Португалец неотступно следил за лицом Жозе.

— Фазенда-Примавера? Не слышал, — сказал Жозе нарочито спокойно и отвернулся. Он был на плантации, когда началось восстание, и не сомневался, что колонист тут же застрелит его, если узнает. Теперь он вспомнил этого поселенца. Его схватили тогда собственные «контрактадо» — силой законтрактованные рабочие, — но он ухитрился удрасть. На миг Жозе вновь увидел горящее дымным пламенем бунгало и разъяренных контрактадо, валящих ударами острых мачете кофейные деревья. — Похожих людей много. Белые всегда путают нас. И ваш офицер велел доставить меня живым.

На лице португальца появилось сомнение: уж слишком спокойно говорил пленный. Ствол автомата медленно опустился вниз. Плантатору не хотелось понапрасну ссориться с офицером парашютистов.

— Все равно тебя пристукнут, — сказал он злобно. — Всех вас надо... Ну скажи: зачем террористы сожгли мой дом, мою плантацию?

— Что утром положишь в горшок, то вечером найдешь в своей ложке, — неторопливо ответил Жозе. — Деревья, конечно, рубить не нужно. Это пашни деревья. Разве португальцам тесно дома, что они гонят нас с земли предков?

— Обучай вот их всему, а они вместо благодарности тебя же прирежут!

— Кому нравится работать под плетью бесплатно за анголар в день?

— Анголар? — раздраженно сказал поселенец. — А еда? Да ты знаешь, что за каждого контрактадо мне пришлось дать чиновнику департамента туземных дел взятку в десять раз больше, чем я плачу рабочему за полгода? Если вас не бить, вы и этот анголар не оправдаете.

Поселенец встал, позвал с улицы солдата и ушел.

Жозе усмехнулся. Этот доброволец еще доказывает ему свою правоту, считает себя незаслуженно обиженным! А что бы сказал туг, если бы он, Жозе, пришел к

нему в Португалию, захватил бы его землю и заставил его, туга, работать из-под палки на себя? Он бы тоже, как сейчас африканцы, поднял восстание.

Солдат, вызванный поселенцем, уселся на бревно и принялся чистить автомат, не глядя на пленного.

Старейшина поправил тонкий огонек коптилки. Руки его до самых локтей страшно распухли.

— Что у тебя с руками? — спросил Жозе. Он подумал, что старик мог бы освободить его ночью.

— Ой, брат, бараматола*. Двести ударов. Начальник округа приказал послать двадцать рабочих для компании «Катонаж», а у нас одни старики да дети. Все молодые — на плантациях и в партизанах. Собрал только одиннадцать человек, даже семилетних отправил. Да простят меня предки за это. И вот двести ударов.

Жозе покосился на солдата: судя по светлой, незагорелой коже он недавно прибыл в страну и едва ли знал язык киконго**.

— У парашютистов есть приказ, — сказал Жозе, — сжечь все деревни в восставших районах. А жителей перестрелять. Уходи, пока не поздно, в лес и другим скажи!

— Куда же идти, брат? А наши поля, а маниока?

— Мертвым маниока не нужна.

Старик растерянно осмотрелся, вздохнул.

— Разрежь ночью мои веревки, — сказал Жозе, не меняя голоса, — вместе уйдем.

— Они перебыют мою семью.

— Семья тоже уйдет. В лесу места много. Разрежьшь?

Старик взглянул на парашютиста и промолчал.

Ночью Жозе долго ждал. В хижине горела коптилка. Солдат и колонист спали, накрывшись плащами. Жозе слышал их ровное дыхание. Он тщетно пытался развязаться.

Придет старик или нет?

Послышались осторожные шаги. Полог двери приоткрылся. В проеме показалось искаженное страхом лицо старика. Африканец на четвереньках пополз к пленнику, припадая к земле при каждом шорохе. Жозе сле-

* Бараматола — небольшая деревянная ракетка с отверстием, которой бьют в наказание.

** Киконго — язык народа баконго.

дил за ним. Вот она, свобода. Лес рядом! Старик добрался до пленного и, метнув взгляд на спящих, полоснул ножом по натянутой веревке. Веревка глухо лопнула.

Проснулся парашютист. Пробормотав что-то, он приподнялся на локте и, заслонив ладонью пламя копилки, осмотрелся. С необычайным проворством старик шмыгнул к двери и исчез. Парашютист вскочил, разбудил поселенца, и оба бросились в темноту. Жозе отчаянно старался развязаться. Он раскачивался всем корпусом, натягивая веревки. Они постепенно слабели — еще немного усилий, и он сможет встать. Но португальцы вернулись, с проклятиями вновь прикрутили его к столбу.

За ночь руки и ноги Жозе затекли, и, когда утром его развязали, он едва мог стоять.

На поле, грохоча мотором, опустился вертолет американского производства. Связанного Жозе отвели в кабину.

В круглое окно он видел, как солдаты вытаскивали из жилищ стариков, женщин, детей, загоняли их в хижины собраний. Старейшина в разорванной на груди рубашке плакал и показывал офицеру нателый крест. Но тот нетерпеливо оттолкнул старика...

Потом поселенец, который ночью охранял Жозе, остановился у входа в хижину, спокойно проверил автомат и, хижину прищурившись, дал несколько очередей по африканцам.

Жозе скрипел зубами в бессильной ярости. Дикие люди! Их сердца не знают жалости!

Около пятнадцати парашютистов, громко переговариваясь, влезли в машину. Вертолет зарокотал, плавно поднялся над крытыми травой хижинами, замер над домом собраний. Небольшая бомба скользнула вниз, покачивая оперением. Хижина вспыхнула. Яркое маслянистое пламя разбрасывало горящий напалм на соседние постройки. Черный дым косо поднимался в небо. Огонь охватывал деревню.

Вертолет, басовито напевая свою однообразную песню, пошел на запад, к океану.

Внизу, на дороге, превращенной дождями в реку жидкой красной грязи, показалась толпа беженцев с узлами на головах: люди спасались от зверств португальцев.

Через час сели на небольшом аэродроме в саванне.

В маленьком домике у Жозе сняли отпечатки пальцев, и солдат отвел его в опутанную колючей проволокой клетку, сооруженную для пленных под открытым небом.

Арестованные хмуро оглядели Жозе. Их было около десяти. Один из них сидели неподвижно, мертвыми глазами смотрели перед собой. Другие нервно ходили. Африканец, раненный в грудь, уставясь в небо, читал молитвы.

Человек с умными, грустными глазами пригласил Жозе сесть возле него. Жозе никогда не встречал таких ученых ангольцев. Педро Феликс учился в университете за границей, был поэтом и автором манифеста «Свободу народу», хотя и служил простым клерком в конторе марганцевой компании в Луанде. Все это уже было известно полиции. Парашютисты схватили его в деревне Бао-Нуту, когда Педро Феликс пробирался с женой в партизанский отряд. Жену убили сразу.

— Бедные мои дети, — проговорил Педро. — Совсем крохотные, остались в Луанде у знакомых.

— Бежать надо, — сказал Жозе.

— А как? — Педро кивнул на автоматчика у клетки.

— Только с аэродрома вырваться, а там — в траву.

В полдень Жозе вызвали на допрос к майору. Майор — немолодой узкоплечий португалец с острым, как мечете, лицом — читал какую-то бумагу, не глядя на пленного.

Двое парашютистов, приставив к спине Жозе широкую доску, стали привязывать его к ней. Жозе чувствовал, как холодная волна страха поднимается в груди. Он оглядел комнату. Грязный пол — в темных пятнах крови. В углу — глубокая лохань с водой.

Майор поднял колючие глаза. На мгновение в них появилось что-то живое, когда он увидел богатырскую фигуру пленного.

— Ну, белый человек знает все. Ты Жозе Дестино. — Он показал Жозе его документ и вдруг рывкнул: — Где находится база твоего отряда?

Привязанный к доске, Жозе стоял между двумя португальцами. Страх его прошел, возвратилось спокойствие. Они не знают об оружии. Только бы уйти живым из камеры! Он начал словесный бой.

— В лесах Сьерра-да-Гамбы, — Жозе назвал Осво-

божденный район. — Жозе может провести нас туда.

— Хочешь удрать? Мы и без тебя знаем, что в том районе полно террористов. Кто из туземных рабочих на нефтеперегонном заводе в Луанде связан с тобой? Ты ведь там работал? — Он развернул список, взял ручку. — У нас есть донесения от Секулу.

— Секулу сказал неправду. Я ушел один. Каждая племена знает дорогу в лес.

— Не хочешь говорить? — майор зло уставился на Жозе. — У меня разговаривают все. Кого знаешь на заводе?

По знаку майора парашютисты подняли доску с партизаном и сунули Жозе головой в лохань с водой. Жозе задохнулся. Вода устремилась в легкие. «Конец», — решил он.

Два часа возлился с ним парашютисты. Жозе то терял сознание, то снова приходил в себя.

— Будешь отвечать?

— Я говорю правду. На заводе ни с кем не был связан. Могу отвести в наш район.

— Пристрелить его, и все, — сказал один из португальцев.

— Крепок, ничего не скажешь, — процедил майор. Ему хотелось узнать хоть что-нибудь от командира «террористов» для рапорта начальству. Он вскинул глаза на Жозе, словно собираясь что-то еще сделать, потом взглянул на часы и махнул рукой: «Довольно. Этот террорист с квадратной челюстью будет молчать, даже если его распилить на части. Черт с ним, с Жозе Дестино. Надо идти ужинать».

Жозе отвязали. Он с трудом поднялся, стоял покачиваясь.

Майор вычеркнул имя пленника из списка.

Жозе, мокрый, вернулся в проволочную клетку, сел рядом с Педро Феликсом, положив голову на колени. От перенесенного напряжения дрожали связанные назад руки. Педро ни о чем не спрашивал. Он сам побывал у майора.

Жозе думал, он снова переживал поражение, гибель отряда. Одна мысль билась теперь в мозгу — спасти оружие. Как дать знать о нем Перейре, если придется умереть?

Привели человек пятнадцать африканцев. Пленные стояли у входа, хмуро осматривались. Клетка была полна.

— Все, — тихо сказал Педро. — Им нужно место. Сейчас нас поведут. Мои дети!

К клетке, смеясь и переговариваясь, подошли несколько парашютистов. Жозе смотрел на них, не отрываясь. Молодые, полные сил, они привыкли убивать не задумываясь. Сейчас они убьют и его, если он ничего не предпримет.

Парашютисты вывели пленных из клетки. Жозе бросил взгляд на саванну, вздымавшую свои травы за аэродромом. Далеко. Со связанными руками не добежать.

Узников окружили, повели к взлетной дорожке. Педро шел рядом с партизаном.

— Ну, Жозе, прощай.

— Нельзя мне умереть, — тихо сказал партизан. И поколебавшись, добавил: — Жозе спрятал много автоматов, а в отряде не знают где. Бежать надо, и Педро тоже убежит со мной.

Педро пристально посмотрел на партизана.

— Оружие? Как же ты так?

У вертолета остановились. Подталкиваемые солдатами, поднялись по трапу. С железным лязгом захлопнулась дверь. Загудел мотор, и вертолет пошел вверх. Летели к океану на небольшой высоте. Жозе сидел рядом с Педро, напряженно вглядывался в расстилавшуюся под ними саванну.

Лучи заходящего солнца окрасили багрянцем настороженные лица.

— На остров смерти летим, — подумал вслух Жозе.

— Нет, — возразил Педро. — Просто не хотят рыть для нас могилы — вот он, океан! Так проще: утопят — конец. Акулы докопчат их черное дело.

— Сбросят?

Педро промолчал.

Жозе отчаянно пытался освободиться от пут. Крепкая шея его раздулась, напряглась.

— Развяжи мне руки, Педро.

Они повернулись друг к другу спинами, и Педро незаметно принялся за дело.

Ровно гудел мотор вертолета. Внизу проплывал высокий угрюмый берег с белой пеной прибоя. Солнце опустилось за выпуклую синюю чащу. Вертолет с десятком смертников уходил на небольшой высоте в открытый океан.

— Скорее, Педро!

Но связанные руки Педро работали медленно. Офицер отдал какую-то команду.

— Быстрее, Педро!

Открылась прямоугольная дверь, два солдата схватили сидевшего около двери парня. Тот уперся ногами в пол. Солдаты подтащили его к двери. Один из португальцев приставил пистолет к затылку пленного, выстрелил.

Парашютисты вернулись за второй жертвой. Снова выстрел, и снова связанный африканец полетел в бездну. Один за другим исчезали пленные за бортом.

Наконец Жозе освободился от веревок.

— Повернись, сожми кисти плотнее, Педро.

— Мне конец, Жозе. Я не умею плавать, — голос Педро звучал глухо.

— Держи свою душу, Педро. Я с большой скалы прыгал в море. Мы с тобой оба...

— Слушай, Жозе, — перебил Педро, хмурясь, — тебе надо спастись. Ты должен доставить оружие во что бы то ни стало. Я помогу тебе... Мне уже не выбраться.

— Мы оба... Поворачивайся...

Жозе возился с узлами на руках товарища. Солдаты были возбуждены, не обращали на них внимания.

Африканец со штыковой раной в груди смотрел в потолок безумевшими глазами, шептал молитвы. Его подвели к двери. Он не сопротивлялся — не понимал, что происходит. Португалец сбросил его ногой в пропасть.

Парашютисты схватили последнего арестованного, сидевшего перед Жозе.

Настала его очередь. Эх, не успел он развязать руки Педро!

— Выскакивай вместе со мной, — зашипел Жозе. — Падай головой вниз.

— Прощай, Жозе, ты должен спастись...

— Держи свою душу, Педро...

Все силы собрал Жозе. Вот идут двое. На их лицах

безразличие и жестокость. Они хотят, чтобы он умер, растворился как соль в океане. Враги подходят, наклоняются над ним. Сердце толкает кровь к самому горлу. Надо выпрыгнуть прежде, чем выстрелят в голову...

Солдаты рывком поднимают Жозе.

Пора! Страшный удар железного кулака отбрасывает парашютиста к стене. Жозе сминает, бросает на пол второго противника, прыгает через него, проскакивает мимо португальца, стоящего с пистолетом напротив двери. Позади топот. На мгновение краем глаза Жозе видит наведенный на него пистолет парашютиста и гневное лицо Педро, ринувшегося между ним, Жозе, и солдатом. Затем крик Педро: «Прыгай!» И выстрел. Жозе падает в свистящую бездну, летит вниз, сжавшись в комок. Мощный поток ударяет в лицо, ревет в ушах.

Жозе кувыркается. Синее небо и черный океан стремительно гоняются друг за другом по огромному кругу. В голове мутится. Стремясь остановить кружение, Жозе инстинктивно вытягивает руки и ноги. Кувыркание прекращается. Жозе стремительно летит в бездну. Могучий холодный шквал с воем несется навстречу, тянет за волосы, резиновой струей врывается в рот, раздувает щеки, останавливает дыхание.

Жозе пытается лечь на упругую чудовищную струю вихря, распластаться на ней. Вокруг только ветер. Сквозь слезы, застилающие глаза, Жозе вглядывается в синеющий внизу мрак. Теперь Жозе судорожно пытается выпрямиться, падать вниз головой. Он сгибается пополам, выпрямляется. Гряда темных валов приближается с невероятной быстротой. В реве и свисте падает Жозе навстречу темной пучине, страшным усилием удерживает вертикальное положение тела.

Держись, Жозе! Напряги все силы! Не дай океану оглушить тебя.

Рядом тусклый блеск воды. Удар! Всплеск. Ожгло лоб. Тонны упругой шипящей воды мчатся вдоль тела. Жозе метеором проносится вглубь. Трещит в ушах. Жозе боится глубины, прогибается, тело прочерчивает в воде крутую дугу. Все силы напрягает Жозе, чтобы океан не сломал его, не переломил в спине. Вот он пошел вверх. Движение замедляется. Над головой многометровая толща воды. Ноги и руки отчаянно работают. Грудь и живот конвульсивно вздрагивают. Воздуха! Тело сотрясает-

ся в удушье. Еще далеко! Жозе стиснул зубы — не открывать рта!

Вот она, поверхность, рядом! Жозе судорожно вздыхает. Поток воды устремляется в жадно открытые легкие. Жозе выпрывает, с кашлем извергает воду и дышит, дышит, дышит.

Пологие волны медленно поднимают его и опускают. Жозе осматривается. Далеко-далеко закрытый серым туманом берег. Туда! Там его друзья...

В синей выси среди звезд гудит вертолет врага. Жозе провожает машину взглядом. Где-то рядом утонул сейчас Педро Феликс, его новый благородный товарищ. Педро сказал ему: «Ты должен спастись. Я помогу тебе». Умирая, он хотел, чтобы Жозе жил, чтобы отряды получили оружие. И за это он, Жозе, пойдет в Луанду, найдет детей Педро и возьмет их к себе. Они будут жить с ним в лесу до победы. И еще Жозе думал о том, что и он поступил бы так же, будь он на месте Педро...

Могучее Бенгельское течение несет его на север. Далеко до берега, но теперь Жозе не может умереть. Много сил у Жозе. Он доплывет. Отряды ждут оружие.

П О В Е С Т И

«КОПЬЯ НАРОДА»

Часть первая. ПОБЕГ

Африканец лет тридцати быстро шагал в шумной разноплеменной толпе. Все спешили куда-то, говорили громко. В Йоганнесбурге всегда все спешат, все чем-то озабочены. Генри Мкизе старался не привлекать к себе внимания. Он знал: его

искала полиция. Широко поставленные глаза Мкизе выискивали шпиков в толпе. Он научился распознавать их почти безошибочно.

С песчаных отвалов золотых рудников, пирамидами поднявшихся над городом, ветер нес пыльную занавесь.

На углу Плейн-стрит двое патрульных — буров с белыми повязками на руках подошли к Генри.

— Стой! — приказал поджарый, с втянутыми щеками. В голосе его лязгнули стальные нотки. — Пропуск!

Мкизе смотрел на патрульных с равнодушным видом. Лишь слегка вздрагивали ноздри его прямого носа с небольшой горбинкой. Неторопливым движением вынул он документы. Предъявил. Рассеянно посмотрел в сторону. Но острое ощущение опасности захлестывало Мкизе. Вот она, смерть, в образе абелунгу — белых людей — с неприязненными лицами и винтовками за плечами. По улице проехал грузовик с полицейскими. У оружейного магазина вытянулась очередь европейцев. После расстрела демонстрации африканцев в Шарлэ ожидали восстания.

Бур читал документы, переводя взгляд с бумаг на человека. Потом, щуря глаза, холодно осмотрел крепкую высокую фигуру Генри, сплюнул сквозь зубы ему под ноги.

— Из какой локации?

— Морока.

— Почему нет пометки о разрешении посещать центр города?

— Есть. На девятой странице.

— Ты как разговариваешь?

— Я отвечаю на ваши вопросы, — низкий голос Мкизе звучал спокойно.

Бур вернул документы.

— Проваливай!

В подземном переходе вокзала среди людей с узлами на головах и чемоданами в руках Мкизе заметил невысокого, тонкого в косте Тома Аплани, прислонившегося к стене. Длинные, спускающиеся на воротник волосы делали его приметным в толпе. Аплани курил и, казалось, скучал. Дерзкий взгляд его встретился

с взглядом Генри, спокойным и веселым. Пошли рядом в потоке людей.

— Джим Твала еще не пришел, — говорил Аплани, не глядя на Генри. — Что с ним, не знаю.

Втроем они должны были ехать на совещание подпольного Африканского общества свободы. Джим Твала тайно перешел границу и привез кучу важных новостей. Совещание обещало быть интересным.

Вокзал кишел полицейскими. В случае тревоги отсюда не выбраться. С тех пор как Мкизе стал командиром нескольких вооруженных групп «Умконто ве Сизве» — «Копья народа», — отдел безопасности неотступно шел по его следу. Генри подумал, что не следовало бы Джиму Твале рисковать и ехать сегодня с ним и с Аплани. Но исполком Африканского общества решил, что именно Мкизе должен доставить Твалу — представителя эмигрантского бюро общества — на эту встречу.

Толпа, ожидавшая электропоезд, росла. Твала не появлялся. Генри и Аплани напрасно искали его среди пассажиров.

Подошел поезд. Люди ринулись к вагонам, тесня друг друга. Платформа опустела. Остались только четверо европейцев. В одном из них Генри сразу узнал агента секретной полиции. Вот оно, начинается!

Четверо направились к ним.

— Пошли! — бросил на ходу Генри.

— Смотри! — Аплани глазами указал на другой конец платформы.

Оттуда приближались еще двое. Попались! Капкан захлопнулся.

Поезд тронулся, набирая скорость. Некуда бежать. Генри сунул руку в карман пиджака, где лежал пистолет, и в тот же момент кто-то подскочил сзади, стиснул локти. Мкизе яростно рванулся, упал на асфальт платформы вместе с противником. Уже лежа, успел заметить, как Аплани, стремительный и верткий, проскочил между агентами. Уходя от погони, он прыгнул на пролетавшую электричку, вцепился в поручни. Рывок подбросил Аплани почти горизонтально. «Упадет!» Но Аплани уже встал на узкую ступеньку, торжествующе обернулся, помахал рукой.

Генри подняли. Щелкнули на запястьях наручники.

Подталкиваемый в спину, он зашагал между европейцами.

«Квела-квела»* уже ждала их на площади.

Генри тяжело дышал. Грудь распирала злоба. Так глупо попасться! Хорошо хоть, что не пришел Твала. Твала — нужный человек для освободительного движения. Лишь только Твала перешел границу, как полиция Бальтазара Форстера уже узнала о нем. Все это было делом рук Фолохоло — агента полиции, засланного в ряды Сопротивления. Даже из могилы шпион продолжал наносить удары. Вооруженные группы Мкизе укрывались в локациях. И секретная служба, если она с помощью шпиона засекла группу, могла без особого труда выловить ее. Сидя между полицейскими, Генри с болью думал об Анне, о своей неразделенной любви. Да и какая могла быть у них любовь, если по закону ему и ей положено за нее по нескольку лет тюрьмы? Анна и не знает о его чувствах. А он умеет владеть собой. Она осталась теперь одна. Отец вынужден был бежать за границу, гонимый людьми своей, белой расы. Генри вспомнил, как он увидел Анну в первый раз, на вечере у приятеля-европейца. Это было перед изгнанием его. Мкизе, из Витватерсрандского университета. Блондинка с темно-синими глазами. В тот вечер она не обратила на Генри внимания. Она, правда, танцевала с ним, чтобы досадить назойливому Те Ваттеру, властному и глуповатому. И все же Генри был благодарен судьбе за ту далекую, первую встречу... На соломенных циновках сидели, чинили одежду десятка два заключенных. Ни одного европейца. В иоганнесбургской тюрьме строже, чем где-либо, соблюдают апартеид — разделение по расам.

Мкизе уселся на циновку. Деревенский парень рассказывал вполголоса свою историю. За что его арестовали? Он только сказал что-то не очень почтительно о белом человеке. Старый высохший человек — деревенский знахарь, слушавший рассказ парня, медленно кивал головой. Знахарь сидел здесь за ошибку. Он дал не то лекарство белой пациентке, которая просила его вернуть мужа. И она умерла.

* «Квела-квела» — тюремная машина (жаргон, язык зулу).

У сидевшего возле них интеллигентного вида африканца лицо было в кровоподтеках, крахмальный воротничок разорван. Он «устроил демонстрацию»: сел в автобус, предназначенный только для европейцев. Когда его выгоняли, он сопротивлялся.

Парень со шрамом во всю щеку, по виду цоци, подошел к Генри.

— Мы видим тебя, зулус. — В хитрых глазах нескрываемое любопытство.

— И я вас вижу, — неохотно ответил Генри на традиционное приветствие.

— За что взяли, учитель?

Мкизе равнодушно посмотрел на парня, не ответил.

Часа через два вызвали на допрос. Камеры в длинном коридоре гудели голосами. Много народу сидит в отделе безопасности. На лестнице охранники взяли Генри за руки, чтобы не прыгнул как-нибудь ненароком в лестничный проем.

Просторная светлая комната, куда его ввели, была раньше кабинетом чиновника. Теперь она походила на сарай. На деревянных полках лежали клещи, хлысты, кандалы, бутылки. На полу стояло нечто похожее на собачью конуру. На паркете — бурые пятна. «Ну, держись, Генри!»

За непокрытым столом сидел человек с холодными белесыми глазами — следователь отдела безопасности Оуде. В углу на стульях — два его помощника. Следователь окинул арестованного цепким взглядом, приказал подойти ближе.

Генри не отказывался от своего имени. Многие могли опознать его — одного из секретарей Африканского общества и журналиста газеты «Ассагай».

— За что меня арестовали?

— Еще спрашивает! Заговор против законного правительства. Взрыв динамитного завода! Нападения на вооруженные патрули европейцев. Наш человек Фолохло — дурачье вы! — все рассказал нам.

— Я здесь ни при чем.

— Нам твою ерунду некогда слушать. — Оуде не повышал голоса, не сердился. Он берег свои нервы. — Кто был с тобой сейчас на вокзале? Нечего удивляться. Он удрал на поезде. Выскользнул как намыленный.

— Цоци какой-то.

— С тобой был Джим Твала. Откуда он прибыл?

— Я не видел Твалу уже много лет.

Белесые глаза испытующе смотрели на бесстрастное лицо арестованного. Этот Мкизе ничего не расскажет по доброй воле. Красные держатся на допросах стойко.

— Это Твала? — с фотографии на Генри глядел африканец с большими залысинами на лбу, выдающейся вперед нижней губой и маленькой вьющейся бородкой. Лицо Твалы добродушно улыбалось.

— Нет.

— Врешь. Я допрашивал его однажды. Хорошо. Сколько террористов в твоей группе?

— Я не террорист. Я против террора. — В низком голосе Генри не было страха. — Я хочу только равных с европейцами прав.

— Хорошо, но сколько же террористов в твоей группе?

— У меня нет группы.

— Не хочешь отвечать? Ты отсюда не уйдешь, пока не расскажешь все о Джиме Твале и этих своих «Копьях народа». Ты один из организаторов диверсионных групп.

Помощники повалили Мкизе на стол, приковали руки и ноги кандалами к ножкам стола. На мизинцы рук надели медные манжеты с проводами. Палач вставил штепсель в розетку. Генри ударило током. Дыхание остановилось. Чудовищная боль пронзила тело. Палач включал и выключал ток. Откуда-то издали доносились негромкие спокойные вопросы следователя:

— Где скрывается Твала?

— Кто из лидеров Африканского общества командует группами «Копья народа»?

Генри тяжело дышал, оскалив зубы.

— Не нравится тебе? А что ты сделал бы со мной, если бы вы захватили власть? Где прячется Твала?..

Назад Мкизе почти тащили. Он упал на циновку и остался неподвижным.

Вечером снова на допрос.

Несколько дней спустя привели Майкла Тома. Мрачноватый, худой, с длинными ногами и короткими руками, он выглядел физически слабым, даже немного

болезненным. Генри никогда не встречал его раньше, но слышал о нем. Когда-то Майкл Тома был клерком в молочной фирме. Теперь командовал одной из групп «Копий народа». Это Тома организовал побег заключенных из тюрьмы. Переодевшись подметальщиком, он среди бела дня во время обеда выкрал из полицейского участка оружие. Много подвигов совершил Тома. Мкизе удивлялся, что в хилом теле жил такой храбрый и неукротимый дух. Тома мрачно осмотрел камеру и лег на циновку в углу, отдельно от всех.

Вслед за Тома в камере появился Питер — боец из группы Мкизе. Питер был избит, угнетен, подавлен. Мкизе подозревал, что всех их собрали вместе, чтобы подслушивать разговоры.

На допрос вызывали каждый день.

Следователь Оуде был упорен. Особенно хотелось ему заставить говорить Мкизе. Но Генри, выдержанный, умный, хитрый, был крепок и осторожен.

К концу второго месяца лицо Мкизе от побоев превратилось в чудовищную маску. Сквозь щелочки проглядывали глаза. В волосах — колтун от спекшейся крови. Теперь ему не давали отдыхать. В понедельник утром его поставили в круг, обведенный мелом. Это называлось «делать статую». Следователи сменяли друг друга, а Мкизе все стоял и стоял на одном месте. Если он падал, его поднимали током. Путались мысли. На вторые сутки Мкизе совсем переселился в царство видений. То он, молодой и счастливый, стоял на вершине огромного песчаного отвала золотых рудников и вместе с Аплани смотрел на залитые солнцем небоскребы Иоганнесбурга, против власти которых они поклялись бороться. То, как в тумане, опять видел лицо следователя.

На третье утро, когда Оуде, выспавшийся, бодрый, пришел в кабинет, Мкизе не выдержал и заснул. Ни пики, ни ток не могли уже поднять его. Все спало в нем. Только сердце, неутомимый труженик, продолжало гнать тяжелую кровь во все уголки его крепкого тела...

В камере все подвергались пыткам. У Майкла Тома опухла от удара щека. Через лоб шла большая ссадина. Одежда была разорвана. С допросов он приходил всегда мрачный и озлобленный. Ни с кем не разгова-

ривал. Только раз он перекинулся несколькими словами с Мкизе.

— Как выйду отсюда, — сказал он свирепо, — первым, кого я разыщу, будет этот следователь Оуде.

Питер, впечатлительный и мягкий, от пыток превратился в сплошной клубок нервов. При одном виде следователя, жестокого, как торговец рабами, его охватывала дрожь. В этот день Питера привели на допрос уже во второй раз.

— Ну, где прячется Джим Твала? — бесстрастно спросил Оуде.

— Не знаю, баас.

Следователь взглянул на помощников. Питеру надели наручники, приказали сесть, обхватить руками колени. Между руками и коленями продели палку. Теперь он не мог даже разогнуться. На голову ему натянули мешок из прозрачной пластмассы, завязали на шее. При вдохе мешок облеплял лицо. При выдохе раздувался. Двое били его резиновыми шлангами по спине, по шее. Питер кричал. Он задыхался. Полыхало в груди, горело в легких, горели, плавились глаза: Питер падал в раскаленную душную глубину. Огненные шары обжигали, с шумом разбивались о голову...

Он очнулся. Следователь сидел вполоборота к нему, ждал.

— Хорошо. Кто из Африканского общества, кроме Твалы, ездил за границу?

— Не знаю. — Сердце Питера стучало, словно перегретый мотор. Питер не мог больше выносить пыток. Он хотел умереть, чтобы все прекратилось.

— Не желаешь говорить? Наденьте-ка ему еще.

Питер повалился на бок, стараясь разорвать прочный пластмассовый мешок о пол. Удары шлангов жгли тело. Мешок душил его.

— Снимите! — кричал он. — Снимите, проклятые!

— Ну, снимите. Что скажешь? Не нравится тебе упаковка?

Питер дышал, как паровая машина...

Лицо Питера было в крови, когда его привели в камеру. Не отвечая на расспросы, лег на циновку.

Утром его вызвали первым. Он поднялся, поникший, и подошел к Мкизе.

— Прощай.

— Что с тобой! — Генри взял Питера за плечи, заглянул в глаза.

— Не могу больше. Вчера я дал им адрес Джима Твалы, неправильный. Сегодня, конечно, уже проверили. Вызывают. Больше не могу. Прощай. Если выйдешь отсюда, передай привет всем нашим. И бейте, бейте их, гнен!

— Тебя отправляют куда-нибудь?

Питер не ответил.

Он медленно поднимался по лестнице, ничего не видя перед собой. Мысли медленно, но уверенно размазывались, принимая одно направление.

Он вошел в кабинет. Помощники следователя подступили к нему.

— Не надо, — первое сказал Питер. — Я буду говорить. Пусть они выйдут.

— Давно бы. Наденьте ему браслеты. Надеюсь, йонг*, наручники не помешают тебе?

— Пусть выйдут.

Питер проводил помощников взглядом, сделал несколько шагов к двери, постоял, прислушиваясь. Потом повернулся. Глаза его оглядели комнату. Паркетный пол, покрытые рисунками обои, яркие лучи солнца, врывающиеся в окно... Сейчас и люди и весь мир, мир, который он так любил, останутся здесь, а он уйдет, уйдет к тем, кто внизу. Вдали за окном синело голубое небо, плыли легкие облачка. «Все, в последний раз». Мысли Питера окрепли. Из горла его вдруг вырвался крик. Он ринулся к столу, огибая его справа. Оуде увидел перед собой сверкающие яростью глаза. Ткнув пальцем в кнопку звонка и повалив стул, он кинулся в сторону, но Питер промчался мимо. Выставив скованные руки, он изо всех сил метнул свое тело головой вперед в широкий проем окна. Глубоко внизу, словно дно пропасти, — черная асфальтовая дорога, заполненная машинами.

Ночью в камере стояли крик и стоны. За стеной кто-то, помрачившийся в рассудке, пел и танцевал. Тюрьма переполнена. Арестованных некуда было поме-

* Йонг — парень (язык африкаанс).

щать. Их отправляли в лагеря, некоторых тайно передавали истребительным отрядам.

Мкизе и Майкла Тома вывезли ночью. Вместе с ними отправили и Джабулани — веселого крепкого парня, которому тюремщики выбили зубы.

Поезд двигался по пустыне. Песчаные дюны сменялись безжизненными каменистыми равнинами. В растрескавшихся от зноя ложах рек изредка виднелись колючий кустарник да бурая жесткая трава. Все вымерло, все выгорело. Только ветер носился неугомонно, вздымая коричневые облачка. От жары в поезде нечем дышать. На лавках толстый слой красной пыли. Пыль в волосах. Пыль на лице, пыль во рту.

Утром арестованных пересадили в тюремную автомашину.

В окошке песчаные холмы да неистовое солнце. Иногда вид пустыни менялся. Появлялись сухой кустарник и одинокие деревья. На песчаной равнине золотились пучки высохшей травы.

Машина катила по проложенной в песке колее. Метнулись от автомобиля, перепрыгивая друг через друга, газели-прыгуны. Три страуса остановились на безопасном расстоянии, долго провожали машину взглядом.

На следующий день добрались до концентрационного лагеря. Вышли из машины. Яркий, слепящий свет. Вокруг ряды колючей проволоки со сторожевыми вышками. Зарешеченными окнами смотрел на лагерь барак.

Прошла колонна заключенных африканцев. Все в красных арестантских рубашках. Надсмотрщики, разморенные жарой, покрикивали на отстающих.

Так началась жизнь в лагере.

Утром после проверки отправились на плац. Построились в круг. По команде тюремщика заключенные взвалили на спину по мешку с песком. Генри стоял рядом с утомленным, изможденным африканцем. Глаза человека блестели лихорадочным блеском.

— Бегом!

Сначала все бежали не торопясь. Но надсмотрщики подгоняли, и люди постепенно ускоряли движение. Генри старался не тратить сил. Они еще пригодятся ему. Мешок с теплым песком давил к земле. Горело в легких, щипало от пота веки. Вращались, плыли

назад вышки с часовыми. Кружилось над головой солнце. Генри не сдавался. Худого африканца впереди него качало из стороны в сторону. Жилые ноги его разъезжались по песку. И вдруг он, не выдержав, остановился, расстроил весь круг.

И здесь Генри узнал, что это был за лагерь.

Старший надзиратель Гофман, сухопарый широкоплечий немец лет пятидесяти, не закричал, не вышел из себя. Только лицо его приняло жесткое и деловое выражение. Говорили, что Гофман сбежал в Южную Африку из Германии, где служил во время войны в лагере смерти.

— Вперед! — Гофман повел автоматом в сторону заключенного.

— Гиена ты! — африканец тяжело дышал.

— Бегом! — автомат поднялся на уровень груди заключенного. «Беги, — шептали вокруг, — беги!» Но африканец не мог двигаться. «Неужели выстрелит!» — подумал Мкизе и тотчас услышал выстрел. Генри заметил, что лицо Гофмана сохранило будничное выражение. Костлявый африканец повалился на песок. По знаку надсмотрщика уголовники — их было несколько человек в лагере — подняли и понесли тело убитого с плаца.

Все молчали. Сцена, по-видимому, была обычной в лагере. Лишь Майкл Тома прошипел: «Мамба»*.

Это был лагерь смертников. Сюда попадали только коммунисты, «красные» и отчаянные рецидивисты. Сотня политических заключенных была обречена. Их уничтожали постепенно, одного за другим.

Обо всем этом шепотом рассказал Мкизе его сосед по нарам, зулус лет сорока, руководитель непризнаваемого правительством профсоюза текстильщиков. На пробитой каким-то тупым предметом щеке его зияла незаживающая рана. На следующий день его самого увели из барака. Ни ночью, ни утром он не вернулся. Он ушел навсегда, вслед за десятками тех, кто был перед ним.

Тома, мрачный, обеспокоенный, сказал Мкизе:

— Уходить надо.

— Есть какой-нибудь план?

* М а м б а — змея.

Плана побега у Тома не было.

В лагере не хватало воды. Ее привозили в цистернах. Заключенный дорожил своей порцией воды больше, чем обедом.

Однажды в столовой к беззубому Джабулани, который приехал с Мкизе и Тома, подошел уголовник. Он был развязен и держался вызывающе.

— Слушай ты, ситуация, — обратился он к Джабулани, — отнеси свою воду Мписи.

Мписи был главарем рецидивистов в лагере.

— Вот твоему Мписи, — Джабулани показал большой кулак и засмеялся беззубым ртом. — Видели шакала, воду ему!

— Отойди! — с угрозой сказал Генри уголовнику. — Отойди, я сказал!

Майкл Тома вылез из-за стола, подошел к цоци. В его долговязой фигуре и нарочито медлительной походке было что-то угрожающее, аловещее.

— Ты что же! — прошипел он сквозь оскаленные сжатые зубы и вдруг сгреб цоци за ворот красной рубахи. — Хочешь, я сделаю твой длинный череп сладким?

Но цоци в ответ хватил Майкла кулачищем по лицу.

Рядом с ними вырос надсмотрщик Опперман. Толстый, лысый, он редко кричал на заключенных и почти никогда не дрался. Он оттолкнул Тома и молча залепил цоци оплеуху. Тот едва устоял на ногах, но убежать не посмел. Вытянув руки по швам, он отрапортовал по лагерному уставу:

— Благодарю, баас.

Баас наподдал ему еще раза два, и цоци дважды поблагодарил.

— Пшел!

Слово это сдуло уголовника с места, будто ветер пух с цветка. Он ринулся из столовой, расталкивая заключенных.

Казалось, на этом столкновение и окончилось. Но, видно, над Джабулани уже был занесен меч. На другой вечер, когда заключенные шли спать, два надсмотрщика остановили его у барака.

— Ну, моя, очередь, — сказал Джабулани упавшим голосом.

— Может, на допрос? — сказал Мкизе. Но сам он был уверен, что его новому другу пришел конец.

— Если спасешься, расскажи жене, Генри...

— Иди, иди! — надсмотрщик с рыжей щетиной на щеках толкнул Джабулани. — Все вы спасетесь.

Подталкиваемый в спину тюремщиками, Джабулани растворился в вечернем мраке, ушел навсегда из жизни Генри.

— Видел! — сказал Тома. — А Джабулани ведь с нами приехал. Мы следующие.

Генри и сам думал об этом.

Каждый день исчезали два-три политзаключенных. Смерть кружилась над Мкизе и Тома, и круги все сужались.

Как-то утром половину заключенных построили и вывели за ворота в пустыню.

— Что-то затеяли, — мрачно сказал Тома, шагая рядом с Генри. Тома обливался потом. Он очень ослаб за последнее время.

Нестерпимо палило солнце. В высоком выцветшем небе парили орлы. Горячая пыль обжигала лицо.

— Захватить бы охрану, брат. Их всего четверо, — шептал Тома. — Куда нас ведут?

Остановились около каменоломни. По команде надсмотрщиков каждый взял по камню, и колонна отправилась обратно. Администрация решила строить себе новый дом и запасалась материалом.

В каменоломню стали ходить часто.

Поднимаясь на песчаные дюны, Мкизе всматривался в даль, глядел на дрожащий в мареве горизонт. Сколько дней идти через пустыню? Что ждет путника там, в глубине ее?

Лагерь был обнесен колючей проволокой. На вышках — часовые. Трудно выбраться. А где взять воду и пищу?

Но случилось непредвиденное.

Толстый Опперман, оказавшись как-то наедине с Мкизе, сказал хмурясь:

— Вам надо уходить. Я помогу.

Мкизе будто не слышал.

— О нашем разговоре — никому, даже вашему другу. — Опперман улыбнулся и добавил: — Привет

от Аплани и Джима Твалы. Оба на свободе. Скоро придет машина, и тогда...

Генри не верил Опперману. Он понимал: его, одного из секретарей Африканского общества, не так-то просто «убрать» без шума. О нем еще вспомнят. А вот если он попытается убежать и будут свидетели, тогда другое дело. Но вдруг Опперман все же говорит правду? Может быть, он связан с Обществом европейцев-демократов, в котором состоит и Анна? Почему бы и нет!

Дело было опасное. Генри ничего не сказал Тома. Достаточно одного неосторожного слова. В лагере полно шпионов. Ну, а если Опперман все-таки провокатор?

На следующее утро Опперман сказал:

— Завтра вас передают истребительному отряду. Грузовик, на котором я хотел вывезти вас, придет только дня через три.

Генри почувствовал, как противный холодок разливается в груди, ползет к живому.

— Я вас предупредил. Дальше действуйте сами, и немедленно. Больше ничего не могу сделать.

Что предпринять! Завтра выведут его со связанными руками в пески. Солдат из истребительного отряда приставит к затылку дуло винтовки...

В этот день в пустыню не ходили. Складывая в кучу камин, Генри ощупывал взглядом проволочную изгородь. В одном участке проволока была заплетена неплотно. Но найдешь ли это место ночью? Может быть, придется пролезть под огнем. Да еще собаки.

Ночью он соскользнул с нар, тихо подошел к окну. Подтянувшись, заглянул в него. Часовой на вышке дремал. Не мешкая Генри принялся копать руками песок у стены. Выбраться нужно до утра, уйти из лагеря в темноте.

Снаружи доносилось ровное постукивание бензинового движка. Работа продвигалась медленно.

Генри разогнул усталую спину и почувствовал, что сзади кто-то шевелится, наблюдает за ним. Затаив дыхание он прошел па цыпочках мимо нар. Всмотривался в ряды спавших. Кто из них поднимался? Все спали. Все, видно, показалось ему.

Мкизе снова принялся за работу и вскоре наткнулся на каменное основание, на котором покоился фундамент.

Генри расширил яму и пытался выломать камень по частям, но глыба не поддавалась. Генри, усталый, потный, осмотрелся. Тусклый рассвет проникал в зарешеченное окно. Неужели конец?

Он забросал яму песком, умял его и лег на свою полку. Едва он забылся тревожным сном, как прозвучал подъем.

Наступил день. Когда они собираются передать его истребительному отряду — сразу утром или дождутся ночи?

После проверки Опперман повел его и нескольких заключенных на склад поситить ящики с консервами. Выбрав минуту, когда они остались одни, Опперман сказал:

— Уходите сейчас же. Будет поздно.

Генри взглянул на него пристально.

— Ло! Как же уйти? Лезть под огонь часовых?

— Придется пройтись по Калахари. Километров сто — сто пятьдесят. Сейчас отправляемся в каменоломню. В отряде будет на одного человека больше. В лагерь не возвращайтесь. До вечерней проверки не хватятся.

Мкизе не сводил глаз с лица Оппермана: друг или провокатор?

— За каменоломней под сухим кустом я спрятал для вас деньги, воду, консервы. Держите все время на юго-восток.

Мысли Генри приняли решительное направление. Похоже, что охранник говорит искренне. А что ему, Генри, терять?

— Спасибо, Опперман. Надеюсь, встретимся при других обстоятельствах.

Рыжие брови Оппермана поднялись. В глазах хитрые искорки.

— Благодарить не торопитесь. Сначала выйдите из пустыни. Больше ко мне не подходите.

Заключенных строили по пять человек в ряд. Генри, чтобы помочь Опперману, встал в ряд шестым.

Колонна двигалась медленно. Генри смотрел в широкую сутулую спину африканца. Только пройти ворота. А там он сумеет найти дорогу.

Стоя на возвышении, Опперман отсчитывал ряды заключенных, покрикивал:

— Проходи, торопись, проходи!

Вот ряд, в котором шел Мкизе, поравнялся с ним. Генри стиснул зубы. Вечность прошла, прежде чем прозвучало:

— Проходи!

Впереди у ворот — Гофман. Теперь Генри уж не мог выйти из ряда. Он принял решение: если надсмотрщик заметит лишнего в ряду, он прыгнет к нему, вырвет автомат и кинется, отстреливаясь, в пустыню. Если умирать — так в бою. Генри приближался к воротам, спокойный и решительный. Широко поставленные глаза его неотрывно следили за надсмотрщиком. Вот сутулый африканец приблизился к воротам, вот прошел их. Сердце бьется тяжело, сильно. Гофман смотрит внимательно. Мкизе второй от края. Заметит или нет?

И в этот момент Опперман крикнул:

— Сколько должно быть?

— Пятьдесят. — Только на миг повернул Гофман голову, но этого было достаточно. Мкизе уже за воротами. Свежий ветер дул в лицо. Горьковатый запах полыни щекотал ноздри, наполнял грудь радостью. «Вышел! Спасен. Не предал, не подвел Опперман!»

В каменоломне Майкл Тома, худой, оборванный, не отходил от него. В последнее время Генри сдружился с ним. Генри стало стыдно за свое счастье, стыдно, что позабыл о друге. Ведь Майклу тоже грозила смерть. Но если взять Тома с собой, то о побеге узнают сразу. Нет, все же товарища бросить нельзя.

Шепотом сообщил Генри, что произошло. Глаза Тома загорелись:

— И я с тобой, брат.

— Я не знаю, что станет с нами.

— Зато я знаю, что будет со мной, если я не пойду. Ты правильно сделал, брат, что берешь меня. Мы перейдем пустыню. Со мной не пропадешь.

Спустя минуту Генри и Майкл незаметно скрылись за выступом скалы.

У сухого куста нашли рюкзак. Кроме фляги с водой, консервов, спичек и денег, в нем лежали еще пистолет, шляпа и простая — не красная — рубаша. Не обманул Опперман.

Несколько часов, задыхаясь от жары, уходили они подальше от лагеря. Над мертвыми песками Калахари

ветер гнал столбы пыли. Прикрытое мутной коричневой занавесью, стояло над головой солнце. Раскаленные песчинки осами кусали лицо. Горячий воздух сушил рот и легкие. Генри и Майкл бежали, увязая в песке, торопливо скатывались по крутым спинам дюн. Иногда пески сменялись каменными равнинами. Раскаленные серые волны в беспорядке громоздились вокруг. Ни травинки, ни кустика.

Под вечер жара спала. Тома выбился из сил, спотыкался, падал. Генри подымал, торопил его.

Наконец решились отдохнуть. Костра не разжигали. Мучила жажда. Выпили по маленькому стаканчику воды.

— Воды и на одного не хватит, — сказал Тома. — Может быть, зря ты взял меня с собой!

— А ты мог бы оставить меня?

— Я только говорю: на двоих этой воды не хватит.

— Дойдем. Дней через пять будем в Иоганнесбурге. Жизнь снова повернулась к нам лицом.

Так говорил Генри Мкизе. Но мог ли он знать, как обернется побег?

Закопавшись в теплый песок, заснули. Часа через два их разбудил лай собаки.

— Они! — Голос Тома слегка дрогнул.

Мкизе сел. Торопливо вынул пистолет, осмотрел его. Билась, металась в голове мысль, отыскивая выход. Усиленным воли подавил подступающее волнение. Скрыться в темноте! Но у преследователей собака. Она будет идти по их следу.

— Не стреляй, брат. Они нас прикончат.

Генри поднял глаза на товарища. Майкл Тома, который в Иоганнесбурге один разоружил двоих полицейских, войдя ночью в участок, стал таким осторожным. Или пустыня выпила его волю? Но нужно действовать, и действовать наверняка. Генри стал вглядываться в темноту. Тишина доносила скрип песка под ногами преследователей. Из впадины совсем рядом вынырнули четверо с винтовками за плечами, с собакой на поводке. Собака зарычала, стала рваться.

Генри спустил предохранитель пистолета.

— Если ты выстрелишь — нам конец.

Генри, косо взглянув на своего спутника, сказал сквозь зубы:

— Они и так уложат нас. А что ты предлагаешь?

— Не стреляй. Может быть, возьмут живыми. Раз уж поймали...

— Ну, так в лагере расстреляют. И еще не поймали.

Преследователи, сняв с плеч винтовки, приближались.

Впереди ширококостный невысокий человек с расстегнутым воротом.

Генри целился тщательно — чуть ниже белого треугольника груди. Ствол пистолета плохо виден в темноте. Выстрелил. Охранник споткнулся, пошел боком, медленно, словно сопротивляясь давящей его книзу силе, лег. Грохот кинул остальных на землю...

Ноги беглецов увязали в песке. Позади смутно виднелись двое. Вспыхивали в ночи огоньки выстрелов.

Охранники отставали. Генри уже решил, что им удалось уйти, когда Тома, вскрикнув, коснулся бедра.

— Кость цела, — сказал Генри, осмотрев рану. — Идти можешь?

— Конечно. Теперь убьют, если схватят.

Все глубже уходили они в пустыню. Где-то далеко в ночи были преследователи.

Наступило утро. Две крохотные фигурки упрямо шагали по необъятному царству песков. Тома опирался на руку Мкизе. Поднялось солнце. Пустыня пила влагу из утомленных тел. Когда жара стала невыносимой, сели в тени большого камня. Тома просил воды. Генри дважды наполнял ему стакан. Сам выпил один.

Остаток дня отдыхали.

Проснулись к вечеру. Генри поднялся на песчаную дюну, осмотрелся. Кусты верблюжьей колючки. Редкие акации с плоскими кронами. В лучах заката розовели солончаковые впадины. Вились роем надоедливые мушки мопани, лезли в нос, в глаза, искали влагу.

Но что это? На западе появились двое с собакой на поводке. Генри кинулся к товарищу, с трудом поднял на ноги.

Тома шел прихрамывая. Он терял силы. Его знобило. Под утро он упал и не мог встать.

Рассвело. Они находились на каменной равнине среди отполированных ветрами невысоких острых пиков. Пустыня словно скалила каменные зубы. В этом похожем на луну мире, кроме них, были лишь враги, идущие по следу. Тома лежал обессиленный. Какая-то мысль

точила его. Он пристально вглядывался в Мкизе, словно хотел рассмотреть его получше.

Легли спать. Вечером Мкизе открыл глаза и увидел, что Майкл пытается извлечь флягу с водой из рюкзака. Заметив движение Генри, Тома притворился спящим.

На следующую ночь, уходя от вновь появившихся преследователей, Мкизе, обливаясь потом, нес на себе впавшего в беспамятство Тома. Он спускался в долины, покрытые сухой золотистой травой. Забрел в окаменевший, поваленный тысячи лет назад лес. В одной из пещер в скалах обнаружил огромный каменный топор. Кто, какой великан мог им пользоваться? Они встретили следы каких-то древних поселений. Но воды нигде не было.

На привале Тома начал бредить. Он тяжело дышал и, видимо, умирал.

— Воды, дай воды ты, красный, — сказал он едва слышно.

Генри удивился:

— Что ты говоришь, Тома?

— Дай воды, я ухожу. — Голос раненого был едва слышен. — К черту вас всех, и красных и европейцев. Зачем я ввязался...

— Так ты не...

— Не Майкл Тома.

— А кто же?

— Зачем тебе мое имя? Чтобы отомстить моей семье?

— Я хочу знать, кто послал тебя.

— Дай пить. Я ухожу.

Генри помедлил, потом налил немного воды.

Тот, кто недавно называл себя Майклом Тома, выпил, вздохнул.

— Кто же послал?

— Разве сам не сообразил!

— Зачем ты пошел в пустыню со мною?

Человек долго молчал.

— Я должен был стать твоим другом и войти в ваше Общество свободы.

— Чтобы всех выдать?

— А зачем же еще? Будь все проклято!

— Это ты наблюдал за мною, когда я делал подкоп ночью?

— Конечно. Я бы убежал с тобою.

— А Майкл Тома? Он бы встретил тебя в Йоганнесбурге.

— Мертвый никого не встретит...

— Убили?

— Они, не я.

— Значит, Опперман тоже из секретной службы?

— Мы вместе. В лагере не знают.

Все было ясно. Генри нахмурился, вынул пистолет, сдвинул предохранитель.

Он встретил взгляд своего спутника, усталый, безразличный.

— Стреляй. Сюда. — Он показал себе в ухо. — Не хочу больше жить.

Он закрыл глаза, ожидая выстрела.

Генри не мог решиться. А зачем ему стрелять? Агент особого отдела и сам умрет. Но бросить его здесь тоже неприятно.

Генри долго сидел рядом. Потом лег, задремал. Когда проснулся, человек был мертв.

Генри закопал тело, выпил остатки воды и пошел на юго-восток.

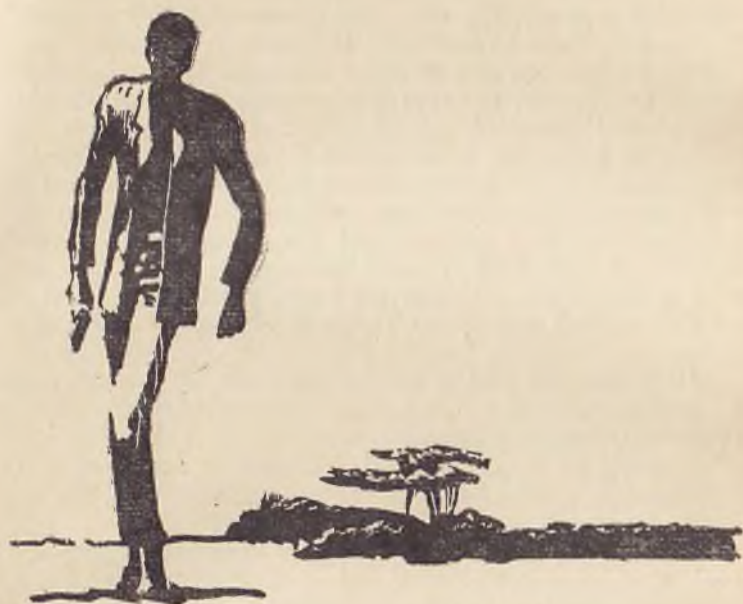
Около полудня он остановился. Жарко горело солнце над головой. В ложе ручья Мкизе сорвал травинку, пожевал. Горькая, сухая.

Из-под ног вывернулся долгоног, похожий на тушканчика. «Как он живет здесь? Рядом должна быть вода». Но воды не было, долгоног месяцами не пил, довольствовался лишь тем, что содержали сухие растения. Мкизе увидел ящерицу, застывшую в неестественной позе. В жилах ее текла кровь, жидкость. Генри подобрался к ней, быстро протянул руку, но схватил раскаленный песок. На глазах ящерица закопалась, словно провалилась.

Генри заглядывал в норы. Он нашел существо, похожее на мышь. Животное впало в спячку. Оно было таким маленьким, жалким и противным, что Генри с отвращением отбросил его.

Слабость разливалась по всему телу. Жажда выжимала последние силы. Но Мкизе не останавливался.

Временами сознание покидало его. То он видел себя среди друзей. Аплани, Джим Твала, Питер вновь были с ним. То снова он шел впереди отряда «Копья народа»,

снова видел столб пламени, поднявшийся над динамитным заводом.

И опять вокруг была пустыня, сверкало беспощадное солнце в выцветшем, опаленном небе. А ноги все несли и несли его на юго-восток. Сколько времени он шел? Долго ли человек может жить без воды? Разные бывают люди. Он, Генри, выберется из песков. Его ждут боевые друзья в Иоганнесбурге, и среди них Анна Принслоо.

Мкизе сед отдохнуть. Вдали около высохшей акации на фоне заходящего солнца появилась газель. Она подняла голову, настороженно запрядала ушами и вдруг умчалась. Кто-то спугнул ее! На горизонте двигались двое с собакой. Они! Преследователи шли, разглядывая следы, согнувшись, как ходят очень усталые люди. Один из них указал в сторону Генри и сдернул с плеча винтовку.

Над головой Мкизе зло взвизгнула пуля, запоздало громыхнул выстрел. Он побежал, спотыкаясь о кочки с пучками высохшей травы.

К утру он едва двигался. Страшно хотелось пить. Кружилась голова. В ушах гремел какой-то разговор. Генри не мог понять, где он находится.

Мкизе очнулся. Он ничком лежал на песке. Радостный крик вырвался из его груди. На расплавленном солнцем горизонте текла река, коричневая от ила. На берегу — зеленые кусты. Вода! Много воды, в которую можно погрузиться с головой, и пить, пить, пить. Мкизе поднялся и побежал. Но вскоре над речкой проступили очертания другой реки — перевернутое изображение первой. Мираж! Разочарованный, Мкизе остановился, потом снова двинулся в путь.

Почти умирающий от жажды и усталости, он набрел на глубокую, круглую, как чаша, впадину. Стоя на каменном барьере, окружающем долину, Генри с надеждой всматривался в ее дно. У обломка скалы ярко зеленело растение. Генри отвел глаза. Новый мираж? На ползучем зеленом стебле между листьями лежал желтый пузатый плод. Мкизе долго спускался в глубокую впадину и медленно, словно боясь испугнуть видение, приблизился. Опустившись на колени, он перекрутил черенок с жесткими волосиками, взял дыню в обе руки, стал отыскивать укромное, безопасное место, чтобы предаться пиршеству. По ту сторону впадины полукругом высились

острые, вылизанные ветрами гранитные зубья. Там можно спрятаться. Но от них его отделяло ровное дно круглой впадины. Поверхность песка была здесь какой-то странной: совершенно ровной, без единой складки. На таком песке будет виден каждый след.

Он обошел впадину по камням и добрался до острых гранитных зубьев. Мякоть дыни была желтой, горьковатой и полна сока. Мкизе съел половину. Другую половину и корки завернул в бумагу из-под хлеба.

Охранники отстали. Да едва ли они идут за ним по такой жаре. Устроившись поудобнее, Генри заснул, чувствуя себя счастливым.

Проснулся он внезапно. Рядом звучали шаги. Мкизе быстро сел, прислушался. Охранники шагали по камням на той стороне круглой песчаной впадины. Двадцать шагов разделяло их.

— Тут он, — зло говорил молодой голос. — Тут за-
прятался.

— Черт с ним, — отвечал голос, сильный от жажды. — Давай отдохнем.

— Он где-то рядом. Пока отдыхаешь, опять убежит. Сколько тащились из-за него по пустыне. Всю обойму всажу.

— Да брось. Что он тебе? Скажем: погиб.

— Нет! — не унимался молодой.

Генри слушал, не шевелился. Надо добраться до дюн. Пусть потом ловят.

Он осторожно двинулся по песку. Потом остановился. На скулах его вспухли желваки. Зачем бежать и быть дичью, если можно стать охотником?

Пригибаясь, прячась за гранитными зубьями, неслышно, по-кошачьи, двинулся он к врагам.

Когда Генри вышел из-за выступа, пять шагов отделяли его от охранников. Собаки не было. Видно, сдохла от жажды. Охранники сидели на камнях боком к нему. Один — молодой, с рыжей щетиной на щеках и обожженным носом — дремал, опустив голову. Другой — лысый, лет сорока — набивал табаком трубку. Винтовки лежали у них на коленях. Оба, как по команде, повернули головы и увидели подходившего африканца в мятом, запыленном костюме, с пистолетом в руке. Широко поставленные глаза его смотрели ворко и решительно.

Молодой охранник с проклятьем схватился за винтовку. Генри выстрелил. Пуля взметнула фонтанчик песка у ног тюремщика.

— Не двигаться! — в низком с хрипотцой голосе не было колебания.

Молодой отдернул руки, словно оружие обожгло их. На курносом лице его была злоба. Какой-то беглый черный распоряжается им так, словно всю жизнь занимался этим.

— Встать! Руки на затылок! Ну! Спинной ко мне!

Генри снял с парня рюкзак. Там во фляге плескалась вода. Он вынул флягу, хлебнул из нее. Вода принадлежала ему. Он завоевал ее. Генри хотел было приложиться еще раз, но молодой охранник метнулся вдруг в сторону, побежал через ровное, выглаженное дно песчаной впадины.

Старший, словно его толкнули, кинулся за ним. Пробежать два десятка шагов! Добраться до каменных зубьев! Но гладкая песчаная поверхность неожиданно и странно заколыхалась, словно желе. Песок зловеще скрипел, и ноги бегущих погружались в него все глубже и глубже.

Генри поднял было пистолет, но остановился. Что-то необычное происходило с охранниками. Старший из них, испуганный непонятым явлением, попытался вернуться. Ноги его провалились уже выше коленей. Он уиал и, встав, погрузился по пояс.

Молодой отчаянно прыгал и, судорожно вытаскивая ноги из песка, успел добраться до середины впадины. Потом сразу провалился по грудь. Вся впадина колыхалась, дышала. Что-то всхлипывало, урчало в ее утробе. Словно живое огромное существо шевелилось, приподнималось под ее поверхностью. Отчаянные рывки охранника лишь ухудшили его положение. Он погружался в пучину. Песок дошел ему до подбородка. Охранник вскинул голову и издал душераздирающий вопль. Песок заглушил этот вскрик жизни. Охранник исчез. Даже углубления не осталось в том месте, где только что находился человек.

Генри с удивлением и содроганием смотрел на эту смерть.

Лысый охранник завяз в пяти шагах от него и, сделав несколько резких и бесполезных движений, чтобы

выбраться, замер. Он погружался медленно и неотвратно. Песок шуршал вокруг него.

— Спаси! Брось мне что-нибудь, парень, брось! У меня двое детей.

Мкизе перебирал в уме, что бы предпринять.

— Я не сам пошел. Этот проклятый фашист Гофман! Помоги, друг!

Песок подбирался уже к его губам.

— Не ори так. Держись! — Генри, торонясь, стал резать, рвать на полосы рюкзак, связывать их.

— О господи!.. — охранник вытянул шею и раскрыл рот.

Генри бросил ему сделанную им веревку, но она оказалась короткой. Тогда он сорвал с себя рубаху, привязал ее к веревке. Песок засыпал рот жертвы. Охранник с кашлем выплюнул его.

— О-о-о!

— Хватай!

Левая рука человека судорожно вцепилась в упавшую рядом с ним рубаху. Правая была погребена. Генри тянул осторожно. Земля словно повисла на своей жертве, не выпускала ее.

— Я никогда не был черных, — причитал охранник, — дети будут молиться за тебя.

— Молчи. И не думай, что я поверил тебе.

Охранник ступил на твердую землю. Песок сыпался с него. Он был красный от жары и напряжения.

Они стояли теперь один на один, два врага.

— Чертово место.

— Снимай рюкзак! — приказал Мкизе.

Он извлек консервы и флягу с водой.

— А я с чем пойду? — спросил охранник, смеясь.

— Мне нужна вода.

— А я должен сдохнуть в этом пекле?

Генри промолчал.

— Тогда я пойду с тобой... с вами, — сказал охранник.

— Ло!

— Вы посылаете меня на смерть.

Генри мрачновато усмехнулся.

— А вы бы хотели, чтобы я поступил с вами, как с братом?

— Меня послали. Я не сам.

Генри бросил под ноги охраннику одну из флаг.

— Уходите.

— Благодарю, друг.

— Уходите.

Генри провожал охранника взглядом, пока тот не исчез за каменной грядой.

Пятую ночь шел Мкизе на юго-восток. Он спускался в долины, обследовал углубления, тщетно стараясь найти источник. Стыло над головой низкое небо, сжимало в холодных объятиях пустыню. Из черных просторов вселенной равнодушно смотрели на Генри звезды, вечные и не знающие тревог. Сколько дней осталось ему идти? И выберется ли он когда-нибудь отсюда? Мысль о друзьях, ожидающих его в большом мире, взбадривала Мкизе.

Генри сел, задремал. Проснулся он на рассвете, отдохнувший и посвежевший. Ветерок, играя, крутил легкие облачка пыли. Над волнистой линией горизонта заря поднимала свой алый парус. Новое утро счастливо улыбалось земле. И, глядя на эту картину, Генри улыбнулся в первый раз за последние дни.

Он встал и, пошатываясь, снова пошел на юго-восток.

Горячий воздух сушил рот. Ужасающая слабость давила Генри к земле. Иногда он, выбившись из сил, ложился на горячий песок. Обрывки мыслей возникали в мозгу. Но Мкизе упорно шел и шел...

Желтый диск пустыни закачался перед его глазами. И вдруг, сияя и ослепляя, ринулся ему навстречу. Генри ощутил глухой удар падения, не почувствовал боли.

Он лежал на раскаленной земле, и она медленно вращалась, вставала вертикально, нависала над ним. Мкизе удивлялся, что не отрывается, не падает в провал неба.

Когда он пришел в себя, неподалеку слышался приглушенный разговор. Генри оглядел густой высохший кустарник. Никого. Люди затаились. Кто это? Полиция?

В кустарнике слышны крадущиеся шаги. Неизвестные двигались прямо на него. Мкизе медленно опустил руку в карман брюк. Увидел двоих светло-коричневых низкорослых мужчин в набедренных повязках. «Бушмены!» В руках бушменов — луки со стрелами. Они приблизились. Лица их были угрожающими. Генри вздох-

нул с облегчением. Все-таки это не полиция. Он знал, что стрелы их отравлены, и поднял раскрытые ладони — в знак мирных намерений. Бушмены — молодые парни — перебросились между собой словами, держа Генри под прицелом.

— Я друг, — сказал он на языке африкаанс.

— Юдоле*, — проговорил один из них, с насечкой над переносицей.

— Твой — друг, другой — враг. Люди приходят в Калахари убивать бушмена, — сказал второй.

Генри миролюбиво улыбнулся:

— Я друг.

Один из них повернулся, что-то громко проговорил. В словах его были щелкающие звуки.

Появились несколько бушменов и бушенок с детьми, привязанными за спиной.

Молоденькая девушка, миловидная и веселая, с украшениями из белых плоских бус вокруг головы, смело подошла к Генри, сидевшему на земле. Узкие глаза ее щурились, лучились в улыбке.

— Тюрьма гулял? — спросила она на ломаном африкаанс и засмеялась.

— Почему тюрьма?

— Приезжал полис, искал тебя.

— Нет, я заблудился. — Бушмены понимающе улыбались, скалили в улыбке ровные зубы. Генри тоже улыбнулся. Бушмены заговорили все сразу.

— Воды, — сказал Мкизе, обращаясь к девушке, которая не отходила от него и которую, как он узнал потом, звали Пити.

— Вода ходи — ходи ногами, — Пити приветливо улыбалась.

Тронулись в путь. Вскоре показались два дерева. Там была вода. Но бушмены обошли источник стороной и, сделав большой круг, попали в селение, состоявшее из нескольких шалашей. Оттуда Пити, взяв страусиное яйцо, помчалась за водой. К источнику с противоположной стороны ходили на водопой животные, и бушмены не хотели пользоваться их тропой, чтобы не отпугивать их.

— Охотники думали сначала — ты больше мертвый,

* Юдоле — чужой человек (язык бушменов племени кунг).

чем живой, — сказал старый Кану, оставшись с Генри. Кану не был вождем. Просто Кану был старым и мудрым, и все признавали это. Он рассказал, что когда-то работал на ферме бура, но вернулся к своему народу. Год за годом, вольный, бродил он со своим племенем по Калахари, занимаясь охотой, питаясь травами и кореньями. Если долго не выпадало дождей, племя разбивалось, как сейчас, на мелкие группы, чтобы легче было прокормиться.

— Когда власть перейдет к народу, мы не забудем о твоём племени, — сказал Генри. — Власть будет нашей.

В селение вернулись несколько женщин. Принесли в кожаных мешках ягоды, муравьиные яйца, дикий лук — уинтийес.

Генри уселся со всеми у костра. Бушмены были дружны между собой. Никто не претендовал на особое положение. Продуктами делились поровну. Генри тоже получил свою долю. Жареная саранча и дикий лук показали ему, голодному, очень вкусными.

Бушмены запели, аккомпанируя себе на пятиструнной арфе — гуаши. В песне слышались то вой ветра, то шорох песка, то трубный клик слонов. Мужчины начали танцевать танец охотника и газели, все ускоряя темп. Зрители очень дружелюбно принимали исполнение. Генри смотрел на них и думал, как несправедливы те, кто считает их варварами, дикими. Братскому, человеческому отношению бушменов друг к другу могли бы позавидовать многие. Видимо, эта дружба и дает им возможность выжить в таких суровых условиях.

Весь вечер Пити ходила около Генри, пудрилась, макая кусочек мягкой кожи в висевшую на шее пудреницу из панциря черепахи. (Пудра была приготовлена из семян душистых трав.)

Потом раздобыла для гостя кусок сушеного мяса, уселась рядом. Генри не совсем понимал ее ломаный африкаанс.

— Ты уйдешь от нас? — спрашивала она.

— Да, скоро.

— Почему ты торопишься? Разве тебе плохо у нас?

— Меня ждут там.

— Твоя женщина?

Генри промолчал.

— И полиция... А я всегда живу в Калахари, — сказала она грустно.

— Ты еще увидишь мир. Все изменится. Мы все изменим.

Пити пристально смотрела на него, силясь понять, что он сказал.

Ночью бушмены спали, укрывшись одеялами из шкур или забравшись в меховые мешки. Из-за высокой песчаной дюны выглядывал месяц, удивленно разглядывал ветхие шалаши и маленьких людей. Лунный свет вспыхивал зеленым пламенем в глазах шакалов, бродивших вокруг лагеря.

С племенем Генри прожил неделю, не переставая удивляться этим приветливым и доброжелательным людям, за которыми колонизаторы совсем еще недавно охотились, как за дикими зверями.

Генри окреп. И однажды утром бушмены вместе с Генри двинулись на юго-восток. Женщины добывали коренья, собирали с деревьев чиви красные плоды. Раз Пити даже принесла мед.

На третий день, когда солнце вскарабкалось почти в зенит, они увидели одинокую ферму. Пастух-африканец, опираясь на палку и стоя на одной ноге, пас стадо овец. Размахивал железными крыльями ветряной насос. В прямоугольнике искусственного бассейна отражалось небо.

— Мы пришли, — сказал старый Кану.

Генри молча смотрел на пастуха, на землю, заселенную людьми. Едва ли здесь встретят его с распростертыми объятиями. И все же он волновался, словно блудный сын, вернувшийся наконец домой.

— Мы пришли, — повторил Кану. — Здесь живут твои братья.

— Хвала тебе, бушмен. Хвала тебе, старик.

Маленькая Пити с грустью смотрела на гостя. Он явился из другого мира, и этот мир властно звал его к себе. Генри подошел к Пити, молча поддержал ее руку в своей.

На дороге показался грузовик со скотом в кузове. За рулем сидел африканец. Ветер сносил в сторону плотный шлейф красной пыли. Генри остановил машину.

— Вид у тебя, парень, будто год через Калахари шел, — сказал шофер неприветливо. — Ну, садись.

Генри уселся в кабину.

— Честно скажи: документы есть?

— Нет.

— Встретим патрулей на дороге — выскакивай...

Когда Генри выглянул из окна, Кану и его спутники все еще стояли у дороги. Маленькая Пити, притихшая и грустная, смотрела на машину. Генри помахал девушке рукой, но Пити не шевельнулась.

Генри стало грустно. За короткий срок он успел познакомиться и с девушкой, и с Кану, и со всем маленьким племенем.

Машина прыгала по выбоинам. Откинувшись на спинку сиденья, Генри глядел вдаль. Плыла навстречу холмистая степь. Оставались позади фермы и прямоугольные земель, огороженные хозяйскими заборами, где на полях работали африканцы.

Генри думал об Йоганнесбурге. Все дороги ведут домой. Там ждут его друзья, ждут и агенты секретной службы.

Тяжелая предстоит борьба, но нет другого пути.

Часть вторая. КОМИТЕТ ДЕЙСТВИЯ

!

Скрываясь от полиции, Том Аплани жил на конспиративной квартире в одной из локаций возле Йоганнесбурга. Это была крохотная комната в старом, полуразрушенном доме. Аплани научился спать чутко. И едва в эту ночь у окна раздались осторожные шаги, его словно подкинуло в постели. Первой его мыслью было: «Выследили!» Осторожно ступая по деревянному полу, Том приблизился к окну и остановился, удивленный. В залитом лунным светом переулке стоял африканец лет тридцати, в мятом костюме. Генри Мкизе, которого он, Аплани, считал уже мертвым! На миг перед ним возникла картина: железнодорожная платформа. Генри Мкизе и он, Аплани, окружены агентами отдела безопасности. Электропоезд трогается. Агенты, которые, видно, подстерегали их, накидываются на Генри, валят его на землю, выворачивают руки. Долго о Мкизе не было слышно, и все решили, что полиция тайно, без суда убила

его, как убивает она многих африканцев — противников апартеида. Но Мкизе жив. Вот он стоит перед ним цел и невредим.

Аплани раскрыл раму:

— Лезь быстрее! Не следят, не заметил?

Мкизе скользнул в окно. Маленький Аплани с интересом разглядывал его.

— Откуда ты явился?

— Из лагеря.

— Бежал?

— Неделию через пустыню шел.

Мкизе сел на кровать, устало провел рукой по глазам, оглядел Аплани, его пышную шевелюру, спускавшуюся почти до воротника рубахи.

— Никак не пострижешься. Это кончится плохо для тебя, модника.

— Плохо?

— Сцапают тебя за прическу. Ведь за тобой охотятся.

— Пусть поймают, — с вызовом сказал Аплани.

— Кто сейчас председатель Комитета действия?

— Эндрю Могано.

— Ло! Тот адвокат? Это хорошо: умный, решительный. Нужно бы встретиться с ним.

— Дня через два, не раньше. Могано на легальном положении. Не может он встречаться с каждым из нас, когда мы захотим. Отдел безопасности без дела не сидит, сам понимаешь.

— А как тут наше Африканское общество? Я же почти полгода был в тюрьме. Арестовывают?

— Тяжеловато приходится. Наци* с нами не церемонятся, сам знаешь. Почти все руководители, как и раньше, в подполье. Стараемся пустить корни всюду. В городах, в деревнях, в бантустанах** у общества свои люди. Да это и при тебе было.

— А «Копья народа»? Отряды существуют?

— Воюют понемногу. Система изолированных троек и пятерок оправдала себя вполне. Иногда, конечно, сам знаешь, и схватят какую-нибудь тройку. Но на ней все и обрывается. До Комитета действия им не добраться.

* Наци — правящая в ЮАР националистическая партия.

** Бантустан — резервация, место, где живут только африканцы, местные и выселенные из городов.

Аплани покопался в растрепанной пачке газет.

— На вот, почитай «Рэнд Дейли мейл». Самы признают: за два дня «Копья» разрушили высоковольтную линию и отводной канал в Крюгерсдорфе.

— Хорошо.

— Да. И все же мне, Мкизе, иногда кажется, что мелкими группами мы ничего не добьемся. Конечно, здесь у нас не Ангола. Лесов нет, большим отрядам укрыться нигде.

— И правильно думаешь, Аплани, мелкие группы ничего не добьются. Но народ должен надеяться, должен видеть, что мы, борцы за счастье, существуем. Народу нужно учиться борьбе. Наши боевые выступления, если ты хочешь знать, это школа. А как же иначе народ научится сражаться? Будут и жертвы. Но что поделаешь? Ждать, что кто-то великий и сильный придет и спасет нас? Ты прав, нужна настоящая армия. И мы со временем создадим ее, если наци не захотят решить дело миром. Кстати, никто еще не вернулся из иностранных военных школ?

— Вернулись человек двадцать.

— Ло! И где они?

— Председатель Могано приказал им легализоваться и ждать приказа.

— Правильно решил. Офицеров надо беречь. Так ты мне устроишь встречу с Эндрю Могано?

2

В дверь явочной квартиры постучали. Вошел незнакомый Генри африканец лет тридцати, с очень темным нервным лицом. Он окинул быстрым взглядом бедно обставленную комнату и, увидев Мкизе, нахмурился. Видимо, незнакомец не ожидал здесь встретить никого, кроме председателя Комитета действия.

— Мы вас видим, — приветствовал Мкизе вошедшего.

— И мы видим вас, — раздраженно ответил тот.

— Не волнуйтесь, Джеймс, это наш человек, — сказал Могано, заметив беспокойство на лице африканца. — Мкизе — мой заместитель. Месяц назад вернулся из лагеря. Готовит вооруженное сопротивление.

— Но я ведь просил ни с кем меня не знакомить. Ни с кем! — Щека африканца нервно дернулась.

— Я сделал это на случай, если меня схватят. Тогда Мкизе будет председателем Комитета действия.

— Не известно, кого раньше схватят, — сказал Джеймс желчно. — Слово, сказанное между двоими, расползается между тысячами. А они там, у нас, не станут со мной долго разговаривать.

— Но ведь это мой заместитель. Вы, конечно, о нем слышали.

— Кто же не знает бывшего секретаря Общества. И все же я просил не знакомить ни с кем, а вы не выполнили моей просьбы.

Генри внимательно рассматривал африканца, настоящее имя которого было известно лишь одному Могано. «Джеймс», «человек Икс» работал в секретной полиции. Нервы у него явно расшатались. Видно, не сладко ходить по острию меча.

— Клянусь отцом, Джеймс, об этой встрече никто из моих друзей не узнает.

Джеймс несколько успокоился.

— Поймите меня, Мкизе, малейшее подозрение, и все. — Он вздохнул, провел рукой по вспотевшему лбу. — Я пришел сообщить тревожную весть. На днях вы должны получить из-за границы какой-то груз. Отдел безопасности уже пронюхал о нем.

— Йека! — удивился Мкизе и помрачнел.

— Как бы они не накрыли вас.

В умных, слегка выпуклых глазах Могано за толстыми стеклами очков появилось беспокойство.

— А им известно, какой груз?

— Не знаю ничего точно, — Джеймс понизил голос. — Два дня назад я принес конверт от своего шефа Сарону Нуину — это офицер, который возглавляет в вашей локации секретную службу. Когда я подошел к двери Нуина, я услышал разговор: «Груз прибывает из-за границы через несколько дней, и нити ведут к тебе, Сарон, в твою локацию». — «Почему ко мне?» — «Потому что их связной — банту...» Дальше я не разобрал. Долго стоять у двери было опасно, и я вошел. Нуин читал какое-то письмо. Он положил его на стол и

закрыв папкой. Донесение какого-нибудь агента. В общем, я опасаюсь, что речь шла о вашем грузе.

Некоторое время Могано и Мкизе молча смотрели друг на друга. Странно, каким же образом полиция попала на след?

Агент резко поднялся.

— Мне пора, — сказал он, торопливо проводя пальцами по пуговидам плаща. — Они могут определить по времени, что я был не только там, куда послали. За нами тоже следят. Послушайте, Мкизе: полиция ищет вас по всем локациям. Шпионам розданы ваши фотографии.

— Спасибо.

Джеймс ушел. Мкизе сделал вид, что слова Джеймса не новы для него. Но они тревогой отозвались в сердце. «По всем локациям!»

— Дурацкое положение, — сказал Могано. — Ничего точно не знаем. Но похоже, что речь шла о нашем грузе: он через несколько дней прибывает из-за границы, и связной Госани тоже должен приехать.

— А может быть, они просто говорили о какой-нибудь контрабанде? — возразил Мкизе.

Могано поиграл золотым браслетом на руке.

— Ведь, если они пронюхали об операции, надо отменить ее.

— А если разговор шел не о нашем грузе? И мы только напрасно бьем тревогу? Не так-то легко было найти людей, транспорт, район для высадки.

— Нет, я чувствую: нас засекли. — Могано сердито тряхнул головой. — Как бы нам выяснить: знает полиция о транспорте или нет? Действовать вслепую — губить людей.

— Попробую, — сказал Мкизе сквозь зубы. Дело было не из легких.

— Что собираетесь делать?

— Есть у меня знакомые полицейские в нашем участке. Может быть, удастся узнать через них что-нибудь?

Могано разочарованно посмотрел на Генри Мкизе. Что знает простой полицейский в таких делах? Но вслух сказал:

— Сообщите мне, как только узнаете что-либо важное.

Лейтенант отдела безопасности Сарон Нунн был молод и честолюбив. Он появился в этой локации недавно, но уже во многом преуспел. В поселке было много «красных» африканцев. И, по-видимому, здесь жили члены вооруженных групп «Копья народа». Мелкие и разрозненные, но руководимые из одного центра, эти группы причиняли немало тревог властям. Все это было делом рук подпольного Африканского общества и его Комитета действия. «Копья» взрывали полицейские участки в Йоханнесбурге, проникали в военные склады, похищали оружие, нападали на патрулей. И даже выпускали небольшую газету. Сарон Нунн энергично взялся за дело. Он заслал в ряды движения своих агентов, нашел в поселке платных информаторов. Но организацию «Копья народа» спасало то, что она была разбита на тройки и пятерки, которые ничего не знали друг о друге, и с поимкой одной из групп бойцов нить обрывалась. Целью секретной службы было добраться до Комитета действия, руководящего вооруженными группами.

В кабинет Нунна вошел долговязый бур Труззел с совершенно белыми бровями и ресницами — сотрудник центрального аппарата отдела безопасности.

— Привет, Сарон, — сказал он, внимательно по профессиональной привычке оглядывая кабинет.

— Что скажешь, Труззел?

— Связной Африканского общества Госани перешел границу.

— Задержан?

— Упустили. Но, по нашим данным, он должен появиться в твоей локации. За его поимку отвечаешь ты — приказ начальника отдела безопасности.

— Вы упустили банту, а мне отвечать? — Нунн усмехнулся. — Ничего не узнали о грузе? Может быть, «груз» — это партия их офицеров из иностранной военной школы?

— Пока не ясно, — Труззел вытянул длинные худые ноги, сел поудобнее в кресле. — Есть и еще кое-какие вести для тебя.

— Что такое?

— Вчера в твоей локации видели Генри Мкизе.

Нуни встрепнулся, словно охотничья собака, учуявшая след.

— А ваш осведомитель не ошибся?

— Сержант Гваза хорошо знает этого Мкизе. Гваза встречался с ним в их Африканском обществе.

— Адрес Мкизе?

— Вот это тебе и следует узнать. Ну, желаю отличиться. Если потребуется наша помощь, звони. Кажется, тебе сейчас повышение требуется, как никогда.

— Это почему?

— Для той девушки, которую я видел вчера с тобой, лейтенанта маловато. Ее отец — владелец золотого рудника.

— Оставь, пожалуйста.

— Ну, будь здоров. И запомни: Мкизе — в твоей локации.

4

Через неделю после этого разговора Сарон Нуни вышел из здания полиции мрачный и сосредоточенный: в локации завариваются серьезные дела.

В патрульную машину сажались его сотрудники. Собирались в Йоганнесбург обедать.

Машина поехала по пыльному африканскому поселку. Одноэтажные старые дома. Ржавые крыши. Окна, заклеенные бумагой. Попадались шалаши, сооруженные из досок, просмоленной мешковины и расплюснутых керосиновых банок. «Как мирно все выглядит, — думал Нуни. — А ведь где-то здесь прячутся такие, как этот Мкизе. Агенты не могут напасть на его след. Осторожный. Но Мкизе здесь. У него, Нунина, особый шок на такие дела».

Парни, игравшие у дороги в кости, разбежались при виде полицейской машины. Прохожие торопливо шмыгали во дворы. С полицией лучше не встречаться, в особенности в сезон уборки урожая, когда плантаторам требуются рабочие руки.

За колючей изгородью, окружающей локацию, показались гигантские, словно горы, песчаные отвалы золотых рудников. Вдали, в просвете между отвалами, голубой свод подпирали небоскребы Йоганнесбурга.

Едва улеглась пыль, поднятая машиной, из-за угла

вышли двое. Один высокий, в очках, с бородкой. Он подходил на солидного владельца магазина. Серая кепка другого, маленького, была глубоко надвинута, чтобы скрыть его пышную шевелюру. На ногах его были туфли с узкими и слегка загнутыми вверх, по моде, носами. Мкизе и Аплани держались спокойно. Ни один агент секретной службы не догадался бы, что у них на уме.

Из участка вышел полицейский-африканец, переглянулся с Мкизе, нагнул, чтобы поправить шнурок. Это был условный знак: «Все в порядке».

Мкизе вошел в здание полиции. Аплани шел за ним с беспечным видом. Направо — дверь к дежурному сержанту полиции. Налево — в коридор, где размещался маленький отдел лейтенанта Нунна.

Мкизе не торопясь открыл ключом дверь под номером «3». Вошли. В кабинете царил порядок. На столе — ни одной бумаги. В углу — серый тяжелый сейф. Мкизе действовал не торопясь. Все продумано заранее. Это было нелегкое дело — раздобыть ключ от несгораемого шкафа. Целую неделю работали члены организации, посланные в полицию, чтобы добраться до сейфа и изготовить второй экземпляр ключа. Мкизе набрал номер замка сейфа, вставил ключ, сорвав печать, потянул на себя дверь. На полках — зеленые папки.

С другой половины здания доносились голоса, неясный разговор. Не теряя ни минуты, Мкизе начал засовывать папки в матерчатую сумку.

— Дай-ка мне одну, пока ты там канителишься, — сказал Аплани. Усевшись в кресло и положив на соседний стул ноги, стал с интересом читать, словно был дома. Генри недовольно поморщился. Эта показная храбрость Аплани не нравилась ему.

— Гляди-ка, Генри, — воскликнул Аплани, — святой Госани арестован!

— Нека!

В этот момент хлопнула наружная дверь. Кто-то вошел в коридор, потоптался у двери. Генри почувствовал, как жар охватывает виски, взмок подбородок. Вошел европеец, толстощекий, с широким ртом, в углу которого торчала сигарета.

— Вы что здесь, ребята? — спросил он. — Где баас?

Агент внимательно посмотрел на африканцев. И вдруг толстощекое лицо его оделось мертвенной бе-

лизной. Словно загибнутизированный, стоял он против широкоплечего Мкизе. Только шаг разделял их. Рука Мкизе лежала в кармане пиджака. Властный взгляд его давил, отнимал волю.

Аплани, зло улыбаясь, неторопливо встал, вынул пистолет.

— Ложись! — Он толкнул агента. Человек рухнул, словно ноги его были сделаны из ваты, лег ничком. Аплани наклонился над агентом, размахнулся тяжелой рукоятью пистолета.

— Ло! Ты что? Брось! Зачем его убивать? Лежачего?

— А по мне хоть положи их таких тысячу рядышком — рука не дрогнет.

— Он сдался.

— А если бы ты попал к нему в руки, посмотрел бы он, что ты сдался?

— Я против террора. И какой толк в его смерти? Обыщи и свяжи, — сердито отрезал Генри.

Мкизе засунул в припасенную сумку последние папки. Посмотрел на агента. Тот лежал, не поднимая головы.

— Пошли.

— Куда торопишься? Давай обыщем кабинет. Этот тип нам не помешает. Может, найдем оружие.

Генри нахмурился:

— Пошли, пошли.

Ветерок играл на улице красным шлейфом пыли. Солнце зашло за тучу. Генри огляделся по сторонам.

— Свяжись с Могано, Аплани. Скажи ему: нужно срочно встретиться.

Они разошлись в разные стороны...

Через час Сарон Нунн, развязывая агента, спрашивал:

— Как он выглядит? Вы уверены, что это Мкизе?

Чертыхаясь и ругая «проклятых кафров», Нунн поднял трубку телефона и рассказал начальнику отдела безопасности, что произошло.

Голос начальника, обычно тихий и вкрадчивый, на этот раз яростно гремел.

— Вы разняя, лейтенант Нунн! Как он мог проникнуть к вам, открыть сейф? — И, отменяя объяснения, бросил в трубку: — Высылаю вам отряд полиции. Он должен быть пойман, слышите вы, слюнтый?

Генри увидел в окно, как по улице промчались двое, преследуемые полицейскими. И сразу же вслед за этим вошел взволнованный хозяин дома Мтута. Мтута шепотом сообщил, что полиция оцепила поселок.

— Много их?

— Больше, чем травинок в вельде.

Генри не сомневался: ищут его. Надо ему было сразу уйти из локации. Они перероят теперь весь поселок и в конце концов доберутся до этого дома. Что делать? Спрятаться не удастся. А папки? Мкизе подавил подступающее волнение, спокойно сказал:

— Пойди, Мтута, посмотри, нет ли наших среди полиции? Я должен выбраться. Обязательно.

Мтута ушел.

Мкизе заставил себя сесть за стол, принялся читать «дела», вырывая листы, на которых были клички агентов, адреса явок, ставшие известными полиции, сжигал остальное в печке, чтобы не оставлять следов в доме. По! Вот оно!

«...В селении Лапга наш агент обнаружил неизвестного. Им оказался Госани — связной Комитета действия. Госани доставлен в отдел безопасности... Госани отрицает, что оружие прибудет на самолете в район селения Ухловане. Говорит, что никогда не слышал об этом. Возможно, сведения нашего сотрудника неверны. Госани направлялся в вашу локацию. Сообщите в отдел все имеющиеся данные о нем и о тех, кто с ним связан...»

Значит, все пропало! Теперь они могут накрыть и зарубежных друзей с грузом оружия там, у селения Ухловане.

Желая прочитать документы в более спокойной обстановке, Мкизе поднялся по приставной лестнице и очутился в небольшом мрачном помещении. Сквозь запыленное окно чердака проникали лучи вечернего солнца. Мкизе осмотрел поселок. Вдали полицейские обыскивали дома и хижины, заталкивали арестованных в тюремные машины.

Он снова принялся читать. Вот более позднее сообщение.

«...Связной Госани вчера повесился на спинке кровати в одиночной камере... Арестуйте и доставьте в штаб-

квартиру на Маршал-сквер* Мкизе, Аплаин, Мабиходу и Махлангу. Есть данные, что эти банту были связаны с Госани. В первую очередь арестуйте Мкизе... Необходимо уточнить, не изменилось ли место доставки оружия...»

Значит, Госани умер. Дорогой брат, да успокойтесь дух твой там, внизу. Ты умер напрасно. Полиция все знает.

Надо во что бы то ни стало выбраться отсюда. И куда исчез старый Мтута?

Мкизе ждал возвращения хозяина дома. Он не хотел рисковать. Там, среди полиции, есть свои люди, они помогут выбраться. Но время шло. Ночь подходила к концу. Мтуты все не было. Видно, арестовали.

Мкизе спустился вниз, через окно вылез во двор. Холодный ветер освежающе дохнул ему в лицо. Мкизе уверенно пошел сквозь проемы в покосившихся заборах, мимо затанувших хижин. В предутреннем мраке сквозь открытые ворота Гепри увидел на улице цепь полицейских-африканцев, вооруженных только дубинками. Белые расисты не доверили им огнестрельного оружия. Значит, прорываться надо именно здесь. Из засады Мкизе долго всматривался в лица. Ни одного знакомого.

Он услышал шаг. Прямо на него шли двое европейцев. Тишину пререзал яростный крик:

— Вот он! Все сюда! Это он, он! — надрывался агент.

Мкизе побежал между хижинами, слыша за спиной топот преследователей. Он ворвался в ближайшую халупу, сооруженную из ящиков, быстро закрыл за собой полог из мешковины. Замер, ожидая испуганных криков хозяев. Но хижина была пуста. Рядом зазвучали голоса.

— Некуда ему деваться, — сказал кто-то властным тоном. — Он здесь. Передайте по цепи: не выпускать ни одного!

— Я сразу узнал его, — говорил другой голос. — Это он.

Они скрылись за соседними хижинами.

Кольцо вокруг Мкизе сжималось. Они обыскивают дом за домом и рано или поздно доберутся до него.

Мкизе вышел из хижины. Озираясь, направился к во-

* На Маршал-сквер находится штаб-квартира полиции.

ротам, из которых только что смотрел на полицейских. Сжав челюсти, он прошел в калитку. Одним взглядом охватил Мкизе переулок и ближайших к нему врагов. Полицейские-африканцы вытянулись цепочкой. Офицеры маячили вдали. Мкизе вынул пистолет, пошел на агента в черном берете. В цепи раздались тревожные крики. Словно стая павианов от пантеры, метнулись от Мкизе полицейские. Они бежали за ним на расстоянии. Генри был хорошим бегуном, когда-то в школе занимал первое место. Он нырнул под проволочную изгородь, окружавшую локацию, и кинулся через поле к шоссе. Сзади захлопали выстрелы. Где-то высоко и сбоку пронизывали сизый сумрак утра пули. По дороге шла машина. Шофер заметил беглеца и, когда Генри оказался рядом, притормозил. Мкизе ухватился за борт, больно ударившись коленом, перевалился в кузов. Сел, отдышался. Представил себе, как беспуется сейчас Сарон Нунн, и усмехнулся. Теперь он, Генри Мкизе, предупредит Комитет действия. Место доставки оружия будет изменено.

6

Майор Ганс Краммер, как всегда аккуратный и подтянутый, ходил по кабинету, стараясь не обнаруживать душившую его ярость. Только шрам на правой скуле его покраснел, что было признаком душевного волнения. С тех пор как был застрелен его зять Вильям Гендерсон, он сильно изменился: раздражался иногда вспышками неудержимого гнева. Сотрудники говорили, что Краммер любил Вилли и что тот погиб при таинственных обстоятельствах от руки террориста.

Иногда Краммер останавливался, и взгляд его гвоздем впивался в Сарона Нунна.

— И в бумагах, похищенных Мкизе, говорилось, что нам известно место доставки их груза?

— Да, — тихо ответил Нунн.

— Ничего не скажешь, этот Мкизе — хитрый малый, не то что мои сотрудники.

Краммер резко повернулся на каблуках.

— Вот что: их загранбюро теперь, по крайней мере временно, отменит операцию. У вас есть какие-нибудь соображения на этот счет? Ведь именно по вашей милости мы выпустили их из рук.

— Я бы попросил вас послать нашего человека в Найсал, где находится загранбюро этого Африканского общества.

— У нас там есть уже человек.

— Надо послать опытного сотрудника. Он связался бы там с нашими людьми, заслал бы кого-нибудь в загранбюро. Прошу направить меня.

— Вас многие знают. А не послать ли нам Труссела?

Сарон Нуни представил себе белые брови и совершенно белые ресницы долгового Труссела и почему-то рассердился.

— Я мог бы отлично это сделать.

— Нет. Труссел сделает лучше. И вот еще что, лейтенант Нуни: сведения о том, что наших банту поддерживают из-за границы, ни в коем случае не должны просочиться в печать и вообще не должны стать известны нашим банту. Одно дело — разговоры о помощи, которых сейчас много, а совсем другое — посылка оружия. Всех банту, террористов этой группы, — пронзительный взгляд Крамера испытующе остановился на подчиненном, — надо ликвидировать. И подкрутите языки своим сотрудникам, тем, кто будет иметь к этому отношение. Надеюсь, вам ясно? Нам не нужно никаких судебных процессов в связи с этим делом.

Нуни, усмехаясь, кивнул.

7

Тяжелые волны с белыми гривами грызли гальку. Лил дождь. Молнии раздирали серое одеяло облаков. Отряд торопливо шагал по берегу. Мкизе объединил несколько групп «Копий народа». Это было против правил конспирации. Но сегодня — особый случай. Сегодня требовалась сила, чтобы дать отпор полиции, если она все же явится.

Ветер бросал соленые брызги в лица людей.

— Придет, как ты думаешь, Махлангу? — сказал Мкизе, обращаясь к высокому африканцу. Этот Махлангу был когда-то шахтером в золотом руднике, потом руководил неофициальным профсоюзом горняков-африканцев и только недавно перешел на нелегальное положение.

Небольшое судно с тяжеловесными очертаниями без единого огня на борту шло к берегу, заваливаясь в водяные провалы.

— Это оно. Ровно двенадцать, — сказал Генри. Он вынул из кармана плаща фонарь, посигналил кораблю.

Отряд остановился между обкатанными водой камнями. За спиной отряда — пологий откос берега.

— Махлаугу, выставь караулы! Сигнал тревоги — три выстрела.

С судна спустили шлюпку, и вскоре она приблизилась. Волны швыряли ее. Стоя по горло в воде, люди подхватили лодку на руки, вытянули на берег.

С носа шлюпки прыгнул Джим Твала, вечно веселый африканец. Он был довольно плотным и тяжелым, что не мешало ему двигаться легко и быстро. Плащ его блестел от дождя. С небольшой бородки и с волос на голове дождевые капли скатывались не задерживаясь. Он часто, рискуя, пересекал границу, и до сих пор полиции не удавалось его поймать. Твала был одним из руководителей заграбюро Африканского общества.

— Погода словно специально для высадки, — сказал он, пожимая руку Мкизе. — Все тихо?

Длинные ящики выгрузили, накрыли брезентом, и шлюпка ушла в океан.

Вторая шлюпка была перегружена. Падающая крутая волна накрыла лодку у самого берега, но люди подхватили ее.

Лодку еще не успели разгрузить, как сверху на откосе прогремели три предупредительных выстрела, и сразу же вслед за ними застучал пулемет.

«Начинается!»

— Быстрее разгружайте!

— Уходить надо! — раздались раздраженные, испуганные голоса.

— С ящиками не побежишь.

— Зачем мертвому винтовка?

Генри почувствовал, что паника может погубить дело, ради которого они пришли сюда.

— Оружие не бросим! — крикнул он решительно. — Будем драться! Кто не хочет, пусть уходит. Есть такие?

Никто не ответил.

— Разгружайте. Чего их бояться. У нас винтовки.

В свете молний уже виднелись перебегающие от де-

рева к дереву фигуры людей, их черные от дождя шинели, перекрещенные белыми ремнями портупей.

Несколько человек во главе с Махламгу сдерживали натиск военизированной полиции. Но долго им не продержаться. Громкое стрекотание пулеметов врывалось в рев прибоя. Пули веером прошли по гальке, засветили в темноте над головами.

— В ящиках есть патроны? — спросил Мкизе.

— В этих нет. Пока на борту, — сказал Твала. Он всматривался в пологий склон, откуда волной накатывалась военизированная полиция. — Видно, надо уходить, Мкизе.

Мкизе не ответил, взглянул на часы, сердито покачал головой. Был час ночи.

— Где же они? — пробормотал он озабоченно. — Где этот неуклюжий Мабихода?

В океане появились военные корабли. Стволы их пушек повернуты к маленькому судну. Гром орудий метнулся к берегу. На судне вспыхнул пожар. «Видно, пленных брать не хотят, — подумал Мкизе. — Концы в воду. Наци не желают огласки».

8

Они уходили по теплым лужам, изредка отстреливаясь. Тяжелые ящики на головах людей вдавливали в землю ноги. Свернули к лесистым горам. Долго поднимались по крутому склону, цепляясь за кусты. Не отставая, где-то в темноте шли за ними преследователи.

Все выше и выше поднимался отряд, преследуемый врагами, пока не наткнулся на глубокую расщелину. Черная линия разлома преграждала дорогу. Дальше пути не было.

Дождь усиливался. Громыхал, катался в низких облаках гром. Где-то рядом полыхнула молния. Ломая кусты и деревья, со стоном повалился лесной великан. Лес закачался, тяжело вздохнул, оправляясь от удара.

При вспышке Генри увидел совсем рядом карабкающихся по склону полицейских, тускло поблескивали их мокрые стальные каски. На широких белых поясах шинелей — тугие белые патронташи.

Укрываясь за стволом дерева и наблюдая за подпол-

зающими полнцейскими, Мкизе понял, что для многих его товарищей эта ночь станет последней.

Прижимаясь к земле под пулями, Мкизе приблизился к расщелине, оглядел разлом. Ширина — метра четыре. Скользкие края. Внизу, на огромной глубине, белая гнива потока. Здесь не пройти.

— Будем пробиваться, — сказал Мкизе, вернувшись. — Людей поведу я. Патроны еще есть?

— Мало, — сказал Махлангу. Он замерз. Тощее тело его, облепленное мокрой одеждой, казалось еще более худым.

— Аплани, прикрывая отступление, держись подольше.

— За меня не тревожься, — зло сказал Аплани. — Не убегу, поджав хвост.

Они поползли над провалом. Мкизе уже решил, что правый их фланг не охвачен, и они выскользнут, когда впереди зарокотал пулемет. Короткий огненный язычок быстро-быстро жалил темноту. Враг засел на высоком каменном выступе — не подступишься. Пули поражали людей, шлепались в мокрую землю рядом с Мкизе. Отряд попятился, выходя из-под огня. Бойцы не отстреливались: не было патронов. Враги поняли это, придвинулись почти вплотную. Генри видел во мраке белые пятна их лиц, видел вспыхивающие здесь и там огни выстрелов. Он вытер с лица капли дождя, лежа, огляделся. Кажется, конец. Пощады не будет. И куда запропастился этот неуклюжий Мабихода со своим отрядом? Ведь ему было приказано сидеть в засаде около берега океана и открыть огонь, если полиция все же проникнет о месте высадки. Но в решительный момент его почему-то не оказалось. А может быть, он лежит где-нибудь в саванне с пробитой головой? Но, что бы там ни произошло, Мабихода не пришел, и это означает смерть для него, Генри Мкизе, и его товарищей по отряду.

— У меня осталось два патрона, — прервал его размышления Аплани. Он сунул ему в руку патрон. — Возьми, Мкизе.

Генри дослал патрон в казенную часть, кинул благодарный взгляд на друга. Аплани встал за толстый ствол дерева, немного впереди, опустив вниз дуло винтовки.

— Пойдем на прорыв вниз по склону, — сказал Мки-

зе, обращаясь к Махлаунгу. — Передай всем: приготовиться.

Мкизе поднялся и, выстрелив, побежал впереди отряда. Враги ждали этой атаки. Залп свалил двоих африканцев. Полицейские ринулись на бойцов, стреляя в упор, коля штыками, тесня их к пропасти.

Генри пятился к расщелине, обороняясь прикладом. Он заметил, что Анлани не пытается прорваться вместе со всеми. Но когда двое полицейских поравнялись с деревом, за которым он укрылся, он застрелил одного, сбил прикладом другого и исчез в темноте.

Полицейские прижали бойцов к краю расщелины, сбрасывали их в пропасть. Один за другим исчезали в бездну товарищи Мкизе. Двое полицейских набросились на пожилого бойца. Человек упал, вцепился в лезвие штыка. Враги сбросили его вниз.

Бойцов осталось человек двенадцать. Полицейские окружили их плотным полукольцом над самым краем пропасти.

Генри близко видел врагов, стоящих в два ряда, их широкие штыки. Не пробиться.

Подошел офицер. Мкизе узнал Сарона Нунна.

— Кто из вас Джим Твала? А, а! Подойди-ка ближе.

Твала подошел.

— Попался, террорист! А хвастался там, за границей: «Не поймают!» Дураки вы! Да там у вас полно наших людей. Обыскать!

Полицейские вывернули карманы Твалы, передали бумажник Нунну.

— Ого! Сколько денег привез! Поговорил бы я с тобой, Твала, у себя в отделе, да не могу. Приказ: всех вас в расход. — Нунн отступил, махнул рукой.

Полицейский выстрелил в упор. Твала пошел боком, ница рукой опоры, упал, беззвучно раскрывая рот. Он, задыхаясь, разорвал на себе ворот рубахи. Когда полицейский подтащил его к краю бездны, Твала вцепился в ногу палача. Только несколько ударов штыком выбили из него жизнь.

— Пленных убиваете! — тяжело дыша, проговорил Мкизе.

— Мы никого не убиваем, — оборвал его Нунн. — И тебя, Мкизе, здесь никто не видел. Ничего не было

сегодня. Понял? Так и сообщи там, в аду. Эй, ты, подойди ближе, — сказал Нуни, обращаясь к Махлангу.

Тот не двигался.

— Ты, ты, тощая образина, чего уставился? Подойди, говорю тебе.

— Ступай роди себе ребенка и называй его таким именем, — огрызнулся Махлангу.

— Подведите его. Может быть, знакомый.

Но Махлангу сам шагнул вперед и вдруг с рычаньем прыгнул к офицеру, не ожидавшему нападения, поднял его и бросился с ним к провалу. У самого края удар штыка повалил Махлангу. Но он снова вскочил, кинулся на полицейского, стараясь увлечь врага в бездну. Трое, сбив Махлангу с ног, полосовали его штыками и прикладами. Из открытого рта Махлангу рвался сплошной крик, пока тело его не исчезло в бездне.

Мкизе стоял, стиснув зубы. Умереть после такого и не отомстить?! Он покосился назад. Прыгнуть в поток! Может быть, и удастся спастись.

Полицейские стояли полукругом, оцетинившись штыками.

Нуни осветил его фонарем.

— Ловко ты обманул меня, Мкизе. Но все же, видишь, я накрыл вас!

Полицейские вытащили Мкизе из шеренги.

— Обыскать!

Метра полтора до края пропасти. Перед тем как сделать этот последний шаг, Мкизе огляделся, посмотрел вниз по склону. «Йека!» Радость опалила сердце. В мертвенном свете молнии между стволами мелькали, бежали вверх люди. Генри узнал того, кто был впереди. Мабихода! Весь грязный и мокрый, он бежал, отдуваясь, как носорог. Два десятка вооруженных парней следовали за ним. Аплани, оскалив зубы, бежал рядом с Мабихойдой.

Мкизе оттолкнул полицейского, прыгнул в сторону, чтобы избежать удара. Кто-то из врагов крикнул, заметив опасность. И тотчас грохнул нестройный залп. Задышающийся, осипший от бега голос Мабиходы рывкнул из темноты:

— Смерть им!

— И-и-и-и! — вырвался из двадцати глоток боевой клич.

Полицейские даже не пытались сопротивляться, столь неожиданным было нападение. Они беспорядочно ринулись вниз, падая и скользя по мокрому склону. Аплани яростно выпускал им вслед пулю за пулей...

Мкизе долго смотрел в пропасть. Не видно тел погибших товарищей. Не было Твалы, не было Махлангу, никого. Только шумел, прыгал по камням белый поток...

Надо уходить. Там, внизу, затаились, собирались с силами враги. Единственный путь — через пропасть. Пока не стреляют, можно перекинуть мост. Тяжелый ствол сваленного молнией вяза подтащили, перебросили ветвистую вершину его на другой край. Бойцы перенесли ящики с оружием, переправились сами. Мкизе перешел последним, и вяз, стянутый сильными руками, полетел вниз...

Когда отряд полиции подошел к месту переправы, в щель между камнями на противоположной стороне медленно просунулась винтовка. Выстрел смахнул со склона полицейских. Только темный одинокий комок остался на месте.

Аплани зло усмехнулся, некоторое время выжидал, не приблизится ли кто-нибудь, потом поднялся и побежал в мокрой, скользкой темноте догонять отряд.

КАСАНДА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

— Эй, Нкайна, помоги брату нести антилопу! — крикнула старая Набетуну. Щурясь от яркого полуденного света, она смотрела на своего старшего сына Касанду, вышедшего из леса.

Касанда шел между рядов кокосовых и масляных пальм, сгибаясь под тяжестью подстреленной им большой серой антилопы — топи. В одной руке он нес копье и лук, другой поддерживал добычу. Сбоку, свернув кольцо хвост и высунув от жары язык, бежал рыжий пес Мпутум.

Старая Набетуну заторопилась, вспомнив, что у нее не готов обед. Набетуну была очень худая, и черные щеки ее, украшенные татуировкой, глубоко ввалились.

Наполнив кожаный мешок длинными белыми кореньями маниоки, которые вымачивались несколько дней в яме с водой, Набетуну направилась к круглой, крытой травой хижине.

— Нкайна, иди встречай Касанду, лентяй! — сердито сказала Набетуну. — Иди сейчас же!

Из проема, служившего одновременно и дверью, и окном, и отверстием для выхода дыма, высочил заспанный Нкайна и побежал навстречу брату.

Солнце висело прямо над головой, воздух дрожал от зноя. Деревня была безлюдна в этот час. Соседка Набетуну, Магуа, вышла из покривившейся хижины и, поддерживая привязанного к спине ребенка, направилась к Набетуну. Тело Магуа было выкрашено в красный цвет. Это говорило о том, что женщина недавно впервые стала матерью.

— Хороший охотник Касанда, — сказала Магуа, заискивающе улыбаясь и поглядывая на приближающегося юношу, — самый лучший в краале. Дай мне ноги топи, Набетуну.

И Набетуну, радовавшаяся, когда хвалили ее сына, пообещала подарить соседке ноги антилопы.

Касанда сбросил на землю добычу, передал брату копье и лук со стрелами. Он вытер листом потное лицо и сказал матери:

— Мясо топи надо провялить. Нкайна поможет тебе. Теперь будешь много дней сыта.

Топи было единственное животное, мясо которого колдуны — немезисы — разрешили Набетуну есть. Ни к какому другому мясу она не должна была прикасаться. Это было ее герундо — табу. Набетуну никогда не нарушала этого запрета. Деревянный бог Ена, стоявший в маленькой хижине, около леса, зорко

следил за ней и немедленно покарал бы ее, вздумай она нарушить табу.

Набетуну с гордостью и любовью смотрела на своего старшего сына. Хотя ему не исполнилось еще и двадцати, он был уже самым храбрым и самым сильным в деревне. У кого еще были такие широкие и могучие плечи, такие быстрые и неутомимые ноги! И кто так, как он, любил свою мать, хотя и скрывал от всех: нехорошо, когда мужчина походит правом на женщину. Кроме того, Касанда был очень красив. В особенности нравилась Набетуну татуировка на лбу и на щеках около глаз, придававшая его лицу грозное выражение. Эту татуировку сделал ему отец, когда Касанда был еще совсем маленьким мальчиком. Волосы Касанды, высоко зачесанные и скрепленные глиной, всегда сохраняли приданную им форму.

С тех пор как отец Касанды умер, Касанда был старшим в семье. Он был одним из лучших охотников в селении, и сам Йонго назвал его храбрым, после того как Касанда, чтобы заслужить право называться воином, убил в единоборстве черную пантеру. А слово Йонго значило много, ибо Йонго был вождем племени батако, одного из племен, живущих в необъятном лесу, простирающемся от озера Тиву до Великой реки.

Набетуну заботливо осмотрела сына. Его черная кожа блестела на солнце. Вид у Касанды был бодрый и здоровый. Но его пагне, состоявшее из двух прикрепленных к поясу кусков синей материи, выделанной из коры дерева мномбо, обносилось и требовало замены.

— Хитрый был топи, — сказал Касанда брату. — Я гонялся за ним целый день. Дух леса Нгуна охранял его. Помоги матери носить дрова.

Пес Мпутум ходил вокруг топи, оцетинившись, глухо ворча и искоса поглядывая на двух тощих чужих собак, бросавших тоскливые взгляды на добычу его хозяина.

Набетуну принялась готовить сыну обед. А Касанда, ожидая, сел у входа в хижину и, взяв двухструнную бамбуковую маримбу с тыквой на конце, стал играть. Мягко звучала лесная гитара, и Касанда, укрывшись от солнца в тени хижины, пел песню охотника:

Встретил в лесу охотник-батако
Ужасного симбу — льва.

Не хотел симба уступить дорогу
Храбромu охотнику.
Пустил стрелу в симбу
Храбрый охотник
И пронзил его копьем.
Упал симба, и смеялся охотник.
Хо-хо, смеялся охотник!

Услышав пение, пришел старый Имбонбо. На нем, кроме пагнe, была еще полосатая матросская майка — предмет зависти соплеменников. Имбонбо побывал во многих отдаленных районах, участвуя в экспедициях европейцев. Он носил на голове их грузы. Много видел Имбонбо на своем веку необычайного и удивительного. Касанда любил его слушать, хотя и не всегда ему верил.

Имбонбо рассказывал об одноруких великанах, живущих на востоке от озера Тиву, одним ударом своего каменного кулака убивающих могучих слонов хумбахумба, о людях с хвостами, страшных ниямниамах. Однажды Имбонбо рассказал о старухе Факу, у которой был такой длинный и сильный язык, что она могла задушить им человека. Факу долго преследовала Имбонбо, и он едва спасся, перелетев через лес с помощью привязанного к поясу волшебного крыла орла, подаренного ему колдуном-немезисом одноруких великанов. Этой истории слушатели не поверили, а кто-то даже сказал, что у старухи Факу язык был короче, чем у самого Имбонбо. С тех пор Имбонбо прозвали: Имбонбо Длинный Язык.

Имбонбо любил музыку, и, когда Касанда играл на маримбе, он всегда приходил.

— Хорошнй топи, — сказал Имбонбо, усаживаясь рядом с Касандой.

Касанда кивнул головой и продолжал играть.

— Когда я охотился в лесах Тиву, я подстрелил топи, который был в два раза больше этого, — продолжал Имбонбо. — Только у него было десять ног и он бегал быстрее стрелы.

— Как же ты все-таки убил его? — Касанда с улыбкой посмотрел на собеседника.

— Я зашел спереди и пустил стрелу навстречу топи. Если бы я пустил стрелу ему вслед, она бы никогда не догнала его. Очень быстрый десятиногий топи...

Имбонбо встал, попробовал поднять антилопу, но не смог.

— Легкий топи, — сказал он деловито. — Десятиногий был в три раза тяжелее. Я нес его на себе целую неделю. — Имбонбо обхватил пальцами обеих рук огромный узловатый бицепс собеседника. — Сильный ты, Касанда. Но лет двадцать назад я был сильнее тебя, как слон хумба-хумба сильнее буйвола. Я носил на голове столько груза, сколько весит толстый человек.

Глаза Касанды хитро сощурились.

— Не веришь? Спроси у кого хочешь. Я высох за эти годы. Ты тоже старый будешь. — Имбонбо обиженно замолчал.

— Хочешь мяса, Имбонбо? Приходи попозже — разделаем тушу. Тебе откуда отрезать?

— Да у меня дома есть... — проворчал Имбонбо. — Отрежь от спины.

Когда гость ушел, Касанда, пригнувшись, чтобы не попасть головой в черную струю дыма, поднимавшуюся из двери, вошел в хижину. Дым заполнял всю верхнюю часть жилья. Под крышей вялились подвешенные к перекладинам стебли сорго, из которого старая Набетуну готовила пиво. Здесь было почти темно. Лишь слабое пламя костра, разведенного между плоскими камнями недалеко от входа, освещало помещение.

Касанда лег у стены на шкуру буйвола и тотчас крепко заснул. Спустя полчаса его разбудил отчаянный лай собак и шум голосов.

Нкайна просунул голову в дверь и закричал:

— Вставай! Белые пришли!

В жизни племени это было событием: европейцы редко заглядывали в их селение, стоявшее в глубине леса.

Касанда вышел из хижины, прикрывая глаза ладонью от яркого солнца. Из леса со стороны реки двигалась группа людей. Впереди шли трое белых в штатской одежде, за ними отряд солдат-европейцев, потом носильщики-африканцы с тюками на головах.

Касанда стоял около топи и с интересом рассматривал неожиданных гостей.

Белый, шагавший впереди, был, видимо, большой вождь в своей стране. Он был высок и тучен. Двое

других белых, шедших позади, держались от него на почтительном расстоянии.

Заметив лежавшую на земле антилопу, белый подошел посмотреть на нее. Мпутум, не имевший представления о важности гостя, стал молча подкрадываться к нему сзади, но Касада прикрикнул на него, и пес, поджав хвост, шмыгнул за хижину.

Подошли посмотреть на топи и остальные белые. Важный мзунгу проговорил что-то на непонятном языке, и переводчик сказал:

— Господин Элмсли спрашивает: это ты убил топи? Господин Элмсли — самый богатый человек в стране белых.

Касада был явно польщен вниманием вождя иностранцев. Он приветливо улыбнулся и ответил:

— Это был осторожный топи. Я гонялся за ним целый день.

— За рога антилопы, — сказал белый, — я дам тебе два доллара.

Касада улыбнулся еще шире и, желая доставить удовольствие гостю, сказал:

— Рога топи нельзя есть. Они ничего не стоят. Пусть вождь Элмсли возьмет их, если они ему нужны.

Но Элмсли решил, что африканец хитрит.

— Хорошо, — раздраженно сказал он, — я дам тебе пять долларов. Принеси потом рога в мою палатку.

— Рога топи ничего не стоят... — начал снова Касада, но белый махнул рукой и сердито проговорил:

— Меня не обманешь! Пять долларов — хорошая цена.

Элмсли сунул в руку растерявшегося Касанды пятидолларовую бумажку и пошел в сторону леса с одним из своих спутников. Солдаты и носильщики потянулись за ними. Третий белый, до этого стоявший в стороне, подошел к Касанде и весело сказал на языке кингвана, на котором говорят многие племена в округе:

— Хочешь поехать на рудник? Увидишь много интересного и, когда вернешься, будешь богатым человеком.

Вопрос был слишком неожиданным, и Касада не знал, что ответить. Мзунгу засмеялся, хлопнул его по плечу и сказал:

— Подумай. Я зайду потом.

— Я подумаю... Отдай эту бумажку бване Элмсли.

Я не могу брать деньги за рога, которые ничего не стоят. — Касанда протянул белому пять долларов.

Тот сунул их в карман и, ухмыльнувшись, зашагал прочь.

Это был вербовщик рабочей силы горнорудной корпорации Альбер Сантегью.

2

Белые ушли. К Касанде подошел немезис Ифофу, исполнявший при главе племени Йонго роль колдуна, лекаря и цирюльника.

— Йонго хочет, чтобы ты явился к нему, — строго сказал Ифофу. — Пойдем.

Касанда, оробев, шел за немезисом, размышляя, за чем он мог потребоваться вождю племени.

Ифофу шествовал важно. На руках и ногах его звенели медные и железные браслеты, многие из которых были могущественными талисманами. Колдун шел медленно и, как требовал этикет, сильно наклонялся то в одну, то в другую сторону, показывая этим, что украшений слишком много и ноги переставлять нелегко.

Вождь племени батако сидел у своей большой хижины на пяти положенных одна на другую леопардовых шкурах. Казалось, он не заметил подошедших. У ног Йонго его маленький сын с озабоченным видом грыз белую палочку сахарного тростника.

Тут были и два других немезиса. Один из них украшал руку вождя замысловатой татуировкой, делая особым ножом мелкие надрезы на коже и вставляя в ранки кусочки глины.

Глава племени был одет в длинную белую тогу, на ногах его были сандалии на толстой подошве. На правой руке Йонго был железный браслет — талисман, защищавший его от всех болезней. Талисман этот Йонго обменял у колдуна соседнего племени на пятьдесят тыквенных бутылок с пальмовым вином. По указанию своих немезисов, Йонго должен был, чтобы талисман не потерял своей силы, снимать браслет каждый раз, когда говорил с женщиной, курил трубку или брал в руки нож.

Давно уже Йонго был назначен властями колонии вождем, и племя было довольно его правлением.

Мудрым человеком был Йонго. Он исправно собирал и платил налоги, чтобы не вступать в конфликт с властями. При появлении поблизости вербовщиков лесозаготовительной компании все племя по команде Йонго уходило на «большую охоту». Поэтому все мужчины жили в селении, а не пропадали где-то на чужбине. Йонго вел с соседними племенами торговлю, выгодно продавал им сорго, маниоку и пальмовое вино и покупал у них соль, материю и другие товары. Он послал мальчиков учиться искусству кузнеца, заплатив за это чужому племени двадцать бивней хумба-хумба. Чтобы мальчики хорошо учились, он приказал им дать страшную клятву перед всемогущим Вуном — богом мицения, что они не будут там бездельничать. Ифофу наложил на них запрет охотиться, играть с приятелями и не подчиняться учителям.

Теперь племя торговало топорами, мотыгами и наконечниками для стрел и копий. Эта статья дохода племени тщательно скрывалась от слуг европейцев, изредка приходивших в лесной крааль за налогом. Йонго приказал всему племени сажать маниоку. С тех пор батако не знали голода. Не пожелавших есть маниоку он выгнал на неделю из крааля в лес.

Соседние племена завидовали и считали племя Йонго очень богатым.

Касанда молча остановился в нескольких шагах от вождя, который, видимо, размышлял над чем-то очень важным. Неподалеку трудились жены Йонго. Младшей из них было не более двенадцати лет. Женщины вскапывали мотыгами землю для посева сорго. В этих местах не было ни волов, ни лошадей — скот погибал от неизлечимой болезни наганы, которую переносили мухи цеце, и землю обрабатывать приходилось вручную.

Наконец Йонго строго взглянул на стоявшего перед ним Касанду.

— Ты разговаривал с белыми, что они у тебя спрашивали?

Касанда передал разговор, и Йонго задумался. Он думал так долго, что тень Касанды успела передвинуться на целый палец. Касанда не шевелился, боясь на-

рушить ход мыслей мудрого человека. Наконец Понго спросил:

— Не знаешь, зачем они приехали к нам?

— Нет, — сказал Касанда, и ему стало стыдно, что он не может ответить на вопрос главы племени.

— Иди, — проговорил Понго, хмурясь, — и если узнаешь что-нибудь о белых, сообщи мне.

Касанда повернулся и пошел, высоко поднимая колени, чтобы не показывать вождю своих подошв. Касанда был вежлив и уважал старших.

Он возвращался домой, размышляя о цели приезда незваных гостей. На опушке леса солдаты уже ставили большую хищину из белой материи. Материи было так много, что ее хватило бы на одежду всему племени.

Трое белых пересекали узкую долину, сжатую покатыми лесистыми склонами. Они часто останавливались и что-то говорили друг другу.

Набетуну и Нкайна вялили мясо топн. На четырех вбитых в землю кольях лежала бамбуковая решетка. На ней на крючках в дыму костра висели тонкие ломти мяса. Икайна поддерживал огонь, стараясь, чтобы пламя не поднималось высоко. Набетуну поворачивала ломти с помощью длинной палки. Когда мясо становилось совсем сухим и твердым, она снимала его и вешала новую порцию.

3

В просторной палатке сидели двое и пили виски с содовой водой. Элмсли, большой и грузный, полулежал в плетеном кресле. Его собеседник мсье Беккерс, человек лет тридцати пяти, с красным, обожженным тропическим солнцем лицом, сидел на ящике.

— Если вам этот участок подходит, мистер Элмсли, — говорил Беккерс, — то мы предоставляем его в ваше распоряжение. По-моему, это неплохое место для каучуковой плантации. Документы оформим потом.

— Место замечательное, — согласился Элмсли. — Бразильская гевея* здесь хорошо привьется.

— Мы дадим вам половину долины, начиная от селения до самой реки.

* Бразильская гевея — дерево-каучуконос.

— А почему половину? Я же говорил вам: мне нужна большая плантация! Послушайте, Беккерс, — сказал Элмсли раздраженно, — неужели вы думаете, что меня посылали бы в эти дебри из-за какого-то клочка земли? Я хочу, чтобы наша плантация занимала всю эту долину. Всю, вы понимаете? Если вы не можете ее нам предоставить, я решу этот вопрос и без вас.

— Но здесь же селение и поля этого племени.

— Вы говорите так, Беккерс, словно не знаете, как решаются эти дела здесь, в колонии. Переселите их в другое место в конце концов! Разве мало земли вокруг? Им все равно, где жить.

Беккерс выпустил струю сизого дыма и, искоса поглядывая на Элмсли, проговорил:

— Это трудно сделать, мистер Элмсли. Туземцы будут сопротивляться. Им некуда идти, вокруг земли других племен.

— Зачем же вы везли меня сюда?

— Я полагаю, мистер Элмсли, что мне удастся уладить этот вопрос, — сказал Беккерс, стараясь не смотреть на собеседника. — Ваши пожелания будут выполнены, но для меня это будет связано с некоторыми неприятностями. Лично для меня, как администратора, вы понимаете? Придется обращаться к высшему начальству.

Элмсли зло плюнул. В переводе на деловой язык эти слова означали для него, Элмсли, новые расходы. Беккерс совсем обобрал его. Каждый день все новые требования. Лучше, пожалуй, было бы не связываться с ним.

— Ну хорошо, — сказал сердито Элмсли, — я оплачу ваши личные неприятности. Сколько вы хотите? Но я надеюсь, что это будут последние претензии ко мне...

У Элмсли явно испортилось настроение.

Откинув полу палатки, вошли переводчик и Йонго. За ними появились два старейшины, надевшие по случаю этого визита головные уборы из шкуры леопарда. Увидев стариков, Беккерс нетерпеливо махнул рукой. Переводчик, привыкший к знакам своего хозяина, злобно зашипел на советников Йонго и бесцеремонно вытолкал их на улицу. Йонго сделал вид, что не заметил изгнания своей свиты.

Элмсли, предчувствуя неприятный разговор, вышел из палатки. Он платил деньги, а остальное его не касалось. Пусть Беккерс сам разговаривает с этим вождем.

Йонго с достоинством сел на ящик, настороженно поглядывая на белого.

— По приказу администрации, — начал Беккерс, стараясь придать своему голосу побольше твердости, — здесь должна быть разбита каучуковая плантация. Твое племя занимает эту землю незаконно. Оно должно переселиться в другое место.

На лице Йонго не отразилось никаких чувств. Он спокойно сказал:

— Эта земля всегда была наша. Отцы наших отцов владели ею.

— Незаконно владели, — возразил Беккерс. — У вас есть документ на право владения землей?

У Йонго не было документа. Но, уверенный в своей правоте, он упрямо ответил:

— Мы жили в этом лесу, когда белые еще не появлялись в Стране Живой Воды. Мы не уйдем отсюда.

— Ты дурак, Йонго! Мы тебя назначили вождем, мы и уволим тебя. Ты знаешь, что такое солдаты? Вам лучше всего переселиться к подножию горы Кедачумви и не ссориться с властями.

— Вокруг Кедачумви болота, там нельзя жить. Мы не уйдем. Здесь наши хижины, наши поля, наши пальмы, наши могилы.

— Не подчиняешься приказу районного комиссара? Ты ответишь за бунт.

Йонго поднялся и, ни слова не сказав, вышел. Беккерс хотел было окликнуть его, но раздумал. Йонго, хотя и назначен администрацией колонии, был наследственным вождем. Он был горд и упрям. С ним не договориться.

Прошло несколько дней. Лагерь пришельцев по-прежнему белел на опушке леса. Ушел только катер, на котором прибыли по реке белые, и увез с собой господина Элмсли: он не хотел, чтобы злые языки говорили, что он принимает участие в захвате чужих земель.

На другой день после отъезда Элмсли Беккерс явился к Йонго в сопровождении солдат. Йонго, сидевший на пяти леопардовых шкурах, даже не поднялся.

— От имени администрации колонии я требую, чтобы твоё племя переселилось в другое место. Через два часа мои солдаты займут селение.

— Я слышал, что ты сказал, — проговорил Йонго, и в глазах его вспыхнули злые огоньки. — Иди, я буду думать.

Как только Беккере и солдаты ушли, Йонго созвал старейшин и сообщил им о намерениях мзунгу. И старейшины единогласно решили не подчиняться несправедливым требованиям. Двести воинов смогут защитить свои хижины от тридцати солдат. Бросить свои поля равносильно смерти.

— Я пошлю сейчас пятьдесят воинов в лес к лагерю солдат, — говорил Йонго. — Если они нападут на нас, воины захватят их палатки и заберут запасы их пищи.

Все согласились с Йонго. Спустя полчаса пятьдесят воинов, вооруженных луками, уже ползли к лесу через поле сорго.

Йонго приказал выкопать во всех хижинах ямы, чтобы дети и женщины могли прятаться в них от пуль. Каждый воин также выкопал себе окопчик на краю селения против вражеского лагеря.

Когда появились солдаты, воины уже были готовы к битве. Подойдя к селению шагов на двести, солдаты дали залп. Пули не причинили никому вреда.

Йонго лежал рядом с Касандой, наблюдая через густую траву за противником и держа в руках тяжелое старинное ружье — единственное ружье племени.

Из леса выбежали воины и бросились к палаткам белых. Солдаты, заметив этот маневр, побежали назад к лагерю. Воины снова отступили в лес, уводя с собой двух раненых.

Солдатам не удалось очистить опушку леса, где стоял лагерь. Воины Йонго, укрывшись за деревьями, встретили их градом стрел. Солдаты снова стали стрелять по селению, но скоро стрельба прекратилась: белые берегли патроны.

Беккерс просчитался, ожидая, что племя отступит перед солдатами. Йонго спутал все его расчеты. Надо

было или заставить африканцев покориться, или отступить. Стоять в бездействии рядом с восставшим племенем опасно. Нужно было найти выход из создавшегося положения. И Беккерс придумал...

Наступила ночь. Йонго позвал Касанду вместе с другими воинами и поручил им следить за тем, чтобы солдаты не напали неожиданно на селение.

Воины отправились к лагерю поодиночке. Касанда полз по полю. Молодое сорго было влажным от росы. Лагерь спал. Касанда увидел недалеко торчавшую из травы винтовку. Это был один из передовых постов врага.

Долго лежал Касанда, вглядываясь в темноту ночи. Но вот послышались приглушенные голоса. Он приподнялся и увидел, что из палатки вышли четверо с ящиками на плечах и скрылись в лесу. Касанда хотел ползти вслед за ними, но, сделав несколько движений, остановился: из травы показалась голова часового. Люди с грузами вскоре скрылись в темноте.

Подождав немного, Касанда пополз обратно. Добравшись до селения, он побежал к хижине Йонго.

Йонго сидел перед огнем, зажженным в круглом, искусно сложенном очаге, на мужской половине хижины и лакомился вареным сорго, смешанным с кислыми муравьями — башикве. Касанда, волнуясь, рассказал ему о четырех солдатах, ушедших в лес.

— Спрячься в лесу, напротив лагеря мзунгу, — сказал Йонго, — и когда солдаты вернутся, постарайся узнать, куда они ходили. Будь осторожен. Иди!

И Касанда отправился на опушку леса. Он просидел там до рассвета, но четыре человека не вернулся.

Утром мзунгу возобновили атаку на селение, оставив часть солдат для защиты лагеря. Но их усилия были напрасны: батако сидели в своих ямах и, когда белые подходили слишком близко, отгоняли их стрелами. Лишь несколько человек из селения были легко ранены. Убедившись, что позиции африканцев не взять, солдаты возвратились в лагерь.

В следующую ночь Касанда с несколькими воинами отправился в засаду, чтобы выследить четверых солдат, ушедших с грузами, и попытаться схватить их.

Воины бесшумно прошли сквозь пальмовую рощу и через поле сорго. В лесу они разделились, и каждый занял свой пост.

Касанда уселся меж воздушных корней унаки.

С черного приблизившегося неба светили звезды. Было холодно. Касанда издрагивал от прикосновения к телу мокрых листьев. Над головой раздался жалобный крик птицы-вдовы, и вновь все стихло. Из леса бесшумно вышли две гиены. Они остановились недалеко от Касанды. Большие уши их слегка шевелились. Гиены трусливы, и Касанда не обратил на них внимания. Звери направились к селению в поисках пищи. Далеко за рекой заревел вышедший на охоту лев, и все живое замерло, прислушиваясь к этим грозным звукам. Над полем, словно синие фонарики, проплыли большие жуки-светляки. Селение уснуло. Смолкли собаки. Палатки белели в темноте ночи.

Касанда терпеливо сидел, обхватив руками колени. Дремота все сильнее охватывала его, но он не сдавался, пощипывая себя за руку. Вдруг ему показалось, что кто-то тихо приближается. Так тихо могли ходить только хорошие охотники. Касанда насторожился и вскоре услышал шаги и приглушенные голоса слева, справа и позади себя. Людей было много, очень много, и они уже были совсем рядом с ним. Касанда слышал теперь даже отдельные слова. Люди говорили на языке племени вакилу. Но зачем они здесь?

Касанда вспомнил про солдат, ушедших в лес с ящиками. Это они привели их сюда! Европейцы послали в ящиках подарки вакилу, чтобы те напали на батако.

Рядом раздался яростный крик: это воины батако вступили в бой с вакилу. Нужно было немедленно сообщить Понго об опасности. Касанда побежал через поле. Несколько стрел угрожающе пропели над ним. Одна из них ободрала кожу на его плече. Касанда закричал изо всех сил, чтобы предупредить племя и дать ему время приготовиться к бою. Стрелы свистели вокруг, но он, не оглядываясь, мчался сквозь ночную тьму.

Вбежав в селение, Касанда бросился к хижине Йонго, не переставая кричать:

— Вакилу! Вакилу! Вакилу! Напали!

Из многих хижин уже выскакивали люди с копьями в руках, бежали по селению.

Касанда в темноте налетел на Йонго.

— Где вакилу? — спросил глава племени. — Ты их сам видел?

Касанда принялся было рассказывать о том, что произошло, но в это время на селение посыпался град стрел, затрещали выстрелы.

Поднялся невообразимый шум. Кричали мужчины, плакали женщины и дети, блеяли козы, выли собаки, и, заглушая все, гремели боевые барабаны. Йонго, требовавшего, чтобы мужчины собрались около него, почти не было слышно.

На селение обрушился поток горящих стрел. Хижины превращались в яркие костры. Пламя лизало черное небо. В зареве пожара обитатели селения были хорошо видны нападавшим. Вакилу и солдаты поражали своих противников, оставаясь в темноте.

Касанда мчался по селению, передавая приказание Йонго собираться на большой круг, где заседал всегда совет племени. Увидев мать и Икайну, которые несли имущество и тащили на ремнях двух упиравшихся коз, Касанда передал им распоряжение Йонго и побежал дальше.

Вскоре племя собралось на площади, прячась от пуль за не горевшими еще хижинами.

Нужно было покинуть пылающее селение. Йонго приказал мужчинам разбиться на две группы. Одна из них должна была прорвать цепь противника и вывести за собой женщин и детей, другой поручалось прикрыть отступление.

Йонго отдавал приказания без паники, ровным громким голосом, и это действовало на всех успокаивающе.

Йонго подал сигнал, выстрелив из ружья, и все племя с криком устремилось к лесу.

Касаида был в ударной группе. Пустив наугад несколько стрел, он побежал вместе со всеми, выставив перед собой копье. Но, к удивлению Касаиды, они не встретили противника. Вакилу разбежались, не желая принимать удара. Но, невидимые, они следовали по полю за батако неотступно. Огни выстрелов то и дело вспыхивали в темноте ночи. Вопли раненых сливались с криками нападавших.

Несколько вакилу, вклинившись в последние ряды батако, схватили троих воинов. Батако делали тщетные попытки освободиться. Большая часть племени уже отступила, лишь несколько человек продолжали отбивать атаки врагов. Вакилу, обезоружив троих батако, потащили их к селению. В этот момент из темноты выскочил Йонго и, словно лев, защищающий своих детей, бросился на противников, размахивая ружьем, как дубиной. Растерявшиеся батако вступили в борьбу. Схватка продолжалась несколько минут. Вакилу, узнав по властным выкрикам и командам, подаваемым Йонго, что перед ними вождь племени, накиннулись на него. Подбежало еще несколько вакилу. Они бросились на Йонго, стараясь повалить его. Йонго стоял на земле твердо. Ярость удесятерила его силы. Он скорее убил бы себя, чем сдался врагам. Батако отчаянно защищали своего вождя, но их было слишком мало. Враги навалились на Йонго со всех сторон. Он упал. Вакилу закричали, торжествуя победу, но Йонго снова встал на ноги, подняв на себе четверых, вцепившихся в него мертвой хваткой. Он напряг все силы, сделал несколько шагов вперед и вдруг, разбросав противников, вырвался из их кольца, яростно размахивая ружьем. Вакилу стали обстреливать отступающих батако. Одна из стрел попала в шею Йонго. Он покачнулся, но верные воины подхватили его под руки.

Они добрались до опушки леса. Здесь собралось все племя. Могучие деревья защищали людей от пуль и стрел. Всю ночь уходило племя от преследователей, продираясь сквозь заросли, в кровь раздирая тела об острые, твердые колючки. Наконец остановились на берегу болотца, тускло поблескивавшего в темноте. Враги отстали.

Касанда нашел мать и брата. Набетуну держала на длинном ремне одну из коз, другую Нкайна потерял во время бегства. Набетуну была обвешана кожаными мешочками с сорго и мукой маниоки. В руках у Нкайна были тыквенная бутылка с пальмовым вином, две глиняные посуды и несколько свернутых шкур. Это было все их имущество. Пес Мпутум подошел и потерялся о ногу Касанды, как бы сообщая о своем присутствии.

Два воина подвели к воде раненого Йонго. Из троих немезисов до болотца добрался лишь один Ифофу. Ифофу на глазах у всех совершил поразительную операцию, которой научил знахаря его дед-немезис. Он расширил пожом рану на шее Йонго и извлек зазубренный накопечник стрелы. Чтобы остановить кровь, он прижег сосуды раскаленной железной палочкой. Затем по его распоряжению воины наловили огромных черных муравьев. Ифофу, произнося заклинания, сажал их по одному на разрез. Муравьи впивались в рану и миллиметр за миллиметром стягивали ее края. Часа через два раны не было. Остался лишь небольшой красный шрам. В заключение Ифофу сжег на огне в жертву богу Чамбе живую курицу. Но, несмотря на блестящую операцию, через неделю Йонго все же скончался.

Воины вырыли две могилы, чтобы сбить с толку злых духов. Духи, враждебные человеку, не должны были знать, в какой из них лежит тело Йонго. Вождя похоронили головой к селению, предварительно положив с ним заряженное ружье: кто знает, с каким зверем придется встретиться ему в далеком пути? Зажарили козу, и старейшины, усевшись вокруг могилы, в последний раз поели вместе со своим вождем. Они выкопали в могиле небольшую ямку, положили туда лучший кусок мяса и вылили бутылку пальмового вина. Далекий путь предстоит Йонго, и он должен подкрепиться, чтобы веселее было идти... Затем, по древнему обычаю, воины высекли Ифофу за то, что плохо лечил вождя и не смог умиловить великого Чамбе. Немезис должен был кричать как можно громче, чтобы умерший тоже мог его слышать. Ифофу не заставлял себя просить: он кричал на весь лес, и Йонго должен был быть доволен.

Батако поселились у подножия Кедачумви на земле, никому не принадлежащей. Вокруг простирались болота. Тяжелые испарения насыщали воздух. Высокие деревья с густой листвой почти не пропускали света. В этих местах было много мух цеце, приносящих смерть людям. Не случайно пустовала здесь земля. Но делать было нечего, и племя осело в этом мрачном лесу.

Касанда получил свой участок и вместе с Нкайной с утра до ночи рубил деревья, расчищая землю для посева манса и маниоки. Касанда валил деревья быстрее всех. Когда топор его слишком нагревался от частых ударов, он брал другой, и работа ни на минуту не прекращалась.

Батако знали, что сонная болезнь, приносимая мухой цеце, проявляется через несколько недель, и со страхом думали об этом. Человек, заболевший сонной болезнью, обречен. Несколько лет назад соседнее племя целиком вымерло от сонной болезни. И батако могла постичь та же участь. Остаться здесь было опасно.

Вновь избранный вождь Мпеси не отличался ни умом, ни храбростью и не знал, что предпринять. Он послал Касанду и Нкайну, который должен был скоро стать воином, посмотреть, не ушли ли белые с их земли.

Лишь к вечеру второго дня добрались Касанда с Нкайной до родных мест. Они перелочевали в дупле большой кайи, выгнав оттуда змею габуну, и рано утром осторожно добрались к опушке леса. Там, где когда-то стояло их селение, сейчас не было ни пальм, ни хижин. Лишь по-прежнему белели палатки. Около леса ходили огромные хумба-хумба с погонщиками на спине. Слоны поднимали тяжелые стволы деревьев, которые валили африканцы, и относили их в центр поля.

Братья молча пошли обратно. Племя никогда больше не вернется сюда: хитрые белые прочно завладели их землей.

Альбер Сантегю, вербовщик рабочей силы горнорудной корпорации, четвертый день вместе с тремя солдатами пробирался через лес к новому селению батако. Сантегю был человек железного здоровья. Больше двадцати лет занимался он вербовкой, с тех самых пор, как ему удалось ускользнуть из рук сыскной полиции на родине, в Антверпене. Впрочем, имя его звучало тогда несколько иначе, но до этого сейчас никому не было дела: Сантегю был хорошим вербовщиком. Он забирался в такую глушь, куда еще не проникали другие. Компания требовала все больше и больше рабочих, особенно для урановых рудников в Тинковелью.

Сантегю истекал потом. Вокруг него поднималась стена экваториального леса. В горячем зеленом сумраке полыхали цветы — красные, розовые, синие, желтые, вверх и вниз, на пнях, корнях и стволах поваленных гигантов. Воздух был полон их ароматом, перемешанным с тяжелым запахом гнили. Под ногами лежал метровый слой опавших листьев. Ноги глубоко вдавливались в этот ковер, под которым скрывались иногда болотца и топи. Сантегю шагал под неумолчный птичий концерт. С ветвей постоянно доносился треск, стрекот и скрежет, издаваемый миллионами насекомых. Иногда звук этот всплескивался с огромной силой. Слышался ровный странный звук — гудение, скрип. Это мириады невидимых насекомых грызли, пережевывали мертвые листья, стволы и падаля. Ни минуты тишины в необъятном зеленом океане.

Сантегю отпугнул криком маленького лесного крокодила. Крокодил юркнул в болотце. Сумрак сгущался, хотя солнце, заволакиваемое тучами, подходило к зениту. Скоро совсем стемнело. Сантегю не удивился. Такое бывает здесь два раза в день. В воздухе чувствовалась какая-то неясная тревога. Все вокруг притихло, смолк звонкий птичий хор, прекратились крики обезьян. В полной темноте Сантегю остановил свой маленький отряд, приказал развернуть палатку. Едва они это сделали, как колоссальной силы удар потряс лес, и ослепительный белый свет метнулся по черным зарослям. Темное небо вспыхнуло огненными ломаными трещинами. На заросли опрокинулся океан воды. Вода ломала вет-

ви, сбивала листья, заполняла низины. В белых вспышках, пронизывающих лес, видны были серебряные листья, серебряные колонны стволов, серебряные столбы воды.

Внезапно поток иссяк. Сантегью взглянул на часы. Ровно двадцать минут! Все кончилось! Слышен только ровный скрежещущий, стрекочущий звук. Это миллионы насекомых вновь бросились уничтожать все, что упало и умерло.

Сантегью приказал сложить палатку, выковырял из кожи ладони двух впившихся клещей, сбросил с сапога десяток пнявок и, ступая по грязи, отправился в путь.

Утром он со своим отрядом вошел в селение у подножия Кедачумви, и то, что увидел, встревожило его.

Около хижины, под солнцем, лежали неподвижные, словно заснувшие люди. Сантегью хорошо знал эти широко открытые тусклые глаза, эти исхудалые тела, почти скелеты, больных сонной болезнью. Многие, сейчас еще здоровые с виду, уже носят в себе болезнь и не годны для работы. Дирекцию не проведешь, она не станет платить деньги за человека, который скоро умрет. Нужно было бы прийти сюда месяца два назад.

Не желая терять ни минуты, Сантегью пошел вождя племени, договорился с ним о вознаграждении за каждого завербованного. Собрать жителей селения было не нужно — они пришли сами. Сантегью обратился к батако с речью на их языке кингвана, стараясь расположить к себе слушателей.

— С вами поступили несправедливо, — говорил он, — и вы должны жаловаться. Я знаю, батако жили на этой земле с тех пор, как великий Чамбе создал мир. Когда я приеду в столицу, я все расскажу там. Вам вернут землю. Только это будет не скоро. А сейчас, кто хочет отправиться работать на рудник, пусть подойдет ко мне. На руднике работают только утром, пока не жарко. Каждый получает отдельную большую хижину, сделанную из камня. Всем дают много сорго, маниоки, и мяса, и, конечно, деньги. У вас будет вот такое пагне, как у меня. — Он показал на свои брюки, и многие слушатели заулыбались и одобрительно закивали головами. — Вы можете взять с собой ваши семьи. Вас повезут туда на машинах, но вы должны дойти до Книму.

Последние слова вызвали некоторое разочарование.

Идти месяц через экваториальный лес до Кинму, города на берегу Великой реки, тяжело. И все же половина мужчин решила попытать счастья.

Касанда стоял рядом с вербовщиком, стараясь не пропустить ни одного слова. Он был взволнован. Вот когда он посмотрит мир, о котором пока только слышал! А пройти через необъятный лес — не то что бродить вокруг деревни. Это будет интересный поход. Никто не знает, что встретят они в пути, каких людей и зверей, сколько придется испытать приключений. Может быть, они увидят даже великанов, о которых говорил Имбонбо Длинный Язык. Никто из соплеменников не пересекал еще лес. Касанде хотелось совершить это заманчивое путешествие.

Когда Сантегью начал запись, Касанда первый подошел к нему.

Каждый из завербованных поставил отпечаток пальца на общем контракте. Никто из батако не умел читать. По контракту завербованный обязывался отработать в рудниках горнорудной корпорации пять лет. Договор этот скрепил вождь племени, приложив к нему большой палец, смазанный чернилами. Касанда, обративший на себя внимание Сантегью, получил копию этого документа. Он должен был вручить его агенту компании в Кинму. А дальше обо всем позаботится компания.

Батако сейчас не имели лодок, и поэтому не могли воспользоваться рекой. Нужно было идти, избрав кратчайшее расстояние.

Касанда сообщил матери и Нкайне, что он берет их с собой на рудник.

Через три дня ранним утром около двухсот человек выступили в поход. Вместе с мужчинами отправились и их семьи. По обычаю, для удачи посыпали на тропу немного муки и хлебных крошек. Отряд растянулся цепочкой и двинулся на юго-запад. Густой утренний туман скрывал только что появившееся солнце. Кусты и древовидные папоротники были покрыты крупными каплями росы. Касанда как обладатель важной бумаги, выданной вербовщиком, был старшим в отряде и немало гордился этим. Он шел впереди.

Сначала двигались по тропинке, проложенной племенем. Слева и справа — озерца и лужи, заросшие яр-

кими цветами. Иногда попадались трясинны, то черные, пузырящиеся и покрытые зеленой ряской, то заросшие сочной изумрудной травой. Горе тому, кто не заметит западни! Засосет трясина человека.

Постепенно болот стало меньше, лес стал гуще, на-двинулся со всех сторон, могучий, оплетенный лианами. Плотные кроны почти не пропускали света. Над под-леском к солнцу поднимались четыре этажа деревьев. Лишь самым высоким из них — семидесятиметровым великанам — уже ничто не мешало пользоваться солн-цем. Внизу диковинные деревья воевали друг с другом за свет и пространство. Смоковницы-«душители» спле-тали свои ветви с ветвями соседей и медленно умерщв-ляли их. Огромные лианы в ногу толчиной обвивались вокруг деревьев, сжимая их в смертельных объятиях. В этом вихре зелени шел настоящий бой за жизнь.

Касанда шел впереди, тяжелым топором прорубая дорогу. Деревья становились все мощнее. Воздушные корни загораживали путь. Приходилось протискиваться между ними. Постепенно стена зелени стала почти сплошной. Истекая потом, Касанда рубил и рубил, мед-ленно двигаясь по дну зеленого океана на юго-запад.

За час до ливня остановились на отдых, чтобы успеть приготовить обед. Едва закончили есть, как со-всем стемнело. Хлынули ужасающие потоки воды. От удара грома все вздрогнули. Нестерпимо яркая мол-ния где-то рядом поразила огромную кайю. Кайя пова-лилась с шумом и грохотом, ломая более мелкие де-ревья, обрывая лианы. Туча птиц поднялась в воздух. В путанице лиан появились, словно души умерших, хо-лодные голубые шары. Они медленно скользили среди воющей, грохочущей, беснующейся стихии, меж ин-вергающихся, ломающих все на своем пути, мощных по-токов воды, огняя лианы, ветви, стволы.

Все попрятались, закрылись шкурами, тюками. Смер-тоносные шары проплыли над затаившимися, шепчу-щими молитвы людьми. И вдруг всплеск ослепительно-го синего пламени. Взрыв потряс, оглушил людей, сло-мал, кинул в сторону, срезав на корню, столетнее дере-во... Грохот, треск ломаемых ветвей и стволов, вопли испуганных обезьян, прыгающих на соседние деревья.

Касанда с интересом смотрел из-под шкуры буйвола на ярость и неистовую силу разбушевавшейся стихии.

Могучая молния, могучая вода, могучий таинственный синий шар.

Тучи ушли, и вновь в высоте среди ветвей засверкало солнце, запели птицы, деловито застучал дятел.

День за днем шел отряд сквозь буйный, благоухающий цветами и смердящий падалью и гнилью великий лес. С верхних этажей слышался оглушительный птичий концерт, между деревьями величественно проплывали, мерцали в неровном свете ярко-красные, темно-синие, желтые облака огромных бабочек. Иногда с ветвей на отряд смотрели круглые глаза леопарда.

Все шло хорошо, пока однажды не пришло первое несчастье. Заболел Нкайна. Утром он не мог подняться. Касанда понял: сонная болезнь. Нкайна дрожал. Лицо его кривилось в гримасах боли. Он смотрел на Касанду, стараясь найти в глазах брата утешение. Может быть, все пройдет? Но Касанда не хотел лгать. Он знал: Нкайна обречен, и никто не поможет ему теперь. Набетуну стояла рядом. По ее морщинистому лицу катились слезы.

Когда отряд собрался выходить, Нкайна сделал отчаянную попытку встать на ноги и не смог. Глаза его смотрели на брата: неужели его оставят в лесу одного? Набетуну тоже глядела на Касанду: ведь он, командир отряда, не бросит брата на съедение зверям?

Но Касанда и не собирался оставлять брата. Он принялся за дело: вырезал из шкуры буйвола широкий ремень, спил его концы, затем, повесив ремень через плечо, посадил в него брата, так что Нкайна оказался у него за спиной. Касанде пришлось нести, кроме того, еще оружие и шкуры. Но он был сильным. Он мог нести еще столько же.

Батако питались побегами бамбука, листьями и плодами. Иногда удавалось подстрелить больших, похожих на кур птиц, обезьяну или антилопу. Но охотиться было некогда, хотя лес кишел зверями и птицами. Люди шли целыми днями, почти не останавливаясь.

На восьмой день пути решили отдохнуть. Взяв лук и копье, Касанда отправился на охоту. Мпутум весело бежал впереди, закрутив рыжий хвост и высунув от жары язык. Сквозь толщу ветвей на дно зеленого океана

пробивались солнечные лучи. Деревья заросли мхом и зеленой слизью. Касанда шел, вглядываясь в заросли. На пне, освещенном солнцем, шевелился клубок змей. По стволу поднимался огромный питон, расписанный золотыми иероглифами.

Касанда ступил на цветущую маленькую полянку и вдруг почувствовал, что проваливается в теплую жидкую грязь. Встревоженные жабы выскакивали на берег. Серая змейка с шипением уползла в заросли. Падая, Касанда ухватился за спускающуюся к земле петлю лианы. С большим трудом он вытянул тело из трясины, подняв на себе тонну жидкой грязи. Касанда долго сбрасывал с себя пиявок.

Теперь он стал осматривать каждый клочок земли, прежде чем ступить на него. Бежавшая впереди собака остановилась, глухо зарычала. Шерсть на ней встала дыбом. В нескольких шагах Касанда увидел огромного черного нжину* — «лесного человека». Он стоял на коротких ногах, держась одной рукой за ветвь, другой упираясь в землю, и смотрел на Касанду тяжелым, злым взглядом.

Касанда попятился. Эти огромные волосатые руки могли разорвать человека на части, сломать его, как тростинку. Благоразумнее было бы отступить. Но пыл охотника толкал Касанду на бой. Да и нельзя было упускать такого зверя. Касанда сделал шаг вперед и пустил стрелу. Она до половины вонзилась в грудь зверя. Нжина заревел, сломал конец стрелы и бросился на Касанду. Касанда взмахнул копьем, но рука зверя молниеносным движением схватила древко оружия, а другая протянулась к охотнику. Раздался лай, и рыжий рычащий комок вцепился в кривую ногу нжины. Нжина резко повернулся, выпустив оружие, и отшвырнул собаку. В это же мгновение Касанда ударил его копьем. Зверь грохнулся на землю с оглушительным ревом. Рассвирепевший Мпутум стал рвать его зубами. Но нжина лежал неподвижно: он был мертв.

Касанда поднял свою добычу, весившую не менее двух рослых мужчин, и пошел к стоянке. Когда он появился в лагере, люди встали и молча смотрели на него. В их глазах Касанда прочел вопрос: как поступит

* Н ж и н а — горилла.

он со своей добычей? Касанда положил зверя на землю, неторопливо вытер листом потное лицо и, повернувшись к племени, громко сказал:

— Пусть разрубят мясо. Каждый получит свою долю.

К вечеру, когда собрались все, обнаружилось, что один охотник не вернулся. Утром его пытались разыскать, но человек исчез бесследно. Только джунгли знали о его судьбе.

3

В отряде, день за днем двигавшемся на юго-запад, все больше и больше появлялось больных сонной болезнью. Они пытались идти с отрядом, но для них уже не было спасения. Страшная болезнь, попавшая в кровь, медленно убивала их. И постепенно один за другим они отставали, садились отдохнуть и уже не догоняли отряд.

Касанда упорно вел свой отряд, стараясь быстрее вывести людей из великого леса. Теперь они двигались по старой полузаросшей тропе. В течение столетий, стех пор как белые появились в Стране Живой Воды, по этой тропе работорговцы вели караваны своих чернокожих пленников к морю. То там, то здесь белели человеческие кости, лежали ржавые остатки кандалов. Люди бросали косые взгляды на останки своих предков и прибавляли шаг.

На четырнадцатый день пути отряд добрался до реки, текущей на запад. Люди пошли вдоль песчаного берега, отыскивая брод. По течению плыли зеленые острова плавучих растений. Сросшиеся корнями папирусы и амбач образовали плотные площадки, способные выдерживать тяжесть человека. Большие фламинго разгуливали по плавучим полянкам.

Касанда, шедший впереди, заметил звериную тропу.

— Хумба-хумба прошел недавно, — сказал он, указывая на большие круглые следы слона. — Надо догнать. Отряду нужно мясо.

Касанда пошевелил плечами, усаживая на место сползавшего с ремня Икайну, и оглядел осунувшиеся лица людей: он хотел убедиться, готовы ли они вступить в бой с таким огромным зверем. Воины молча смотрели на Касанду. Охота на хумбу-хумбу таила в себе боль-

шую опасность, но Касаанда знал — ни один из воинов не скажет, что он боится.

— Пусть сорок охотников оставят здесь все свои вещи, кроме оружия, — проговорил Касаанда. — Мы догоним хумбу-хумбу. Ветер дует в нашу сторону, и мы подойдем к нему близко. Остальные пойдут вслед за нами.

Спустя несколько минут они бежали по следам слона с копьями в руках. Когда солнце склонялось к вершинам деревьев, Касаанда подал знак остановиться. Впереди на небольшой поляне стоял огромный хумба-хумба с кривыми розовыми бивнями и, обрывая хоботом плоды лнаны инбоунга, отправлял их в рот. Пережевывая плоды, он пыхтел от удовольствия, щурил маленькие глазки и медленно раскачивался.

— Хумба-хумба, отбившийся от стада, очень злой, — прошептал охотник по имени Нгава. В глазах его был страх.

— Надо выбрать место для боя, — сказал Касаанда, не обращая внимания на слова Нгавы. — Когда много больших деревьев, легче уклоняться от ударов. Пусть половина охотников обойдет хумбу-хумбу и гонит его сюда.

Пока одни охотники обходили слона, другие стали забираться на деревья. Касаанда рассердился и знаками потребовал, чтобы часть из них спустилась на землю. Нельзя выпускать зверя из живого кольца.

4

Вскоре послышались крики загонщиков. Слон двигался медленно, настороженно осматриваясь. Ни один сучок не хрустнул под его огромными ногами.

Когда слон оказался под высоким деревом, на ветвях которого притаились охотники, в его большую спину вонзилось несколько стрел. Хумба-хумба грозно затрубил и, подняв тяжелый хобот, бросился на охотника, высунувшего из-за дерева курчавую голову. Тот помчался, петляя между деревьями. Хумба-хумба то и дело застревал между стволами. Стрелы сыпались на него и сверху и снизу, но он упорно преследовал намеченную жертву, не обращая внимания на других. Касаанда стоял за стволом смоковницы, сжимая длинное копье из сандалового дерева, и готовился нанести удар. Нуж-

но было вплотную подойти к зверю и вонзить в него копье как можно глубже.

Из-за ствола дерева выскочил Нгава и ударил пробежавшего мимо него слона копьем. Но, видно, ослабела рука Нгавы: копье лишь скользнуло по ребру животного. Хумба-хумба обернулся так быстро, что Нгава не успел даже отпрыгнуть. Тяжелый хобот свалил его с ног, и серая гора пронеслась над ним. Почти в то же мгновение рядом с хумбой-хумбой вырос Касанда. Взмах, и копье глубоко ушло в большое тело зверя. Касанда рванул копье, расширяя зазубренным наконечником рану. В этот момент многоопытный Имбонбо спокойно вышел из-за дерева и рубанул слона длинным ножом по сухожилиям задних ног. Слон, издав глухой стон, сел. Охотники окружили его. Через несколько минут все было кончено.

Голодные люди принялись резать тугое мясо. Касанда, опираясь на копье, молча смотрел на возвышавшуюся перед ним гору пищи. Теперь хватит ее до конца пути. Жаль только, что Икайла уже не может есть.

Люди ходили вокруг поверженного слона, выбирая лучшие куски, разводили костры.

Касанда тоже стал готовить обед. Он вырезал кусок толстого зеленого бамбука, налил туда воды и положил мясо. Пока в бамбуковом сосуде есть вода, он не загорится на костре...

Один из охотников предостерегающе вскрикнул. Касанда увидел маленьких людей, вышедших на поляну. В руках у пигмеев были луки и стрелы. Они ожесточенно кричали. Касанда знал, что стрелы пигмеев отравлены. Он встал и, не взяв оружия, пошел с несколькими охотниками навстречу маленьким людям. В кустах он заметил много прячущихся воинов. Их лица были возбуждены. Натянув луки, пигмеи целились в подходи́вших. В любой момент отравленная стрела могла вопзвиться в грудь Касанды или его товарищей. Он шел неторопливо, стараясь не показывать страха. Воины Касанды шли за ним, сбившись в плотную группу.

Касанда остановился перед пришельцами. У пигмеев была светло-красная кожа и на груди росли мелкие пучки рыжеватых выющихся волос. На курчавых головах ото лба к затылку выбрито по три узкие полосы. На кисти левой руки у каждого между указательным и боль-

шим пальцами — кожаный мешочек для защиты от случайного ранения отравленной стрелой при натяжении лука.

— Вы убили хумбу-хумбу на нашей земле, — сказал маленький человек, по-видимому, их вождь. — Он поэтому наш.

— Хумба-хумба убил двух моих воинов, — ответил Касанда. — Он пришел сюда с реки. Там не ваша земля.

— Все, что находится в нашем лесу, принадлежит нам, — заявил маленький человек.

Касанда подумал, что столкновение не сулит его племени ничего хорошего, и сказал:

— Если зверь принадлежит вам, то вы должны заплатить нам за работу, так как мы охотились за ним целый день. Возьмите бивни и отдайте нам тушу.

Уступчивость Ксанды смягчила маленького человека. Он подумал немного и ответил:

— Нам тоже нужно мясо. Мы даем вам половину туши.

Согласие было достигнуто.

Маленькие люди ушли, когда стемнело, унося свою долю мяса.

Ночь охотники провели у костров. Остальная часть отряда пришла утром. Набетуну едва двигалась. За эти дни она состарилась на несколько лет. Икайну, который теперь стал совсем легким, принесли четыре человека. Они сделали это из уважения к своему начальнику.

Но собака Ксанды не пришла с ними: ее съели ночью, воспользовавшись отсутствием хозяина.

5

На двадцать шестой день пути в полдень племя вышло к Великой реке. С высоких холмов люди смотрели на широкий поток, пробивавший себе путь в белом скальном ложе, с наслаждением ощущали на лицах дуновение прохладного ветерка. Эти мутные, коричневые воды означали конец тяжелому пути через лес. Впереди их ждала новая, неизведанная еще жизнь.

Касанда стоял, прислонившись к дереву. Он был теперь один. Два дня назад во время перехода Набетуну упала и больше не встала. Касанда долго сидел около нее. Потом, поняв, что это конец, закопал тело и зало-

жил могилу камнями. И за четыре дня до этого скончался Нкайна.

Касанда тяжело было вспоминать, что в последние дни он, занятый отрядом, почти не заботился о матери. Но мать в эти последние дни думала лишь о нем. Когда Набетуну упала там, в лесу, слабейшей рукой достала она из кожаного мешочка и молча отдала Касанде маленькую монету — все, что осталось у нее от долгой трудовой жизни. Касанда не мог простить себе, что он, усталый, кричал на больного Нкайну, который ворочался за спиной, мешая ему идти. Но горевать было некогда. Путь еще не окончен. Касанда осмотрел отряд. Из двухсот с лишним человек, выступивших в поход, осталось меньше половины. Ни детей, ни стариков — все они лежали там, в лесу.

Касанда стал спускаться к реке. За ним двинулись остальные. К вечеру отряд вошел в Кинму. Большой крааль поразил Касанду. По пыльным узким улицам мчались сверкающие лаком машины, о которых он раньше только слышал. Одна из них едва не наехала на него. Касанда еле успел отпрыгнуть в сторону.

Вскоре они предстали перед пожилым агентом, с рыжими усиками, а через два часа были уже в поезде.

Рано утром показался город. Касанда смотрел как зачарованный на белую от пены реку, мчавшую в глубоком ущелье свои воды. Река ревела и грохотала. Зажатая с боков мрачными серыми скалами, она мчалась по пробитому в граните крутому ложу, прыгая через камни и взметая брызги в лучах утреннего солнца. Касанда не слышал, что кричал ему сосед, указывавший вниз, в узкое ущелье.

От города ехали на баржах, потом снова на поезде и наконец на грузовиках. Машины шли по скучной, однообразной саванне, покрытой сухой, выжженной солнцем травой. Несколько раз грузовики останавливали вооруженные люди, и агенты компании предъявляли им пропуска. Солдаты пересчитывали сидевших в грузовиках африканцев.

Было за полдень, когда они въехали в ворота лагеря, обнесенного колючей проволокой.

На огромной территории рядами стояли бараки. Машины остановились у огороженного высоким забором карантина.

Вновь прибывших встретил пожилой неприветливый африканец. Он повел их к длинному темному барaku с единственным выходом, служившим одновременно и окном.

Появился доктор-европеец в белом халате и сел за стол под навесом. Фельдшер-африканец поставил на стол микроскоп.

— Доктор, доктор! — шептали африканцы, с опаской поглядывая на белого. Фельдшер, усевшись за стол, открыл толстую книгу. Доктор подозвал одного из прибывших, сделал прокол на его пальце, снял каплю крови и стал рассматривать ее в микроскоп. Он одобрительно кивнул, фельдшер записал имя прибывшего в книгу. Африканец приложил палец, смоченный в чернилах, против своей строчки. Фельдшер сообщил ему, что он принят на работу в рудники горнорудной корпорации.

Иногда, глядя в микроскоп, доктор неодобрительно качал головой. Фельдшер ставил людей, вызвавших неудовольствие доктора, в отдельную группу. Они не прикладывали палец к толстой книге и робко ожидали решения своей судьбы. В их числе оказался и Имбонбо Длинный Язык.

Касандой доктор остался доволен. Он весело похлопал его по плечу, попробовал упругость больших бицепсов. Касанда почувствовал к доктору симпатию и, осмелев, спросил:

— А нам дадут хижины, такие, как у белых? Бвана вербовщик обещал, как только мы приедем сюда, нам каждому дадут по такой хижине.

Услышав эти слова, все насторожились, но доктор лишь махнул рукой и не ответил.

Осмотр окончился. Припыхавших на работу повели в бараки карантина. Остальным фельдшер объявил, что у них сонная болезнь и компания не будет заключать с ними контракт. Их отвезут на машине в больницу. Они могут не беспокоиться, там никто не сделает им плохого.

Когда грузовик с больными остановился в огороженной невысоким забором зоне, Имбонбо осмотрелся и все понял. Их привезли сюда умирать. Он уже видел однажды такую зону. Здесь были собраны больные сонной болезнью, чтобы они не передавали заразу другим. Если

муха цеце укусит такого больного, находящегося среди здоровых, она заразит еще десятерых.

— Уходить из зоны запрещается. Кормить будут, — сказал на прощание рудничный фельдшер.

Имбонбо прошелся по зоне. Здесь жила смерть. Больные сидели, лежали, ползли куда-то в бреду. Многие спали. Вокруг кишели крысы, мухи. У одного больного муравьи съели плечо до кости. Он спал. Некоторые, видимо, уже умерли. Двое конголезцев несли на носилках труп женщины. Больных никто не лечил. Лекарства были слишком дороги. Единственный фельдшер раздавал пищу.

Имбонбо стал строить шалаш. Пока были силы. Бежать некуда. Да и зачем? Через полгода все кончится.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Давно уже работал Касанда на урановом руднике в Тинковелью. С утра до ночи бросал он лопатой черно-зеленую землю — уранинит — на ленту транспортера, и тело его всегда ныло от непосильного труда. Но здесь было еще не плохо. Те из соплеменников, которые работали на обогатительной фабрике, ходили уже словно тени. Уранинит причинял страдания и смерть тем, кто с ним близко соприкасался.

Все работавшие с Касандой боялись своего надсмотрщика Ксири — парня с берегов озера Тиву, вечно пьяного, драчуна и подхалима, — и старались задобрить его подарками. Ксири брал их с величайшим пренебрежением. Лишь Касанда не дарил ничего. Он даже осмеливался задавать Ксири разные вопросы, словно равный равному.

Как только Касанда появился на руднике, он прежде всего осведомился у Ксири, не знает ли господин надсмотрщик, когда им дадут по каменной хижине, как обещал вербовщик.

Ксири даже подумал, что Касанда издевается над ним. Но рабочий смотрел на него так серьезно, что

надсмотрщик решил: парень не в своем уме. Когда их взгляды встречались, Касанда никогда не опускал глаз, как это делали другие. Он был уверен, что Ксри любит его за усердную работу: ведь он никогда не сидел без дела. А у Ксри чесались руки «проучить» Касанду, так как он подозревал, и не без основания, что остальные рабочие думают, что он побаивается Касанды. Он и действительно не решался ударить черного Геркулеса. Могучие руки с огромными узловатыми мышцами невольно внушали ему уважение.

Надсмотрщик придирался к Касанде за каждый пустяк, ставил его на самые тяжелые работы. И Касанда постепенно возненавидел своего мучителя. Их взаимная неприязнь росла с каждым днем. Однажды, когда Ксри, усмехаясь, заставил Касанду разбивать в обеденное время большой камень, Касанда возмутился и отказался выполнять ненужную работу.

Рабочие смотрели на них, и Ксри почувствовал, что, если он не предпримет решительных мер по подавлению мятежа, авторитет его рухнет. Оскалив зубы, он шагнул к Касанде и хлестнул его плетью по лицу. Касанда понявился, зацепился за ком земли, упал. Плеть Ксри засвистела над ним. Вся злость надсмотрщика против непокорного рабочего излилась в этих ударах.

Оглушенный вначале неожиданным нападением, Касанда пришел в бешенство. Он вскочил, и его кувалда мелькнула в воздухе. Не успей Ксри вовремя отскокить, голова его была бы разбита.

Прибежали охранники. Но разъяренный Касанда не хотел сдаваться. Он выбил кувалдой винтовку из рук одного из них. Опрокинул кулаком другого. Но Ксри кинул в глаза Касанды горсть песка. Охранники сбили его с ног, упали на землю вместе с ним. Справиться даже с ослепленным Касандой было не просто. Один из противников от удара ногой вылетел в воздух из кучи тел. Второй хрипел, схваченный за горло железной рукой. Но тут к охранникам подоспели свежие силы. Они били Касанду ногами, прикладами, пока он не перестал двигаться.

— Будет уважать теперь надсмотрщика, — сказал Ксри.

Добыча руды шла открытым способом. С утра до ночи вгрызались люди в землю, расширяя и углубляя огромный котлован. Рабочих-европейцев было немного. Они работали на машинах, жили в отдельном поселке, получали в десять раз больше, чем африканцы. И даже те немногие местные жители, которым выпала редкая удача стать машинистами, механиками, получали гораздо меньше европейцев.

В бараке Касаанды появился коренастый африканец лет тридцати. Это был слесарь по ремонту рудничных механизмов. Он показался Касанде озлобленным человеком. Но первое впечатление скоро рассеялось. Анака — так звали слесаря — оказался приветливым и разговорчивым парнем. Он не был похож на большинство горняков — неграмотных, не видевших ничего, кроме рудника и своей деревни. Анака бывал в далеких городах и даже мог говорить и читать по-французски. Однажды в воскресенье в руках Анаки появилась газета. Целый час он читал ее, и Касанда смотрел на него с благоговением.

— И вы все понимаете? — Касанда не мог заставить себя сказать ученому человеку «ты».

Анака улыбнулся, заметив эту перемену.

— Я учился в школе. — И он рассказал Касанде, о чем пишут газеты. — Африканцы воюют сейчас за свободу, за изгнание плантаторов, их солдат и полицейских. За то, чтобы отнять у капиталистов фабрики, заводы и вот эти урановые рудники, отдать все народу. Но мзунгу не хотят уходить и привезли новых солдат. Идут жестокие бои.

— Бои? А мы здесь работаем на мзунгу, — сказал Касанда зло. — Выходит, мы против народа?

Анака внимательно посмотрел на него и ничего не ответил.

Касанда часто задумывался. Почему они покорно подчиняются завоевателям, которых уже выгнали из многих городов? Почему он сам целыми днями добывает для них руду? Почему не убежит? Может быть, по-

встанцам нужна его помощь? Беглецов, правда, ловят и наказывают «за нарушение контракта», но разве он, Касанда, трус?

Ксири замечал на себе пристальные, стеретущие взгляды Касанды. Тревогу надсмотрщика усиливало и то, что рабочие часто шептались и загадочно поглядывали на него.

Как-то вечером Ксири отправился в «черный городок». Было темно. Сквозь рваные низкие тучи светили звезды. Ксири шел по безлюдному полю, думая о горячем ужине.

От резкого крика он остановился. В двух шагах от него стоял Касанда. С земли поднялось еще несколько человек.

Ксири не мог бежать, страх сковал его ноги. Сзади раздалась крадущиеся шаги. Ксири хотел обернуться, но в этот момент кто-то сжал ему руки и грубая ладонь зажала рот. Люди подняли его и понесли. Ксири старался вырваться, но сильные руки крепко держали его. Минут через десять люди остановились и бросили Ксири на землю.

— Ты узнал нас? — спросил Касанда. — Мы хотим поговорить с тобой. Ты продался врагам, ты бьешь своих братьев. Завтра ты уже никого не будешь бить.

Ксири поднялся. Он стоял в кругу молчаливых, мрачных людей. Двое рабочих копали в стороне могилу. В тишине был слышен лязг лопат о землю. Безразличные ко всему звезды смотрели с высоты.

— У меня трое детей, — сказал тихо Ксири. — Они умрут без меня. — И он вдруг заплакал. Он не знал жалости к другим и не очень рассчитывал на нее.

Рабочие кончили копать.

Два человека, схватив Ксири за руки, подвели его к яме.

— Ложись, — сказал один из рабочих. — На траве останется твоя кровь. Тебя будут искать.

Ксири в ужасе попятился от могилы. Он несвязно заговорил, глотая слезы:

— Касанда, Гвара, да благословят вас предки... дети умрут... Касанда!..

— Испугался! — сказал один из рабочих.

Касанда чувствовал в глубине души отвращение к тому, что они собирались сделать. Его злоба прошла.

Унижение Ксири вызывало в нем лишь презрение. Не он был виной тому, что происходило на руднике. Кроме того, завтра, а может быть, даже сегодня охрана станет искать Ксири, и начнутся аресты. Самое же главное, им сразу дадут нового надсмотрщика. Но Касанда не хотел проявлять слабости в присутствии товарищей.

А Ксири все молил о пощаде. Касанда видел, что сомнения овладели и другими.

— Может быть, он больше не будет драться? — сказал нерешительно Гвара — самый молодой из них.

Рабочие стали шептаться. Увидев это, Ксири начал причитать еще жалобнее. Рабочие окружили надсмотрщика.

— Мы решили тебя убить, — сказал Касанда.

Ксири вырвался из державших его рук и упал, обхватив ноги Ксанды. Касанда не шевельнулся и продолжал:

— Но если ты обещаешь...

Ксири сел, задыхаясь от охвативших его чувств.

— ...если ты поклянешься своей матерью, что никому не скажешь о сегодняшнем вечере и не будешь прислуживаться перед начальством и бить рабочих, мы отпустим тебя.

— Клянусь матерью, — тихо проговорил Ксири. — Если я нарушу свое слово, пусть эта клятва убьет меня!

Он лег на землю и заплакал тихими, счастливыми слезами, так, как плакал давно-давно, в детстве.

— Если донесешь, пощады не жди. Кроме нас, есть и другие. Закопай свою могилу.

И они ушли. А Ксири еще долго лежал у ямы, обессиленный и потрясенный.

Как-то вечером, окончив работу, Касанда забыл у транспортера лопату. Администрация удерживала стоимость пропавшего инструмента. Пришлось вернуться. Проходя мимо землечерпалок, Касанда наткнулся на троих рабочих, которые что-то делали, взобравшись на машины. Заметив его, рабочие убежали.

Что они натворили? Почему убежали? Касанда узнал африканцев из соседней бригады. Среди них

был и слесарь Анака, тот самый, что рассказал ему о войне в Конго, о белых наемниках. Уже выходя из котлована, Касанда столкнулся с охранником — старым плюгавым доносчиком. А утром он узнал, что землечерпалки были поломаны. Новый надсмотрщик (Ксипри перестал драться, и его сделали землекопом), таинственно улыбаясь, послал Касанду за инструментом.

Ничего не подозревая, Касанда вошел в темное здание склада и увидел перед собой четверых вооруженных охранников. Касанду отвели к самому директору рудника мсье Лавинье.

В кабинете стоял плюгавый охранник и что-то тихо говорил директору.

— Ты зачем поломал землечерпалки? — спросил Лавинье Касанду, не давая ему опомниться.

Касанда отказывался, но плюгавый настаивал, что видел его около механизмов.

На допросе в особом отделе полиции Касанда не выдал ни Анаки, ни его друзей.

Касанду отвели в тюрьму. На руднике был свой способ отделяться от неугодных африканцев. Сажали в тюрьму, не давали есть или кормили очень редко. Рано или поздно человек умирал.

В маленькой камере было темно. Когда дверь за Касандой закрылась, в темноте кто-то зашевелился и спросил:

— Ты кто?

— Касанда... А ты?

— Я Мониа.

Мониа рассказал Касанде, что попал сюда за побег и драку с охранником.

Касанда опустился рядом на каменный пол.

— Возьми там, в углу, рогожу, — сказал Мониа, — на ней спал один, вчера умер... Поестъ нечего?

Под дверью, выходившей в коридор, была узенькая полоска света. Касанда принялся обследовать камеру, пытаясь найти трещину в стене или в полу и раскочевать камень. Он дотянулся руками до низкого потолка, стал ощупывать доски, лежавшие сверху на прямоугольных балках. Он попросил Мониа помочь ему.

— Напрасно тратишь силы, — сказал устало Мониа. — Тот, который умер вчера, тоже пытался.

— Давай еще попробуем.

Мониа встал на четвереньки. Он делал так уже не раз, помогая тому, умершему, дотянуться до потолка.

— Становись мне на спину. Тише, я совсем ослаб.

Мониа закричал и едва не упал под тяжестью Касанды.

Касанда долго возился, ощупывая потолок. Мониа давал ему советы. Наконец Касанда нашел зазор между бревном и досками.

Когда полоска света под дверью погасла, Касанда, снова встав на спину Мониа, засунул пальцы в найденную им щель. Повиснув на руках, Касанда поднял вверх ноги, уперся ими в доску и начал ударять в нее пяткой, пока доска не подавалась слегка. Увлечшись, он сорвался и ударился спиной. Касанда долго лежал, не в силах шевельнуться от боли. Но через час он пришел в себя и повторил свои попытки. Теперь щель была шире. Касанда крепко ухватился за прямоугольную балку и, стараясь не очень сильно шуметь, долго бил пяткой в доску. В лицо летела пыль. Доска скрипела, но понемногу подавалась вверх.

Касанда протиснул тело в образовавшееся отверстие и оказался на чердаке. Он долго напряженно прислушивался. Ни звука не долетало снаружи.

Касанда опустил вниз руку, поднял Мониа на чердак. Затем осторожно выглянул из окошка. Завернувшись в одеяло, часовой спал, привалившись к дереву.

Когда Касанда и Мониа вылезли на крышу, им показалось, что железо под ними громыкает на весь рудник. Но часовой не шевелился.

Спрыгнув на землю, они побежали к колючей изгороди. Касанда пролез благополучно, но Мониа зацепился рубашкой за проволоку и не мог освободиться. С вышки раздался крик часового, залаяли собаки. Касанда дернул Мониа за руку, и они бросились в саванну.

Касанда и Мониа бежали, пробираясь в высокой, покрытой холодной росой траве. Изредка они останавливались и прислушивались. Мониа скоро ослабел, и Касанда тащил его за руку.

Над далеким горизонтом поднялась луна, залила саванну голубоватым светом. Касанда увидел измученное лицо Мониа. Спутник не мог больше бежать. Решили отдохнуть.

— Нужно добраться до леса, — сказал Касанда.

— А далеко?

— Далеко.

В нескольких шагах от них раздалось рычание, и едва Касанда успел встать, как из травы выскочили три собаки. Одна из них бросилась ему на грудь. Зубы щелкнули у самого горла. Касанда отбросил пса кулаком с такой силой, что тот перевернулся в воздухе. Но две другие собаки кинулись на него одновременно. Касанда оступился, упал на спину, схватив собак за ошейники. Псы с рычанием вцепились ему в руки. Первая собака, оправившись от удара, снова бросилась на него, вцепилась ему в плечо.

— Мониа! — кричал Касанда, пытаюсь подняться с земли. — Мониа, где же ты?

Касанда услышал глухой звук удара и почувствовал, что одна из собак вздрогнула и обмякла. Он отбросил ее и увидел над собой фигуру Мониа с камнем в руке. Новый удар. Вторая собака упала в траву. Третья отскочила, принялась лаять.

Запустив в нее камнем, Касанда и Мониа побежали. Совсем близко послышался топот копыт. Показалась черная, поблескивающая полоса реки. Но всадники были уже близко. Впереди на длинной привязи бежали собаки. Заметив беглецов, преследователи открыли огонь, и Мониа упал. Касанда нагнулся над ним, поднял и побежал, пригибаясь к земле. Из рта Мониа текла кровь.

— Брось меня, умираю я... — прошептал Мониа. — Ты беги...

Мониа захрипел и затих. Касанда положил его тело на траву и побежал под уклон к реке. Когда до воды оставалось не более десяти шагов, всадники — четверо африканцев и один белый — догнали его. Крупная лошадь сбила Касанду. Но он тотчас вскочил и бросился в заросли камыша, стал пробиваться к воде. Напрасно стреляли преследователи. Заросли скрывали беглеца.

Касанда вышел к реке. Прямо к нему тянулась лунная дорожка. Поднимался легкий туман. Нужно было плыть. Но позади на берегу стерегли люди с ружьями. Касанда выломал кусок тростника и нырнул. Он плыл, пока не стало горячо в груди. Тогда, не поднимаясь на поверхность, он перевернулся на спину и, как часто это делал в детстве, пропихнул в рот сжатые губы

конец трубки. Выставив другой конец над водой, он с силой продул его и жадно вздохнул. Несколько раз он выходил к поверхности и вновь погружался в глубину.

Наконец Касаанда достиг противоположного берега. Здесь в камышах он осмотрелся. Далеко вверх и вниз по течению переправлялись через реку всадники с собаками, и Касаанда понял, что скрыться не удастся. За рекой простирается бескрайняя саванна. Собаки найдут его след, если он выйдет на берег, а сухие камыши преследователи подожгут. Каждая минута была дорога, и каждый неверный шаг мог стоить жизни.

Преследователи достигли середины реки. Что делать? И вдруг его осенила смелая мысль. Врагам и в голову не придет, что он, напуганный погоней, может вернуться обратно на ту сторону. Касаанда осмотрел противоположный берег: кажется, никого!

Касаанда нырнул и поплыл назад. Скоро он достиг берега. Врагов не было. На противоположной стороне в двух местах взметнулось желтое пламя. Значит, преследователи не знают, где он! Хотят поджарить его, ищут его там. Касаанда едва не захохотал от радости. Он выбрался на тропу в траве, по которой пришел к реке, и двинулся в обратный путь.

Пройдя некоторое расстояние, он раздвинул высокую траву. Осторожно ступая, он удалялся все дальше от тропы. Одежда его прилипла к телу. Было холодно. Но Касаанда ничего не замечал. Он был жив и свободен.

Пусть преследователи поищут его на той стороне! Может быть, они даже решат, что он сгорел! Нет, Касаанду не так-то просто убить! И они еще услышат о нем. Он найдет тех, кто борется за свободу его страны.

Под утро Касаанда снова вышел к берегу. Ветерок теребил седые космы тумана над рекой.

Касаанда прислушался. Из-под воды доносились нежные звуки флейты. Откуда музыка? О, понятно. Это пуйго — рыба-певунья. Невидимая рыба-флейта замолкала на несколько мгновений, и вновь раздавалась из-под воды тихая нежная мелодия.

Касаанда постоял немного, послушал, улыбаясь. Потом решительно вошел в реку, переплыл ее и направился к темневшему вдали лесу.

ПОЕДИНОК

1

Рафаэль Бонга проснулся от яростных вскриков и сопения борющихся людей. «Вербовщики!» Он вскочил, не раздумывая, решительно рванул низенькую потайную дверь хижины, вырезанную в стене у пола, и скользнул в черноту мокрых, залитых росой банановых зарослей.

Пригнувшись, припадая на правую ногу, он пробежал по холодной траве метров двести, замедлил шаги. Яркие звезды пристально смотрели на беглеца. Рафаэль шел, хромая, через поле. Вербовщики силой увели на алмазные рудники и плантации уже половину деревни. Они превратили бы и всех их в «контрактадо», в завербованных, но жители держали ухо остро.

Над лесом всплыл непомерно огромный месяц, тусклым красным светом осветил поля иньяма*. Тень от куста черной лужей разлилась по земле. Бонга уходил все дальше от селения.

Куст справа качнулся. Из-за него вышел сипай — солдат.

— Эй, назад!

Бонга ринулся к зарослям и, пригнув голову, нырнул в густую листву. Грохнул запоздалый выстрел. Бонга бежал сквозь подлесок. От росы рубаха и брюки его вымокли. Тело больно царапали колючки.

Пни и сгнившие поваленные стволы пахли плесенью, застоявшейся сыростью. Ноги проминали мягкий ковер прелых листьев. Бонга пробирался на ощупь, протискивался сквозь молодой бамбук, подлезал под толстые лианы и вскоре оказался среди гигантского застывшего вихря зарослей. Лунный свет не проникал сквозь хаос ветвей и кустов.

Рафаэль попытался вернуться назад, но всюду наткнулся на упругие колючие ветви. Лес взял его в плен. Бонга сел на изогнутый ствол. Ветви упирались ему в грудь, в спину. Теперь он старался не шуметь, чтобы не привлечь хищников...

Под утро Бонга задремал, но, услышав шорох, невольно взглянул вверх. В густой листве — два круглых зеленых глаза. Леопард!

Бонга закричал, стараясь напугать зверя. Светящиеся глаза то пропадали в листве, то вновь появлялись. В отчаянье Бонга зашептал молитву предкам, прося их заступиться за него.

Неподвижные зеленые огни в упор смотрели на человека. Бонга пытался дотянуться до земли ногами, прочно встать на нее, но всюду встречал лишь проседавшие под его тяжестью ветки.

* Иньям или ямс — тропический корнеплод.

Плоская голова хищника совсем рядом. Только не допустить зверя до горла, не дать ему вцепиться в грудь своими страшными, как ножи, когтями. Бонга инстинктивно притянул к себе молодое деревце, закрылся им.

И вдруг леопард чего-то испугался, прыгнул на верхнюю ветвь, исчез.

Было почти светло. Бонга торопливо выбирался из путаницы ветвей, настороженно осматриваясь. Он прошел немного по лесу и неожиданно увидел нескольких африканцев. Бонга запомнил одного из них, человека с широким носом. Его умные, сумрачные глаза настороженно уставились на Бонгу. Бонга метнулся по зарослям от незнакомцев. Его не преследовали.

Он возвращался в поселок, размышляя об африканцах. Зачем они ходят вокруг селения? И кто они: партизаны или ищейки португальцев? Подойдя к деревне, Бонга долго прислушивался и приглядывался. Все было тихо. Вербовщики уже покинули деревню.

2

Надсмотрщик Манве отворил дверь хижины. Бонга блаженно спал на шкуре буйвола, растянутой на деревянной кровати.

— Спишь? — грубо сказал надсмотрщик. — Иди на плантацию!

Рафаэль неторопливо поднялся, вышел. Селение наполнил туман. Утренний воздух был влажен и бел, как сок каучуконоса. Бонга сладко потянулся.

— Очень усердный стал. Смотри не надорвись, Манве!

Слегка сутулясь, Бонга направился по красной пыльной дороге к плантации вождя.

Бонга был мрачноват с виду. Но это впечатление сразу рассеивалось, лишь только на лице его появлялась добрая улыбка, говорившая о мягкости характера и о доверчивости. Во всем облике Бонги не было ничего примечательного, кроме глубоко запавших глаз, которые смотрели на мир внимательно и смело, и где-то в глубине их часто вспыхивали веселые искорки.

На кофейной плантации районного вождя Мбулу, поставленного португальцами, уже работало несколько человек. Бонга месяцами работал на Мбулу. У него со-

всем не оставалось времени для своего поля, потому что ему приходилось еще обрабатывать «плантацию принудительных культур». По законам колонии он должен был в «воспитательных целях» в принудительном порядке вырастить полгектара хлопка и продать его за бесценок компании «Катонаж».

Народу осталось мало. Вербовщики рыскали вокруг. Район совсем опустел. Свое селенне — Цангу — вождь Мбулу берег: людей Цангу было проще заставить работать на плантации, чем жителей подчиненных ему дальних деревень.

Но все же деревня пустела, выскребаемая цепкими лапами вербовщиков, которые не считались с вождем. Умирало селенне. Трава заползала в пустые хижины. Покинутые жилища смотрели черными проемами незапавешенных входов. На крышах появились кусты, запустившие корни в гнилые покрытия из травы. На поля ямса и маниоки наступали джунгли. Ночью в заброшенных садах орудовали гиппопотамы, приходившие с реки. Кольцо вокруг Рафаэля Бонги сжималось. Мысль о том, что в конце концов он вновь окажется на рудниках, где уже раз побывал, не покидала его.

От жары даже мухи попрятались под листья. Надсмотрщика рядом не было, и Бонга улегся в тень отдыхать. Вдруг ему показалось, что в кустах кто-то шевелится. Рафаэль увидел африканца. Тот звал его к себе. Поколебавшись, Бонга подошел.

Веселый спокойный голос спросил:

— Не узнал? Это я, Зонде.

Три года назад Зонде увел вербовщики. И вот он явился, в расстегнутой до пояса рубаше, крепкий, стройный, налитый силой.

— Тут португальских парашютистов не было?

— Нет.

— Есть к тебе дело. Можно зайти вечером?

Получив согласие, Зонде скрылся, ничего не объяснив.

3

Далеко за полночь Бонга услышал легкий треск и шорох шагов в саду. Он встал, прислушался. Человек остановился неподалеку. Несколько секунд Бонга ждал, потом выпул засов и вышел в ночь. Туман серым одея-

лом покрыл землю. Тишину лишь изредка нарушали крики далекой ночной птицы. Бонга сделал несколько шагов и наткнулся на африканца с винтовкой в руке. На голове тускло блестел стальной шлем. Рафаэль попятился.

— Опять не узнал?

— Входи в хижину, Зонде, побыстрее.

— Я не один. Товарищей моих примешь? — Из тумана вышли четверо, вооруженные винтовками.

Рафаэль первым скользнул в горьковатое от дыма тепло жилища.

Зонде и его товарищи уселись у костра.

Бонга незаметно рассматривал друзей Зонде. Один из них, с деревянным диском, распирившим мочку уха, молча смотрел в огонь. У другого был шрам на левой щеке. Его дерзкие, разбойные глаза бесцеремонно шутили Рафаэля. Человек чувствовал себя как дома.

«Вот они, те, кто напал недавно на грузовик с португальскими солдатами», — подумал Бонга.

— Есть хотите, братья? Но у меня только маниоковый хлеб.

— Давай хлеб, — сказал парень со шрамом. — Больше ничего нет?

Бонга разделил длинный скрученный хлеб на пять частей.

— Выгоним португальцев, тогда хороший обед сварим, — сказал Зонде с серьезным видом.

— Не скоро твоего обеда дождешься. Из рудников бежал? — спросил Рафаэль.

Зонде улегся у костра, придвинул винтовку и стал рассказывать.

Он убежал давно. Вступил в партизанский отряд. Армия освобождения Анголы занимает большую территорию. Зонде учился на военных курсах в одной из стран Африки, вернулся, стал командиром. Его отряд участвовал в захвате нескольких селений. Но недавно отряд попал в засаду в районе Сьерра-Уиже.

— И откуда португальцы узнали о нас? Мы только что большой переход сделали. Кто-то нас выдал. Многие погибли в лесу. Только мы пятеро и остались. Вот идем, голодные. — Зонде наклонил свою небольшую красивую голову, рассматривая огонь.

— Если бы не Булола, — он взглянул на парня с

разбойными глазами, — все бы в лесу остались. Вывел нас.

Булола улыбнулся, снисходительно посмотрел на Бонгу. Бонга почувствовал симпатию к дерзким глазам.

— Вербовщики все ходят? — спросил Зонде.

— Да. Мало народу осталось в Цангу.

Светлый, открытый взгляд Зонде располагал к себе. Но за веселостью и добродушием человека с большой душой чувствовалась железная твердость. Этот командир партизан был сильным, не похожим на своих товарищей.

— Пойдем с нами, Бонга, что ты здесь сидишь? — сказал Булола. — Лучше воевать с португальцами.

— С вами пулю получишь.

— Бойсься? — спросил Зонде добродушно.

— Я верно делаю, что не иду. И вы тоже верно делаете, что воюете, — рассуждал Бонга. — Вы убежали — воевали. Теперь вам нельзя попадаться. А мне зачем самому лезть?

— Пожалесешь. — Зонде посмотрел на Бонгу с усмешкой.

Помолчали. Партизаны задремали у очага. Один Булола таращил глаза, ковырял палкой в огне.

— Слушай, Рафазль, не знаешь, где сейчас Фиви? — смущенно зашептал Зонде.

— Знаю: на плантации компании «Катонаж». Хлопок собирает. Красивая девушка твоя Фиви. — Бонга не стал продолжать. Красота невесты — дело, касающееся только ее жениха. — Плантация здесь неподалеку, полдня ходу.

— Она замуж не вышла? — шептал Зонде.

— Да какие у нас женихи! Кто на рудниках, кто в партизанах с португальцами воюет.

В сухих листьях крыши послышался шорох. Бонга повернул голову, прислушиваясь. Зонде надел свой шлем, легко вскочил на ноги. В тишине звучали удаляющиеся шаги. Партизаны хмуро переглядывались.

Бонга вышел и вскоре вернулся.

— Мышь, верно, — сказал он устало.

— Что-то твоя мышь громко ступает, — сказал Булола, подозрительно глядя на Бонгу.

— А может быть, кто-то шел со свидания и заблудился в тумане.

Бонга закрыл дверь на засов. Легли спать.

За тонкими, обмазанными глиной стенами лил дождь. Потоки воды глухо шумели на крыше. Шесть человек лежали в сухой теплой хижине у краснеющих углей очага.

Бонга не спал. Сейчас, когда он выходил из хижины, кто-то шмыгнул в темноту. Может быть, кто-нибудь просто шел мимо. А если это шпион, и спящих схватят Зонде и его друзья? Всю ночь не сомкнул глаз Бонга, готовый при первой опасности разбудить партизан. Наступало утро, воинам нужно было уходить в лес.

— Приходите вечером, — сказал Бонга. — Я сварю обед.

— Не бойшся, что тебя за нас повесят? — спросил Зонде.

— Приходи.

Легко и быстро побежал Зонде впереди маленького отряда. Сколько в нем силы! Бонга любовался командиром. Воины бежали за ним, ступая след в след. Бонга, сутулясь, смотрел, пока они не исчезли в легком тумане, потом вздохнул, пошел работать в свой сад.

Едва партизаны скрылись, как на улице показался озирающийся Мулура, управляющий хозяйством вождя Мбулу и добровольный шпион. Увидев его, Бонга почувствовал себя так, словно, проснувшись в хижине, увидел пригревшуюся в ногах змею. Значит, ночью был Мулура! И он, Бонга, еще пригласил партизан обедать! Выходит, он их предал?

Бонга наблюдал из сада за Мулурой. Шпион пересек улицу и прошел около хижины. Здесь он замедлил шаги, рассматривая отпечатки ног на влажной земле. «Заметил!»

Бонга усиленно копал, будто и не видел соглядатая. Негодяй и не подозревает, как близок он к цели.

«Презренный человек! Партизаны рискуют жизнью, чтобы не было вербовщиков, а этот скорпион...»

Дождавшись ухода Мулуры, Бонга отправился в лес: может быть, удастся встретить партизан, предупредить Зонде, чтобы не приходил.

Он с трудом продирался во влажной духоте молчаливого царства зелени. Лianы, ветви, стволы переплелись, душили друг друга. Вверху, где виднелся кусок неба, листья, толстые, кожистые. Здесь же, внизу, они были нежны, покрыты каплями невысохшей росы.

Бонга долго шел сквозь заросли, потеряв уже всякую

надежду встретить партизан. Он остановился, раздумывая, что ему делать. В тишине раздался шорох. Бонга увидел, как неподалеку дрогнули кусты. Там прятались люди.

Кто это? Партизаны Зонде? Но они знают Бонгу. Политика? Нет, лучше уйти отсюда. Бонга пригнулся и побежал.

Вскоре впереди вспыхнул солнечный свет. У опушки раскинулось селение. Улицы заросли травой. В удивительной тишине светило солнце. Селение было мертво. Ни одного человека! Бонга, настороженный, шел по пустынной деревне. Никого. А еще два года назад здесь были люди. Всех увели вербовщики.

Около большой хижины вождя Бонга остановился. Он явственно слышал разговор. Здесь кто-то прятался. Не укрывались ли в деревне партизаны? А может быть, здесь устроили засаду португальцы? Из большой хижины снова послышался разговор. Бонга уловил только обрывки фраз: «Наш человек из отряда... войска безопасности... Они где-то рядом». Бонга стал медленно пятиться. Они еще подумают, что он шпионит за ними. Рядом с ним легла тень. Бонга втянул голову, ожидая удара. Цепкие пальцы грубо схватили его. Глаза Бонги метались по незнакомым лицам. Кто они? Бонгу окружили.

Из хижины вышел африканец. Люди молча уступили ему дорогу. Человек, невысокий, видимо очень крепкий, приблизился к Бонге. Толстые губы сжаты в плотную прямую линию. Из-под тяжелых век властно и сумрачно смотрят умные глаза. Нос его слишком широк. Бонга узнал человека: это он спугнул тогда утром в лесу леопарда.

— Ты кто? Зачем пришел сюда? — человек говорил один. Остальные молчали.

— Я искал козу.

— Врешь. Ты подслушивал.

— Я ничего не слышал.

Бонга стоял среди враждебных, сердитых людей, слегка сутулясь, внешне невозмутимый. Он не знал, кто эти люди, и не спешил говорить, что искал партизан. Зачем торопить свою смерть?

— Это человек начальника округа Франциско Диаса, — высказал предположение один из людей.

— Так тебя Диас послал? Ты бы сразу сказал. —

В умных глазах под набухшими веками — хитрые искорки.

— Я искал козу.

— Значит, не скажешь, зачем пришел? — человек взглянул на двоих вооруженных людей, и те встали позади Бонги.

— Уложить его, шпиона, — сказал тот, который высказал предположение, что Бонга — человек Франциско Диаса.

Человек с широким носом сумрачно посмотрел на воннов, стоящих позади Бонги, слегка кивнул головой, и те стали подталкивать пленника к кустам. Бонга почувствовал, что наступает последняя минута. Надо на что-то решиться.

Из-за хижин появился Булола. Бонга радостно смотрел на партизана. Спасен! Разбойные глаза Булолы казались такими симпатичными сейчас. Но Булола внимательно взглянул на Бонгу и, словно не заметив его, нырнул в хижину.

Бонга оторопел. Что случилось? Почему он ушел? Спасение было совсем рядом...

На опушке леса часовой яростно махал веткой. Произошло замешательство.

— Сипаи! — донеслось с опушки. — Спасайся!

Бонга метнулся в кусты, пробежал несколько шагов и налетел на притаившегося полицейского. Полицейский вцепился в Бонгу, призывая на помощь. Бонга протащил его по земле, лягнул, освободился и ринулся сквозь чащу.

Сзади совсем близко раздавались резкие крики, треск сучьев, выстрелы. Рафаэль устал, хромяя нога давала себя знать. Хоть немного отдохнуть, спрятаться. Заметил огромную кайю. Не мешкая полез вверх по ветвям, протиснулся в густую листву, пританлся.

Вскоре он услышал голоса. Мимо торопливо шли двое: Булола и человек с широким носом. Рафаэль хотел окликнуть Булолу: предупредить партизан, чтобы не приходили вечером в деревню.

— Нас кто-то выдал, — долетели до Бонги слова человека с широким носом.

— Это парень из Цангу привел ищеек. Надо было пришибить предателя, — зло бросил Булола, и Рафаэль раздумал показываться. Конечно, Булола мог подумать,

что он, Бонга, шпион. Пришел Бонга — и вслед за ним появились полицейские. Эта мысль обожгла Рафаэля. И тут он вспомнил, как Булола спрятался при виде его там, в мертвом селении. Почему? Здесь что-то не так.

В доме не осталось продуктов, а он обещал Зонде обед. Его не было сегодня в мертвом селении. И днем Зонде, конечно, не явится, а вечером Бонга выйдет к нему навстречу. Нужно побыстрее приготовить обед. Придется опять идти просить муки к вождю Мбулу. Не очень приятно.

Во дворе вождя ожидало несколько человек. Бонга сел на землю.

— В соседнем округе партизаны разбили отряд тугов*, — рассказывал сосед Бонга — Каниама, маленький, худенький, с замысловатой татуировкой на животе. В голове Бонги вновь всплыла неприятная мысль: «Почему спрятался, не подошел Булола? Теперь выходит, он, Бонга, шпион».

Вышел Мбулу, постоял на крыльце дома, посмотрел на обезьян, затеявших перебранку в ветвях дерева. Затем величественно повернулся к Чуиме — парню с замысловатой прической, похожей на гребень падающей волны, тянувшейся ото лба к затылку. Под волной шла узкая выстриженная полоса.

— Ты чего пришел?

Чуиме улыбнулся, осторожно потрогал прическу и, показывая на пожилого худого человека, только что мирно беседовавшего с ним, сказал:

— Его коза в мой огород залезла.

— Жалуешься?

— Нет, сипай велел прийти. — Чуиме простодушно смотрел на Мбулу.

Мбулу, тяжело ступая, медленно, с достоинством прошел через двор, сел за стол под навесом.

— Подойдите оба.

Прежде чем приступить к делу, Мбулу долго и ак-

* Туги — португальцы

куротно поправлял медали на груди, потом почему-то дунул на них, и разбирательство началось.

— Твоя коза, — обратился он к старику, — залезла в огород к Чуиме?

— Да, соба*, — старик с готовностью поклонился. — Ты прости меня. Я уже старый.

— Какой ты старый? Десять суток ареста. Есть будешь ходить домой.

— Не посылай на плантацию.

— Я воспитываю, поэтому и посылаю.

Мбулу повернулся к сипаю.

— Веди на плантацию. Солнце еще не село.

Взгляд вождя обратился к улыбающемуся Чуиме.

— А ты почему не подал в суд? Он нанес тебе ущерб, и не тебе одному. Коза поела твои овощи, значит, ты съешь их у другого, когда у тебя не будет. На курсах вождей нам все объяснили. Почему не подал?

Чуиме помялся, поправил прическу.

— Тех, кто жалуется, ты тоже посылаешь на свою плантацию.

— А ты, я вижу, еще и грубый. Хотел дать тебе поменьше наказание, как попавшему под суд только в четвертый раз, но вижу, тебя нужно учить как следует. Получишь все двенадцать дней, больше по закону я дать не могу.

Чуиме молча пошел с полицейским. Улыбка все еще держалась на его лице.

— На моей плантации пужны парни с такими прическами! — весело крикнул Мбулу ему вслед.

Деньги шли в руки. Настроение у вождя было отличное. Он встал из-за стола.

— А ты зачем? — спросил он, ощупывая хитрым взглядом Бонгу. — Тоже жалуешься?

— Нет, пришел просить...

— Просить? — Мбулу с затаенным интересом оглядывал Бонгу. — Когда трудно, все ко мне.

— Десять фунтов муки надо, — сказал Бонга, не выказывая почтения. Он презирал этого человека.

— Праздник устраиваешь? — Мбулу хитро прищурился. — Пять фунтов хватит.

* Соба — вождь.

Взгляд Мбулы вселил в Бонгу тревогу: «Узнал, радуется, уже сказал Мулура».

Они пошли к складу — висевшей на столбах большой корзине, обмазанной глиной для защиты от крыс и термитов.

— Эй, Мулура! Дай вот пять фунтов муки! — крикнул Мбулу.

Мулура, тащивший на веревке козу, метнул любопытный взгляд на Бонгу, потом заговорщически взглянул на Мбулу.

— Хорошо, соба. Сделаю, соба.

Рафаэль почувствовал, что эти двое знают о ночных гостях.

Мбулу написал расписку и подал ее Бонге.

— Припечатай в уголке палец. Помажь его чернилами.

Бонга неторопливо взял бумагу, медленно прочитал.

«Взял у Мишеля Мбулу десять фунтов маниоковой муки. Благодарю. Через шесть месяцев отдам двадцать. Рафаэль Бонга».

— Плохо ты стал видеть Мбулу, надо пять, а ты десять написал.

Глаза вождя без всякого смущения ощупывали лицо Бонги.

— Где читать научился?

— У друзей на алмазных рудниках, куда ты посылал меня.

— Все умные стали. Такие друзья до хорошего не доведут. — Мбулу исправил расписку и ушел.

Рафаэль передал кожаный мешок Мулуре. Управляющий полез по приставной лестнице, бормоча:

— Совсем старших не уважают. «Плохо стал видеть!» — Мулура скривил рот, изображая Бонгу. — Раньше таким, как ты — читать начал или колдовством заниматься, — руки отрубали. Что же, вождь обмануть тебя хотел? Ты должен был промолчать! Кому ты так говорил? Ты только краб с десятью ногами, а он тысяченожка.

Излагая свои рабские взгляды, Мулура орал все громче, поглядывая в сторону удаляющегося Мбулу. Великий человек тоже должен слышать слова верноподданного.

— Смотри с лестницы-то не упади, — презрительно процедил Бонга.

Мулура спустился, продолжая славить своего повелителя. Он взвесил муку и подал ее просителю.

— Заговорился. Вместо пяти четыре фунта насыпал. — Бонга с неприязнью смотрел на управляющего. — Добавь фунт!

На лице Мулуры появилось удивление. Он посмотрел на две гири, потом поднял к небу глаза и принялся складывать два и два, шевеля губами. Он досыпал муку и, подавая ее Рафаэлю, сказал со злобой:

— Еще неизвестно, что ты за человек, если не уважаешь власти...

Придя в хижину, Бонга принялся готовить обед. Охранныки, если они заявятся, придут не раньше, чем стемнеет. А он уйдет навстречу Зонде.

Приготовив обед, он завернул горшки в банановые листья, сунул в мешок и, согнувшись, ринулся из хижины. Пробежав несколько шагов, он поднял голову и попятился. Перед ним стояли два ухмыляющихся охранника вождя.

— Нас встречаешь? — высокий детина засмеялся. — Малафа * есть?

На другой стороне улицы еще несколько полицейских выглядывали из-за бананов. По телу Бонги пробежала противная дрожь. Руки, прижимавшие мешок с горшками к телу, тряслись. Бонга напряг их, чтобы враги не видели его слабости.

Маленький сипай с жестким, холодным лицом остался снаружи. Высокий вошел в хижину вместе с Рафаэлем.

— Ты садись. Малафа есть?

— Нет, — сухо ответил Бонга.

Долго молчали. Селение погружалось в сон. Бонга думал об отряде, мысль металась, как птица в силке. Сейчас придет Зонде, и капкан захлопнется. Никогда еще не попадал Бонга в такое тяжелое положение. И он сидит и спокойно ждет, когда собаки вождя отдадут партизан в руки палачей! Бонга тяжело дышал. Охранник не спускал с него глаз. Рука полицейского лежала на рукоятке дубины. «Проклятый трус! — ругал себя Бон-

* Малафа — вино.

га. — Погибают товарищи, а ты сидишь тут с полицейским».

Нужно действовать. Бонга робко заговорил о набегах слона-отшельника, появившегося недавно около селения. Голос его дрожал от волнения. Он говорил почти шепотом, потом постепенно заговорил громче. Зонде и его воины услышат разговор.

— Молчи! — оборвал его полицейский. — Вина нет, а трещит, как попугай!

Полицейский понял хитрость Бонги.

Но вот в саду раздался треск сломанной ветки. «Начинается!» Полицейский, закусив нижнюю губу, осторожно поднимался на ноги.

Бонго вскочил.

— В саду слон, бананы поест!

— Молчи! — зашипел полицейский, хватая Бонго за горло. — Молчи!

— Все поломает, а мне налог платить! — закричал Бонга, прорываясь к двери.

Охранник ударил Бонгу дубинкой по плечу. Бонга словно ждал этого. Он взвыл так, что было слышно на конце селения. Резкий удар дубины обрушился на его голову. В ушах загрохотало, словно там падало подрубленное дерево. Бонга свалился. Теплая слабость залила тело.

8 ...Бонга очнулся в тишине. Из-под двери проникал свет. Покрутил головой, потрогал ее руками, словно желая убедиться, что она на месте, сел на земляной пол. Он в тюрьме. Стал припоминать, что произошло. Неужели схватили партизан?

В деревянной камере стояла жара. Пришел Мбулу.

— Ну, рассказывай про террористов, — забасил соба. — Говори.

Бонга оскалил в насмешливой улыбке белые зубы.

— Каких террористов?

— Которые грабят плантации и убивают португальцев.

— А я откуда их знаю?

— Знаешь, — ярился Мбулу.

Мбулу несколько раз ткнул ногой Бонгу и ушел, так ничего и не добившись. Ему хотелось сообщить португальцам о партизанах. Он, видно, ничего толком не знал о Зонде. Это успокаивало Рафаэля.

Бонга прильнул к щели в двери.

— Ло-ло-ло-ло! — кричала женщина, хлопая ладошкой по открытому рту. Мужчины мчались к лесу. Некоторые уже бежали обратно, видно натолкнувшись на сипаев. Теперь ему, Бонге, не уйти. Полиция уведет его в город.

Но Бонга ошибся. Пришли не полицейские, а вербовщики. На площади собрали всех жителей. Люди стояли озлобленные и настороженные. Два охранника вывели Бонгу из тюрьмы.

Из дома появился Мбулу с тремя вербовщиками-португальцами. Вождь окинул поредевшие ряды соплеменников. Сегодня уйдут и эти последние его работники. Мбулу бросил взгляд на вербовщиков.

— Вот какие молодцы у меня! На работе каждый слона заменит. Люди! — он повернулся к соплеменникам. — Власти дают вам заработать. Надо идти на рудник.

По толпе покатился ропот. Маленький угрюмый португалец положил руку на пистолет. Его раскосые зеленоватые глаза всматривались в лица, словно желая угадать момент, когда начнется столкновение.

— Все пойдут, кто здесь, — громыхал Мбулу. — Им налог платить, а они...

— Сам иди!!

— Предатель!

В криках толпы тонули слова Мбулу.

— Вождь о нас заботится! — вопил управляющий Мулура, пробиваясь сквозь бурю голосов. — Все пойдём на рудники, если старший приказывает...

Кто-то ударил его сзади кулаком по голове. Мулура едва устоял и шарахнулся в сторону.

— Замолчите! — ревел вождь Мбулу. — Это приказ начальника округа: выделить сто человек. А вас тут и двадцати нет. И еще кричат. Вот придут парашютисты и повесят крикунов. — Вождь стал всматриваться в стоявших перед ним людей, словно прицеливаясь. — Эй, Мулура! Иди записывайся! Он сам хочет. Смотрите, какой здоровяк!

Мулура, все еще не веря неожиданному обороту дела, подошел к столу. Он остановился в нерешительности, склонив голову набок, косясь на лист бумаги.

— Ставь, ставь палец! Чего озираешься, как гнипа. Мулура торопливо смазал палец чернилами, припечатал его к списку и отошел в сторону, растерянно бормоча: «Старших не уважают».

Несколько человек, понукаемые вождем, подошли к столу и тоже поставили на списке отпечатки пальцев.

Взгляд вождя упал на Бонгу.

— Эй, террорист, подходи! Не смотрите, что он хромой. Он крепкий.

Высокий вербовщик кивнул.

— Подходи!

— Какой скорый! По закону запрещается брать рабочих силой на рудники частных компаний.

Глаза вождя чуть не полезли из орбит от удивления.

— Я тебе покажу — не подчиняться!

— Не пойду.

— Не пойдешь, так поведут.

Два сипая по знаку высокого вербовщика нехотя вышли из тени и взяли Бонгу под руки...

— Пошли! — крикнул вербовщик. Атмосфера накалялась.

Солдаты окружили завербованных. Отряд двинулся к лесу.

Полдня, не останавливаясь, шли люди. Лес был глухой. Люди шагали по зеленому тоннелю. Даже в полдень свет едва проникал сюда. Вербовщики настороженно поглядывали по сторонам. Солдаты держали винтовки наготове.

Дорога уперлась в завал из срубленных колючих ветвей. Вербовщики остановились, перешептываясь.

Сзади раздались возгласы. Бонга повернулся и увидел человека в шлеме. Зонде бежал по дороге впереди небольшого отряда. Лес ожил. Из чащи с криками выскакивали вооруженные люди. Вербовщики ринулись на колючий завал, мгновенно преодолели его и скрылись. Сипаи сбились в кучу у зеленой баррикады. Их было около десяти. Бравый сержант-африканец с медной серьгой в ухе колебался. Ему не хотелось вести бой против своих, но долг приказывал ему стрелять.

В напряженной тишине две группы людей молча прощупывали друг друга глазами.

Сержант подал отрывистую команду. Солдаты пере-

лезли через зеленое ограждение, дали залпы по вершинам деревьев и скрылись.

А по эту сторону завала праздновали победу. Рядом с Зонде Рафаэль увидел высокую красную девушку. Фиви! Значит, Зонде не зря приходил тогда ночью в селение. Нашел все-таки свою невесту. Фиви подбежала, сияющая, счастливая.

— Эй, Бонга! Куда ты вел всех? — Фиви смеялась.

— Это меня вели.

— А я думала, куда это хромой вербовщик повел всех! — задорно трещала Фиви.

Толпа жителей Цангу, перемешавшись с партизанами, текла по дороге назад к селению. Бонга протолкался к Зонде.

— Здравствуй, — сказал Бонга, стараясь держаться независимо. Он опасался, что Булола уже оговорил его.

— Здравствуй, Бонга. А ведь тебя все-таки поймали!

— Меня не поймали. Я вас искал... Булола, когда ты послал его на тайный совет в мертвую деревню, сказал, что я предатель, — голос Бонги дрожал. — Я не предатель.

— Какой тайный совет? — тихо спросил Зонде.

Сдерживая дрожь в голосе, Бонга рассказал о случае в погибшей деревне.

Зонде сосредоточенно смотрел перед собой.

— Была полиция, говоришь?

— Я не предавал.

— О деревне ты помолчи. Никому! Понял? Никто Булолу не посылал туда! — в прищуренных глазах был холод.

Группа людей обступила Мулуру.

— Как же прислуживаюсь? — говорил заискивающе Мулура. — Меня самого Мбулу послал на рудник. Если бы не вы...

Партизаны сердито зашумели. Толпу раздвинул Булола, подошел к Мулуре вплотную.

— Этот — прислужник? — спросил он небрежно.

— Он!

В воздухе мелькнула дубинка. Мулура молча упал на дорогу.

Зонде пристально смотрел на Булолу. По лицу его Бонга не мог прочесть, что думает командир.

— Пошли! — весело кричал Булола. — Всех при-

служников и шпионов... — он потряс в воздухе дубинкой.

Вернулись в деревню. Все были веселы. Молодежь устроила танцы. В рокоте тамтамов кружились по кругу воины и женщины. Нетанцующие били в ладоши, выводили голосами мелодию танца, стараясь перекричать друг друга. Голоса слились, перепутались с грохотом барабанов. Фиви, стоявшая в кругу позади Бонги, отбивала такт на его плечах.

— Бонга, быстрее!

Фиви была такая веселая и счастливая, что Бонга и не думал на нее сердиться. Когда круг поворачивал в другую сторону, Фиви нарочно наступала босыми ногами на пятки маленькому воину.

До самого утра продолжалось веселье...

В полдень над хижинами пронеслись два самолета. Они сделали несколько кругов, словно выматривая добычу, и, высыпав на травяные конусы крыш лавину рокочущих звуков, улетели. Вокруг Зонде толпились партизаны и жители Цангу.

— Побегу посмотрю, что они там за деревьями делают! — крикнул Булола, обращаясь к Зонде. Но тот словно не слышал его.

— Бонга, беги!

Булола глянул на командира. Веселость его исчезла.

Бонга, хромая, помчался к рощице. Едва он успел добежать, как увидел, что из машин стали падать маленькие фигурки. Раскрылись белые круги парашютов.

— Парашютисты! — закричал Бонга, бросаясь обратно. — Парашютисты!

Страшная весть погнала людей по пыльной дороге к лесу. Бонга мчался рядом с Зонде и Фиви. Бежали мужчины с ружьями и копьями. Женщины с детьми на руках тянули на поводу коз. Даже старики ковыляли к зарослям. Они знали: пощады не будет никому.

Парашютисты приземлились. Их было около пятидесяти. Они двинулись к деревне, стреляя из автоматов. Расстояние было большое, и выстрелы не причиняли пока вреда.

— Где Булола? — резко спросил Зонде.

Бонга обернулся. Булола бежал навстречу солдатам.

— Ушел, предатель! — крикнул Зонде.

Вдруг Булола подпрыгнул и тяжело рухнул на землю. Каратели не признали в нем своего.

Втянув голову в плечи, Бонга мчался к лесу, не разбирая дороги. Португальцы не отставали. Это были молодые парни. Лица их были красны и возбуждены.

Партизаны отстреливались из винтовок. Но что это было по сравнению с ливнем пуль автоматчиков?

Парашютисты догнали оставших стариков и женщин с детьми. Под огнем полегли все, кто не смог убежать.

Бонга не видел этого. Злобный свист пуль гнал его вперед, наполняя грудь тяжелым постыдным страхом.

Отступавшие добрались до зарослей. Под ногами появилась вода: впереди болото.

— Болото большое? — спросил маленький партизан.

— Конца нет! — Бонга дышал тяжело. Ненужные проклятья рвались из пересохшего горла.

— Бежать еще можешь? — мягко спрашивал рядом Зонде у Фиви. Бонга вместе с партизанами все дальше уходил в болото. Он шел рядом с Зонде и Фиви медленно, с трудом перемешивая теплое черное тесто. Под голыми ступнями шевелились козявки. Зонде тянул за руку уставшую подругу. Беглецы, рассыпавшись, двигались по сторонам.

Из-за кустов появился солдат и дал длинную очередь по курчавым головам, возвышавшимся над топью. Африканцы рвались под защиту пней и поваленных деревьев. Вскрикнул рядом с Бонгой маленький партизан, медленно стал валиться назад. Рука, державшая винтовку, бессильно повисла. Бонга схватил оружие, выстрелил в парашютиста, промахнулся.

Появлялись все новые солдаты. Отрывистое взвизгивание пуль подгоняло людей, пригибало головы к темной воде. На глубоких местах африканцы хватались за ветви редких деревьев, за лнаны, петлями спускавшиеся над болотом. Длинными очередями косили их пьяные каратели.

— Туда! — Зонде указал на засохшее дерево.

Трясина не давала двигаться быстро.

Четыре автоматчика увязались за ними. Напрягая силы, Бонга, Зонде и Фиви добрались до поваленного дерева.

Парашютисты приближались не прячась. С глухим

стуком вгрызались в ствол пули. Летели в воздух щепки. Надо уходить, но Бонга не в силах заставить себя выйти на открытое место. Все ближе солдаты. В непрерывный гром сливаются их выстрелы. Как остановить врагов? Бонга стреляет. Промых. Рядом гроыхнул выстрел: Зонде срезал врага.

Солдаты отрезвели, по самую шею влезли в пузырящуюся тину.

Африканцы перешли к следующему укрытию.

Обе группы все углублялись в болото. Их осталось шестеро — трое против троих.

Партизаны переходили от пня к пню и вскоре, обойдя глубокое место, добрались до крохотного островка, поросшего низкими кустами. Кусочек твердой земли прилепился к большой высохшей сейбе с огромными корнями, выпиравшими наружу. Здесь за толстым стволом африканцы были недостижимы для пуль.

За островком простиралась все та же черная гладь болота с редкими белыми точками лилий. Зонде попытался найти путь через топь и вернулся на островок. Отсюда был только один путь — назад.

Африканцы залегли в кустах. Португальцы приближались.

— Вплотную, вплотную подпускайте, — шептал Зонде, загораясь.

Он указал Фиви на одного из солдат.

— Твой.

Бонга видел «своего» солдата сквозь прорезь прицельной рамки. Враг был совсем рядом. Вот автоматчик миновал пенек, торчавший метрах в пяти от острова. Парашютист кинулся к островку через глубокое место и сразу провалился по шею, едва не утонув.

Зонде и Фиви выстрелили одновременно. Один из автоматчиков закричал, посылая проклятья, рванулся вперед, словно кто-то толкнул его в спину, и рухнул.

Фиви промахнулась. Пуля сорвала берет с португальца, и тот, взметая черные волны, бросился за пенек.

Теперь только пятеро продолжали битву, и пятый был уже обречен. Бонга не стрелял. В страшной тишине тяжело дышал «его» солдат, откинув назад голову. Болото уже добралось до рта. Солдат тянул вверх шею, косил глазами.

— Константино! — крикнул он.

Бонга с содроганием смотрел на тонущего.

— Константино! — все кричал солдат. — Вспомни, как я нес тебя раненого! — Он выплюнул воду.

Константино молчал. Пуля проклятой африканки прошла на волос от его головы. Не будет он больше подставлять себя под выстрел.

— Константино, кинь мне ремень от автомата!

Но Константино не собирался рисковать. Он знает: враги не стреляют в Роберто потому, что ждут, когда он, Константино, высунется из-за укрытия. Но его не проведешь! А Роберто все равно не спасти.

Тошнота подкатила к горлу Бонги. Как страшно умирает человек!

Зонде терпеливо ждал. Зачем стрелять? Солдат и сам утонет. Он только что убивал женщин и детей. Зонде с презрением смотрел на противника. Он, Зонде, не стал бы кричать, если бы пришлось умирать на глазах врагов. Умри гордо, если смерть пришла.

— Константино! — все кричал туг. — Константино!

Зонде заметил Фиви, когда она уже подползла к краю кустов с веткой в руке и протянула ее утопающему.

— Назад, Фиви, назад! — зашипел Зонде. Но девушка, не дотянувшись до солдата, уже вошла в болото.

Услышав всплеск, Константино на миг выставил оружие. Ударила короткая очередь.

Фиви, схватившись за грудь, упала. В два прыжка Зонде оказался около нее, рывком вытянул за руки.

Бонга дважды выстрелил по пню, чтобы подавить противника.

В суматохе не заметили, как утонул португалец. Только наступившая тишина напомнила о нем.

В живых осталось четверо.

Фиви лежала между огромными корнями сейбы. Из простреленной груди текла кровь. Зонде прижимал к ране листья, подкладывал под голову ветви, говорил ласковые слова. Фиви слабела с каждой минутой.

— Надо к доктору, — сказал Зонде.

— Зонде! — голос Фиви был слаб. — Я была глупая. Другая женщина будет копать твоё поле и будет матерью твоих детей.

Зонде нахмурился, как-то весь подобрался, посмотрел в сторону врага. Гладкая черная равнина. Изредка

пин и кустики. До автоматчика шагов шесть по глубокому болоту. Не пройти.

В бесконечном синем небе мирно катилось солнце. Из леса тянуло горячим влажным ветром.

— Прягну с разбега ему на голову, — прошептал Зонде.

Зонде стал осторожно пригибать невысокие кустики.

Хрустнула сухая ветвь. И почти одновременно из-за пня гроыхнула очередь. Африканцы откатились, прижались к земле. Теперь парашютист будет настороже.

Фиви слабела. Она молча смотрела в небо.

— Пить.

— Обожди, дорогая. Ночью уйдем в тумане...

Но Фиви не могла терпеть, и Зонде принялся рыть руками ямку. Вода в яме была черная. Зонде долго вычерпывал ее, пока она не просветлела. Потом напоил Фиви...

Бонга снова подполз к краю островка. Тихо. Ни голосов, ни выстрелов. Все живые ушли. Мертвые не кричат.

Над потемневшим лесом разгорелось бледное оранжевое зарево. Осторожно из-за горизонта выглянул тускло-красный месяц. В густой синеве неба зажглись, замигали звезды.

Луна поднималась, заглядывала сквозь ветви в суровые лица осажденных. Не уйти с островка. Тумана не будет.

Константино сидел по грудь в черном тесте болота, напряженно прислушиваясь к каждому движению африканцев. Он хотел уйти, но не хватало решимости. Один выстрел с острова — и все. Пока живы африканцы, ему не спастись.

Пришел новый день. Медленно утекали тягучие часы. В горячей тишине металась Фиви. Зонде сидел около нее.

— Зонде, Зонде, — звала слабым голосом Фиви. — В дупле — змея, черная мамба. Прогони ее, Зонде.

Зонде слушал, сжимая зубы.

— Сегодня туг заснет, — сказал Бонга. — Вторые сутки не спит.

— Будет поздно. Его убрать нужно сейчас. — Зонде решительно встал, снял шлем, взял винтовку.

— Если я не вернусь, ты отнесешь Фиви к доктору.

Иди к берегу и жди, когда высунется португалец. Тогда стреляй.

Зонде в последний раз посмотрел на Фиви, и его взгляд скользнул вверх. Серые ветви сейбы высохшими руками тянулись к небу, на огромной высоте нависали над пнем, за которым укрылся парашютист.

Бонга испугался.

— Он же тебя...

Зонде молча направился к дереву.

Бонга открыл затвор винтовки. Два патрона. В одном из них — смерть солдата.

Тень автоматчика не двигалась. Враг ничего не подозревает, но стоит ему услышать малейший шорох — и Зонде погиб. Рафаэль смотрел на высокую сейбу. Темным наростом виднелось на ее стволе тело Зонде. Он медленно поднимался все выше. Ни одного резкого движения.

И вдруг Бонга замер. Вдоль тени дерева, вытянувшейся в вечернем свете по болоту, ползла тень Зонде. Тень хорошо видна. В любой момент солдат мог заметить ее...

Зонде поднимался. Глубоко-глубоко под ним — маленький пенек, из-за него видно плечо парашютиста. Пригнулась, закачалась ветвь. Зонде остановился, поглядел вниз. Враг не замечал опасности. Зонде снова полез.

Теперь скоро. Уже виден грязный берет. Солдат зашевелился, повернулся спиной к Зонде и стал вглядываться. Он что-то заметил. Нужно подняться еще немного. Зонде делает несколько осторожных движений. Сук ходит под ним вверх и вниз. Зонде медленно тянет к себе винтовку, висющую на локте.

Португалец с беспокойством и удивлением рассматриваетдвигающуюся по болоту тень. Он рывком повернулся. Лихорадочно ударил из автомата по висящей в небе цели.

Перед лицом Зонде летят отбитые свинцом щеки. Бок разрывает боль. словно кто-то горячим крючком рвет тело. Зонде роняет винтовку, прижимается к толстой корявой коре. Конеч! Красное пламя полыхает в глазах. Нет, это заходит солнце. Пули плаксивыми москитами несутся мимо. Неужели враг восторжествует? Там, внизу, Фиви...

Зонде, тяжело дыша, напрягаясь, поднимается, встает

на прогибающийся, пружинящий сук и, сильно оттолкнувшись, прыгает на парашютиста.

Расстояние огромное. Падающим соколом прочерчивает Зонде воздух. Пень и парашютист стремительно мчатся навстречу, увеличиваясь. Достать врага! В последнем усилии Зонде заносит кулак для удара. Земля надвигается, черная, необъятная. Прощай, Фивии!..

Автомат захлебнулся в грохоте. Константино остервенело расстреливал несущийся на него человеческий снаряд. Зонде прилетел вниз уже мертвый.

Бонга выстрелил по невидимому врагу. Только истратил патрон.

Наступила тишина. Зонде умер. Бонга остался один на один с врагом. Только узкая полоса болота разделяла их, и на них на двоих была лишь одна смерть. Нужно взглянуть на Фивии. Глаза Фивии, устремленные в темлеющее вечернее небо, улыбались. Губы шептали нежные слова. Бонга отодвинулся. Эти слова не для него. Зачем тревожить Фивии и приводить ее в сознание? Пусть гуляет по стране счастья.

Наступила вторая ночь. Призрачный свет луны залил болото, потянулся к острову сверкающей белой дорожкой. Лягушки, сидя на круглых листьях, сладострастно пели на разные голоса о своей лягушечьей привольной жизни. Зловеще ухала ночная птица. С кустов капала роса. Спать нельзя. Кто первый уснет, тот погибнет.

Бонга вытянулся поудобнее и глядел на пень, черной маленькой крепостью поднимавшийся перед ним. Бонга будет осторожен. Он умеет ждать. Тень пошевелилась... Противник устранился в болоте. Он тоже ждет, когда сможет сделать свой последний выстрел.

Жажда мучила Бонгу. Он стал слизывать росу с листьев. Как вкусно! Он шумно выдохнул. Слишком шумно. И сейчас же как возмездие за неосторожность загремели автоматные очереди. Одна, другая, третья. Автоматчик бил точно в сторону Бонги, резал свинцом тонкую занавесь кустов. Пуля ожгла лопатку, другая ударила в щиколотку. Не кричать! Ни звука! Молчи, терпи! Иначе смерть! Пули сбивали головки цветов, воцарились рядом в землю.

Бонга поднял винтовку. Единственный патрон. Этот выстрел должен попасть в цель.

Автоматчик, весь в иле, остервенело бил по островку.

Потом неожиданно, словно почувствовав опасность, сел за цепь.

Бонга затаился. Константино не знает, убит он или жив. Пусть парашютист поверит, что противник погиб. Пусть, и тогда последняя пуля Бонги дойдет до цели.

Бонга осмотрел ногу. Пуля содрала кожу, слегка задела кость. На плече неглубокая царапина. Не страшно!

Небо просветлело. Над розовым облаком подпрыгнул, всплыл огненный шар. Наступил новый день, третий день осады.

Солнце накаляло землю. Тяжко дышало испарениями болото. На черной блестящей глади лопались пузыри.

Бонга лежал, обливаясь потом. Он обмяк, словно расплылся по земле. Мысли тоже плавились. Где-то глухо шумело. Что это? Ничего. Работает сердце. А как-то там тугу? Никакой тени. Солнце жжет врага. Хорошо... Солнце светит над Цангу. Цангу умерло. Он, Бонга, не считая раненой Фиви, последний человек, оставшийся в живых из целого селения...

...Гиппопотамы пришли с реки и пируют в его саду. Джунгли уже вступили в деревню. Бонга увидел себя на улице, заросшей кустами. Кусты лезут в хижины, на крыши. Вместо пальм — обломанные слонами голые стволы. Вокруг высокий лес, затопивший Цангу, лес и слоны, ломающие пальмы. Бонга сердится на огромных клыкастых мародеров. Он кричит, но крика, к его удивлению, нет. Бонга стоит один в глухом лесу, и слоны не слышат его...

Бонга открыл глаза. Туг что-то делал за лнем. Слышен звук падающих капель. Ха! Он залепляет себя грязью. Солнце сожгло его.

Бонга взглянул на Фиви. Она спала. Бедная Фиви. Но он, Бонга, вынесет ее отсюда, он обещал Зонде.

В борьбу все сильнее вмешивалась новая сила — сон. Сон затоплял тело. Бонга то и дело засыпал, но каждый раз воля к жизни поднимала тяжелые веки. Заснуть крепко — значит умереть. Во сне человек не боится и дышит громко. По звуку можно стрелять сквозь кусты.

Снова опустилась ночь. Стан зеленых светляков двинулись вдаль, словно отряд воинов шел с фонарями по трясине. Сладковатый запах цветов заливал землю.

Поднималась луна. Бонга изнемогал. Сон навалился

на него непомерной тяжестью. Бонга больше не боялся смерти. И только обещание, данное Зонде, кричало в нем: держись, не спи, спаси Фиви!

Медленно уходили томительные часы. Он едва мог шевелить мягкими, как хлопок, руками. В голове неясные обрывки мыслей, серые, как ночной туман. Уставшее сердце с трудом толкало тяжелую кровь. Голова камнем легла на бугорок. Подбородок врезался в землю. Глаза изредка открывались, смотрели вдоль ствола винтовки.

Тень парашютиста появилась уже с другой стороны ния. Враг не спал. Тень шевелилась, медленно, осторожно, почти незаметно. Бонга хотел, жаждал увидеть парашютиста. Тогда один только выстрел — и можно спать, спать, спать! Сон катился в него, как неуправляемый поток в накатанное ложе. Бонга испытывал блаженство. Он лежал на поверхности большой черной реки, и она несла его по течению, плавно покачивая на волнах. Он видел черное дно. Большие черные рыбы проходили совсем рядом, не боялись. Бонга удивился, что он дышит, не вынимая головы из воды. Приятно покачиваться на волнах и плыть куда-то. Но что за грохот впереди? Это водопад. Грохот то усиливался, то затихал. К берегу! Бонга хотел поднять руку, но руки не было. Он изо всех сил дернул ногами и поднял голову. Перед ним, залитый зеленоватым лунным светом, чернел пенный водопад. Он храпел. Густые переливчатые потоки то усиливались, то затихали. Спит! Вот он, долгожданный момент! Солдат бормотал что-то, сопел, свистел носом. А может быть, он притворяется? Бонга не знал, на что решиться. Ведь если солдат спит, нужно действовать, иначе враг наберется сил. А если это ловушка? Враг тоже в тяжелом положении. Он не знает, жив ли Бонга. Ну что же, пусть он убедится, что Бонга погиб. Рисковать нельзя.

Он закрыл глаза, напряженно слушал. Храп иногда стихал, тогда доносилось ровное глубокое дыхание. Но Бонга не верил. Враг хитер.

Долго слушал Бонга. Но не может туг столько времени притворяться! Несколько шагов по болоту. Другого такого случая может и не быть.

Бонга открыл глаза и застыл от удивления. Констан-

тино стоял рядом с ним в ярком свете луны, пригнувшись, словно зверь, готовый к прыжку. Не переставая похрапывать, он пятился от островка.

Сдерживая дрожь в руках, Бонга стал медленно наводить винтовку.

Константино ступил в глубокий мягкий ил, нервно оторвал двух пиявок, присосавшихся к руке. Тина предательски всхлинула. Только одна минута нужна, чтобы уйти. Одна минута.

Парашютист боялся двигаться. Страх захлестывал его, непомерной тяжестью вдавливал в дно его ноги. Не может он, Константино, умереть. Он жив, смотрит, дышит.

Из черноты кустов выскочил огненный язычок, лизнул лунный свет. Константино не слышал выстрела. Он медленно, поддерживаемый болотом, погрузился в топь.

Бонга не почувствовал радости и сам удивился этому. Серая гора навалилась, придавила палитую свинцом голову к земле. Сознание покидало его. Он ткнулся лицом в бугорок и заснул. Все умерло в нем. Только тяжелое, набухшее усталостью сердце продолжало работать...

Бонга проснулся.словно стояя фламинго, над золотым горизонтом плавали легкие розовые облака. На далеком лесистом берегу двигались африканцы с винтовками. Среди них были и солдаты. Нет, это не войска. Бонга узнал партизана с деревянным диском в мочке уха, приходившего в его хижину. Впереди всех, поставив ногу в ботинке на кочку, стоял человек с широким носом. Тот, кто допрашивал его в мертвом селении. На груди его висел автомат. Это друзья! Люди громко перекликались. Их было много. Они пришли на помощь.

Бонга подошел к Фиви.

— Зонде ушел за доктором, — ответил Бонга на ее молчаливый вопрос и отвел глаза в сторону. — Партизаны пришли за тобой.

Пламенел край неба. Начинался новый день.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
----------------------	---

РАССКАЗЫ

«Священный союз братьев» . . .	7
Человек с двумя лицами . . .	31
Командир особого отряда . . .	50

ПОВЕСТИ

«Копья народа»	73
Касанда	123
Поединок	164

Иванов-Леонов Валентин Георгиевич

КОПЬЯ НАРОДА. М., «Молодая гвардия», 1971.
192 стр., с илл.

Р2

Редактор
А. Строев
Оформление художника
А. Блоха
Художественный редактор
Б. Федотов
Технический редактор
Н. Туркина
Корректоры
Н. Павлова, Т. Пескова

Сдано в набор 12/V 1971 г. Подписано к печати
18/VIII 1971 г. А01271. Формат 84×108¹/₃₂. Бума-
га № 2. Печ. л. 6 (уч. 10,08). Уч.-изд. л. 9,9.
Тираж 100 000 экз. Цена 31 коп. Т. П. 1970 г.,
№ 219. Заказ 943.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия». Москва, А-30, Сушцевская, 21.

31 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ